МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Коблова Наталия Андреевна

ЖЕНЩИНЫ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата

исторических наук

Научный руководитель:

Сухова Ольга Александровна,

доктор исторических наук,

профессор

Пенза – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ФЕМИНИННОСТИ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ) 66

1.1. Социально-правовой статус женщины в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. 66

1.2. Социально-демографические факторы развития модели феминности в провинциальном обществе 83

1.3. Гендерная специфика эволюции публичного пространства в российской провинции 98

ГЛАВА 2. ЖЕНСКИЙ ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ). 146

2.1. Образование для женщин и женские инициативы в сфере просвещения 146

2.2. Трансформация дискурса феминности в период военных конфликтов 174

2.3. Практики социального и духовно-нравственного служения в российской провинции 207

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 257

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 265

ПРИЛОЖЕНИЯ 322

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Рост геополитической нестабильности и появление новых вызовов национальной безопасности диктует необходимость мобилизации адаптационных ресурсов, актуализации исторического опыта, практик социального и духовно-нравственного служения при учете гендерной специфики публичного пространства. Правовую основу выработки новых подходов в сфере социальной активности женщин составил ряд нормативных актов первых десятилетий XXI в. (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4356-р»; «Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» и др.). По данным официальной статистики, женщины современной России отличаются высоким уровнем образования, социальной и экономической активности. Доля женского предпринимательства в социальной сфере достигает 90 %, в сфере услуг – 58 %[1]. Вместе с тем в международных рейтингах равенства полов по гражданским правам и возможностям Россия находится на периферийных позициях, занимая места в диапазоне 50 – 80-х[2].

---

[1] Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4356-р // Правительство РФ: сайт. С. 2. URL: http://static.government.ru/media/files/ilHtVCkhskBAE9DAflD3Akpd787xAOc4.pdf (дата обращения: 25.04.2025).

[2] Ушакова В. Г., Савин С. Д. Женщины в современной российской политике и государственном управлении // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 22.

Сложившаяся ситуация во многом объясняется неудачей второй попытки организации независимого либерального женского движения в России в 1990-х – начале 2000-х гг., что проявилось в идейном расколе участниц Второго всероссийского женского съезда, созванного в 2008 г., спустя столетие после первого (1908 г.)[1]. Признаки неопатриархата, сохранение неравенства между мужчинами и женщинами в повседневной жизни[2], нелинейный характер социально-политического взаимодействия по «женскому вопросу»[3] в первые десятилетия XXI в. выступили серьезным препятствием для формирования этнокультурного плюрализма как необходимого условия устойчивого развития российского общества.

Оценивая сохраняющиеся риски и ограничения, Правительство Российской Федерации в числе приоритетных направлений государственной политики в интересах женщин выделило: создание условий для участия женщин в развитии институтов гражданского общества – выдвижение женщин на лидерские позиции в вопросах государственной политики по поддержке некоммерческого сектора, поощрение социальных инициатив, реализуемых в интересах женщин социально ответственным бизнесом; поддержку добровольческой (волонтерской) деятельности женщин; преодоление профессиональной сегрегации и расширение доступа женщин к руководящим должностям и т.д.[4] Задачи сохранения, продвижения и защиты традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, поставленные в Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до

---

[1] Пушкарева Н. Л. Российское женское движение 1812–2020 г. (социальный состав, цели, достижения) // Женская активность: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2021. С. 23.

[2] Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. Предисловие к русскому изданию / перевод с англ. И. А. Школьникова, О. В. Шныровой. Москва, 2004. С. 8.

[3] Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 24.

[4] Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы. С. 9–10.

2036 года»[1], напрямую согласуются с важнейшей миссией женщин на крутых переломах истории.

Актуализация оценки статуса женщины в социальных реалиях современной России, эволюция гендерной модели социально-политического взаимодействия формирует потребность в научной рефлексии факторов и направленности происходящих изменений с учетом исторического опыта сохранения преемственности традиций социального и духовно-нравственного служения.

Вместе с тем в современной российской историографии еще не сложилось системного видения гендерных аспектов развития публичной сферы, особенно на региональном уровне. Фрагментарная изученность проблемы формирует условия и задает основной вектор научного поиска. Анализ факторов, форм и направленности социального участия женщин Пензенской губернии – региона, характеризовавшегося, с одной стороны, укорененностью патриархальной культуры, а с другой – отличавшегося средоточием факторов радикализации массовых настроений (как место ссылки с сопутствовавшими признаками внутренней окраины империи; как один из центров крестьянского сопротивления, «общинной революции» в России), позволит адекватно выстроить историческую проекцию.

Объектом исследования выступает публичное пространство провинциального сообщества, понимаемое как среда для солидаризации и социально-политического взаимодействия, а также как совокупность институтов, форм, практик коммуникации, самореализации, самоопределения и формирования идентичности.

Предметом исследования являются практики социального и духовно-нравственного служения и общественно-политической активности женщин

[1] Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» // Президент России: сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986(дата обращения: 25.04.2025).

российской провинции во второй половине XIX – начале XX века (на примере Пензенской губернии).

Выбор **хронологических рамок** исследования объясняется реализацией в Российской империи широкого комплекса либеральных реформ, обеспечивших решительные изменения социально-правового статуса крестьянства, что, в свою очередь, запустило механизм всеобщей эмансипации, демократизации и декорпорированности общества. В общем потоке обретения новых возможностей для самореализации и адаптации к вызовам общества модерна формируется женское движение как социокультурный феномен, период становления и развития которого охватывает временной отрезок от середины XIX века до первой трети XX столетия[1].

Территориальные рамки исследования охватывают границы Пензенской губернии как одного из типичных регионов, сформировавшегося на юго-восточных рубежах Российского государства в качестве фронтира, а затем получившего статус его «внутренней окраины». Такой имидж сохранялся за губернией до конца XIX в., что проявлялось в размещении здесь «военнопленных, участников мятежей и ссыльных оппозиционеров»[2]. Специфику социокультурного развития края в эпоху эмансипации определяла прочность традиций корпоративной солидарности, исподволь формировавших образы «дворянского гнезда», а, стало быть, доминанты элитарной культуры, с одной стороны, и «общинного архетипа», с другой. В этих условиях миссия женского участия строилась на широком базисе идеологии просветительства в направлении преодоления социокультурного

[1] Юкина И. И. От дам-патронесс до женотделовок: История женского движения России. Москва, 2024. С. 9.

[2] Власть и общество Пензенского края в XIII – XXI вв.: исторические аспекты территориальной интеграции и формирование региональной идентичности / под общ. ред. О. А. Суховой: монография. Пенза, 2024. С. 31.

разлома посредством масштабирования практик социального и духовно-нравственного служения.

Степень разработанности темы исследования. Анализ результатов научного осмысления и репрезентации проблематики в общественном сознании выявил специфику предметной области, связанную с пересечением спектра обособленных направлений историографического поиска. Это обусловило применение проблемно-хронологического подхода при характеристике исследований, раскрывающих проявления женского участия в отдельных сферах: общественно-политического движения, создания добровольных ассоциаций, образования и благотворительной деятельности.

В историографии проблематики, объединяющей различные аспекты женской социальной активности в российской истории второй половины XIX – начала XX вв., можно условно выделить три этапа: пореформенный (1860-е – 1917 гг.), советский (1918 – 1980-е) и постсоветский или современный (1990-е – первые десятилетия 2000-х гг.).

Первые признаки оформления социального запроса на изучение фемининности в российской публицистике относятся к 1860-м гг.[1] Следующее десятилетие ознаменовано появлением «Русских женщин Нового времени»[2] за авторством Даниила Лукича Мордовцева. Это литературно-историческое произведение, представляющее собой публицистические очерки, рассказывающие о судьбах выдающихся женщин русской истории. Собственно исторические же исследования появляются позже – в 1880-1890-х гг.[3] В силу своей исключительности в центре внимания исследователей

---

[1] См.: Михайлов М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. 1860. № 4. С. 473–500; № 5. С. 89–106; № 8. С. 335–350; Лесков Н. С. Русские женщины и эмансипация // Русская речь. 1861. № 44. С. 89–106; № 8. С. 335–350; Летова К. К., Куренкова Е. А. «Женский вопрос» и женское движение в России в дореволюционной отечественной историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 135.

[2] Мордовцев Д. Л. Собрание сочинений: В 14 т. Т. 11. Москва, 1996.

[3] Есипов Г. В. Амазонская рота при Екатерине II // Исторический вестник. 1886. Т. XXIII. Январь. С. 71–75; Лашманов Ф. Ф. Надежда Андреевна Дурова // Русская старина. 1890. Т.

оказались формы общественной деятельности, традиционно не свойственные слабому полу («гусар-девка»; «георгиевский кавалер из женщин»[1]). Освоение практик участия в ратном деле, выход за пределы семейной повседневности сформировали первый тип (критерий) публичной активности – «амазонки». В этом контексте общую тенденцию развития women's studies можно представить как движение от уникального исторического опыта («исключительная женщина»[2]) к массовой социальной активности.

Исторической репликой женской эмансипации становится обращение к проблемам незавидного правового статуса женщин в колонизационном движении и освоении Сибири («привозные жонки»; «вдовы вольные»; «ясырки») в XVII в.[3] В этот же период появляется плеяда исследователей, разрабатывающих проблему равноправия женщин в вопросах брачно-семейных отношений, что заложило основы изучения законотворчества рубежа XIX–XX вв. в сфере женской эмансипации[4]. Самостоятельным направлением исследований становится разработка проблемы женского образования. Первые работы обобщающего характера в этом направлении были подготовлены Е. О. Лихачевой, публициста, издателя, преподавателя Бестужевских женских курсов[5]. Собственно, и решение «женского вопроса» в российской публицистике виделось в первую очередь как снятие

---

67. Вып. 9. С. 657–663; Некрасова Е. С. Надежда Андреевна Дурова (псевдонимы: Девица-кавалерист, Александров). 1783–1866 // Исторический вестник. 1890. Т. XLI. Июль. С. 585–612.

[1] Лашманов Ф. Ф. Указ. соч. С. 658.

[2] Некрасова Е. С. Указ. соч. С. 595.

[3] Оглоблин Н. Н. «Женский вопрос» в Сибири в XVII в. // Исторический вестник. 1890. Т. XLI. Июль. С. 195–207.

[4] Кулишер М. И. Развод и положение женщины. Санкт-Петербург, 1896; Кулишер М. И. Развод и положение женщины: зависимость семейных отношений от общественного строя. Изд-е 2-е репр. Москва, 2011; Добровольский В. И. Брак и развод: Очерк по русскому брачному праву. Санкт-Петербург, 1903.

[5] См., например: Лихачева Е. О. Материалы по истории женского образования в России. Т. 4. (1856–1880). Санкт-Петербург, 1901; и др.

ограничений в доступе женщин к образованию[1]. С позиций выявления национальных характеристик женского движения в эпоху либеральных реформ и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. хотелось бы отметить публикации Елены Иосифовны Лихачевой в «Отечественных записках»[2].

Таким образом, становление историографии женского присутствия в публичном пространстве связано с началом научного осмысления первых результатов либеральных реформ и значительного роста социальной активности российских женщин. В этом же контексте стоит упомянуть исследование Е. С. Шумигородского, посвященное истории создания первой женской организации для достижения общественных целей – Императорского Женского Патриотического Общества и подготовленное в год столетнего юбилея ассоциации[3].

Изучение истории общественных объединений в отечественной историографии также относится к 1880-м гг., впрочем, без акцента на выделение гендерных аспектов проблемы[4]. В этом отношении собственное публичное пространство в истории изучения вопроса женщины получили на следующем этапе (1906–1917 гг.), выделение которого обусловлено развитием революционного движения и принятием именного указа

---

[1] Стоюнин В. Я. Образование русской женщины (По поводу двадцатипятилетия русских женских гимназий) // Исторический вестник. 1883. Т. XII. № 4. С. 125–153; Зинченко Н. Е. Женское образование в России. Исторический очерк. Санкт-Петербург, 1901; Мижуев П. Г. Влияние народного образования на народные богатство, здоровье и нравственность, и другие стороны общественной жизни. Санкт-Петербург, 1901; Мижуев П. Г. Женский вопрос и женское движение. Санкт-Петербург, 1906.

[2] Лихачева Е. О. Новости по женскому вопросу // Отечественные записки. 1869. Т. 184. № 5. С. 118–126; Ее же. Новости по женскому вопросу // Отечественные записки. 1870. Т. 188. № 1. С. 180–187; Ее же. Женское движение у нас и за границей // Отечественные записки. 1870. Т. 189. № 4. С. 234–248; Ее же. Женщины в современной войне // Отечественные записки. 1871. Т. 194. № 2. С. 294–303; Ее же. Английская и русская благотворительность в Сербии (Письма из Белграда) // Отечественные записки. 1877. Т. 230. № 2. С. 275–285. Авторство Е. О. Лихачевой установлено С. С. Борщевским. См.: Борщевский С. С. «Отечественные записки» 1868–1884. Хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов. Москва, 1966.

[3] Шумигорский Е. С. (1857–1920). Императорское женское патриотическое общество (1812–1912). Санкт-Петербург, 1912.

[4] К истории Московского английского клуба // Русский архив. 1889. Т. 27. С. 85–98.

Правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах 4 марта 1906 г. Непосредственное участие в происходивших событиях обусловило появление интеллектуального отклика на первые победы в деле организационного строительства, проведения 1-го Всероссийского женского съезда и т.д.[1] Здесь хотелось бы выделить два потока акторов утверждения фемининности: «равноправок» и «революционерок», что нашло свое отражение в формировании полярных позиций. Так, характеризуя значение съезда («кратковременного женского парламента»), А. Н. Шабанова, председательница совета Русского женского взаимноблаготворительного общества, постулирует главные задачи борьбы за завоевание публичного пространства следующим образом: равенство в правах наследства, право раздельного проживания супругов, снятие всех ограничений на получение высшего образования, участие в самоуправлении; решение этих задач, по ее убеждению, будет обеспечено утверждением демократического строя и всеобщего избирательного права[2]. Необходимо отметить, что изменения, произошедшие за это время в правовом статусе (правах наследования) женщин, современники оценивали весьма позитивно[3]. Напротив, А. М. Коллонтай относится к достижениям феминисток весьма скептически: «во всех областях социальной жизни… достижения равноправок были ничтожны»[4].

С другой стороны, социальным катаклизмам был противопоставлен поиск новых форм социального служения, в том числе активизации женского служения в Церкви и христианском образовании женщин. Решение проблемы закрепления миссии женщин как субъектов православного воспитания и сохранения традиционной идентичности виделось в духовном

---

[1] Хвостов В. М. Женщина накануне новой эпохи: Два этюда по женскому вопросу. Москва, 1905; Петражицкий Л. И. О пользе политических прав женщин. Санкт-Петербург, 1907.

[2] Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России. Санкт-Петербург, 1912. С. 19, 21.

[3] Михайлова В. Русские законы о женщинах. Москва, 1913. С. I–II.

[4] Коллонтай А. М. Социальные основы женского вопроса. Санкт-Петербург, 1909. С. 431.

образовании, миссионерской деятельности и создании общин сестер милосердия. Начиная с 1860-х гг., неоднократно поднимался вопрос о восстановлении чина диаконисс как образца христианского служения (с епископским посвящением и причислением к клиру дев и однобрачных вдов). Подобные инициативы обсуждались и на Поместном соборе 1917–1918 гг., но, несмотря на широкую поддержку, не были приняты[1].

Общую направленность разработок социальных аспектов феминности в российской печати с 1764 по 1918 гг. можно представить как движение от просветительской парадигмы (значение вопросов воспитания и нравоучения снижается со 100 % в 1764–1794 гг. до 21,3 % в 1888–1918 гг.) к доминанте правового положения россиянок (57,76 % в 1888–1918 гг.). Собственно исторические исследования достигают пика своей актуальности в 1857–1887 гг. (32,89 %)[2]. Уже в это время была заложена основа категоризации предметного поля, в современной историографии представленная понятиями: гендерная идентичность, гендерная социализация, гендерные стереотипы, гендерная асимметрия, влияние политико-экономических и этнических особенностей общества на гендерную систему, роль андрогинности в адаптивности личности[3].

В этой связи крушение монархии в 1917 г. было воспринято как победоносное завершение вековой борьбы против подчинения мужчинам. Новой миссией женщин провозглашалась защита свободы[4]. В недрах феминистского движения окончательно утвердилось новая женская субъектность – осознания себя «собственной освободительницей»[5].

---

[1] Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Москва, 2011.

[2] Мохова В. О. Основные предпосылки формирования психологии пола и гендерной проблематики (с XVIII по начало XX века): дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2016. С. 141.

[3] Там же. С. 148–149.

[4] Тыркова А. В. Освобождение женщины. Петроград, 1917.

[5] Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. Санкт-Петербург, 2007. С. 443.

В исследованиях первых постреволюционных десятилетий манифестировался принципиальный разрыв между новым, пролетарским и старым, буржуазным подходами к регламентации положения женщины в деле «реализации ее прав и освобождения». Основу пролетарского видения проблемы составляло преодоление частного и активное осваивание публичной сферы посредством создания женотделов, делегатских собраний, вовлечения женщин в общепартийное, профсоюзное и советское строительство[1]. Как отмечает И. И. Юкина, «победу у равноправок украли». Задачи партии в отношении женщин были определены как политическая и экономическая мобилизация женщин и сопутствующая ей дефамилизация[2].

И все же, несмотря на, казалось бы, преемственность этапов освободительного движения в российской истории и признания ключевого значения женского участия в Революции, в статусе самостоятельного предмета исследования женщинам было отказано: исследований монографического характера по истории женского движения почти не проводилось[3]. Результатом эмансипации «буржуазной женщины» от домашне-хозяйственных обязанностей считалось вовлечение женского труда в «сферу капиталистической эксплоатации»[4]. Единственным исключением в этом отношении следует назвать работу С. О. Цедербаума по истории женского движения в 1870–1905 гг., посвященном генезису новых типов самореализации: от «народоволок» до «социал-демократок» и «работниц-революционерок»[5]. Следует отметить сохранение интереса к истории

---

[1] Курская А. С. Участие женотделов в проведении кампании по ликвидации неграмотности // Коммунистка. Москва, 1923. № 8. С. 10–11; Рашин А. Г. Женский труд в СССР. Москва, 1928. Вып. 1; Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение: хрестоматия / под редакцией и с введением Клары Цеткин. Москва–Ленинград, 1929; Ковалев К. Н. Историческое развитие быта женщины, брака и семьи // Вопросы пола, полового воспитания, брака и семьи. Альбом. Ч. 3. Москва, 1931; и др.

[2] Юкина И. И. Указ. соч. С. 443.

[3] Юкина И. И. От дам-патронесс до женотделовок ... С. 9.

[4] Вольфсон С. Я. Семья и брак в их историческом развитии. Москва, 1937. С. 113–162.

[5] Цедербаум С. О. Женщина в русском революционном движении (1870–1905). Ленинград, 1927.

общественных организаций XIX в., выступавших в исследованиях базами развития общественной мысли, в том числе с активным женским участием[1].

Подобная ситуация объясняется двойственной и непоследовательной политикой в отношении возможности женского участия в общественной деятельности: от тотального запрета на женское движение до создания женотделов, а затем их окончательной ликвидации в 1930 г. с целью установления партийного контроля над процессом роста социальной активности. В официальном дискурсе это объяснялось полным решением «женского вопроса» в СССР: признание заслуг женского движения в подготовке и проведении революции, установление полного равенства мужчин и женщин и фактического раскрепощения женщины[2]. Эта концепция сохранила свое положение и в период 1960-х – 1980-х гг., хотя общая база исследований, посвященных проблемам участия женщин в освободительном движении и «завоевания женских масс» большевиками, серьезно пополнилась[3].

Тема женского сопротивления закрепляется в общем пространстве «революционной» историографии и в регионах[4]. Так, А. З. Кузьмин, приводя данные о социал-демократах, находившихся в разработке Пензенского ГЖУ в 1907 г., в числе шести человек отмечает двух женщин: М. А. Гохгейм и О. М. Васильеву, а также указывает на причастность к деятельности социал-

---

[1] Аронсон М. И., Рейсер С. А. (сост.). Литературные кружки и салоны. Ленинград, 1929. С. 18.

[2] Бильшай В. Л. Решение женского вопроса в СССР. Москва, 1956. (2-е изд-е – 1959 г.)

[3] См., в частности: Сердитова С. Н. Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903–1917). Москва, 1959; Гришина З. В. Союз равноправности женщин (1905–1908) // Проблемы истории СССР. Вып. VI. Москва, 1977. С. 255–272; Чирков П. М. Решение женского вопроса в СССР. (1917–1937 гг.). Москва, 1978; Никитина Т. Б. Женщины в русском освободительном движении 60–70-х гг. XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1971; Федосова Э. П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918). Москва, 1980; и др.

[4] См., например: Строкова И. Х. Женщины Самарской губернии в Первой русской революции // Большевистские организации Поволжья в революции 1905–1907 гг. Куйбышев, 1977. С. 85–94; Леонов М. И. Эсеры и крестьянство Среднего Поволжья в революции 1905–1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье в революции 1905–1907 гг. Куйбышев, 1985. С. 56–66.

демократической организации неизвестной под псевдонимом «Татьяна Ивановна» и учительницы М. Г. Викторовой[1].

«Женский вопрос» трактовался исследователями как борьба за уничтожение «дискриминации и угнетения масс женщин», а его решение – как создание социально-бытовых условий, обеспечивавших полноценное включение женщин в общественный труд и все сферы общественной жизни[2]. В этом ключе женское стремление обрести равные права на доступ к образованию рассматривалось исключительно как результат их участия в революционно-демократическом движении и борьбе с царизмом[3]. Впрочем, с учетом идеологической ангажированности исследования по истории женского образования в императорской России послужили серьезным заделом в плане освоения и введения в научный оборот новых исторических источников[4].

Вместе с тем идеологически табуированными с позиций марксистской методологии оставались социально-психологические и культурно-религиозные аспекты общественной деятельности женщин[5]. Отметим также более высокую результативность разработок в сфере истории добровольных ассоциаций, не вызывавших явного идеологического диссонанса[6].

---

[1] Кузьмин А. З. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Пенза, 1955. С. 104–105.

[2] Смирнова В. Н. Женский вопрос на демократическом и социалистическом этапах революции (Женщины Татарии в революции и Гражданской войне): дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 1971. С. 4.

[3] Тишкин Г. А. Женский вопрос в России, 50–60-е гг. XIX в. Ленинград, 1984.

[4] Ососков А. В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). Москва, 1982.

[5] Пушкарева Н. Л. Русская женщина: История и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы к библиографии. Москва, 2002. С. 30–31.

[6] См., например: Щиглик А. И. Добровольные общества в переходный период от капитализма к социализму // Вопросы теории и истории общественных организаций. Москва, 1971. С. 173–231; Степанский А. Д. Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 204–209; Степанский А. Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв : дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1982; и др.

Начало методологического поворота в изучении женского общественного движения приходится на 1990-е гг. – начало 2000-х гг., что объясняется освоением интеллектуального багажа зарубежного гуманитарного знания и междисциплинарным уровнем исследований, выполненных на стыке социальной истории, истории повседневности, новой культурной истории, memory studies и women studies, объединенных принципом антропологизации представлений о прошлом. Напротив, интерес к вопросам участия женщин в революционном движении практически полностью угасает, что объясняется кризисом марксисткой методологии истории.

Женский мир как особая, структурно организованная часть российского дворянского социума XVIII – начала XIX века, ключевой элемент культурного пространства, обладавший собственной семиотикой, системой ценностей и формами поведения, раскрывается в трудах Юрия Михайловича Лотмана. Женщина, выступавшая одновременно актором, источником нравственного идеала и объектом социальной регламентации, рассматривается автором как медиатор между семейным и публичным пространством, между традицией и новацией. В этом контексте женское поведение, внешность, стиль одежды и даже походка трактовались как определенный социальный текст[1].

Основоположником российского направления women studies является Н. Л. Пушкарева, разработавшая системную модель социокультурной эволюции семейного статуса женщины в X – начале XIX вв., методологические основы антропологии повседневности[2]. Впервые в отечественной историографии в центре внимания оказалась частная семейная

[1] Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Санкт-Петербург, 1994.

[2] Пушкарева Н. Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социокультурных изменений: дис. ... д-ра. ист. наук. Москва, 1997; Пушкарева Н. Л. Гендерная история и историческое знание. Санкт-Петербург, 2007.

сфера жизни русской женщины на протяжении всей доиндустриальной эпохи как основная в структуре повседневности, отражавшая каждодневный женский быт и отношение к нему. В числе системообразующих положений автора следует выделить аргументацию нелинейной динамики в ходе эволюции имущественного статуса женщин (от расширения дееспособности в X – начале XVI в., до введения ограничений в XVI – XVII вв. и укрепления индивидуальных прав с конца XVII до начала XIX в.); а также вывод о сохранении ограничений средневековой православной морали в «мире женщин» до начала XIX в. как подтверждение устойчивости традиционного культурного кода. В проекции на последующие эпохи модерна и даже постмодерна эти заключения доказывают цикличный характер эволюции социально-политического статуса женщин и снимают ярлык наиболее «антифеминистского» с доиндустриального общества[1].

Основная масса работ конца 1980-х – 1990-х гг. посвящена истории женского вопроса и женскому движению середины XIX – начала XX века. Первая когорта исследователей женского движения и феминизма представлена именами С. Г. Айвазовой, Н. К. Мартыненко, М. В. Рабжаевой, И. В. Куприной, О. А. Хасбулатовой, И. И. Юкиной и др. В начале 2000-х гг. формируется тренд на разработку истории женского протестного движения на уровне диссертационных исследований[2]. Методологический плюрализм

---

[1] Пушкарева Н. Л. Гендерная история и историческое знание. Санкт-Петербург, 2007.

[2] Айвазова С. Г. Женщины и лозунг «Свобода! равенство! братство!»// Рабочий класс и современный мир. 1988. № 6. С. 174–183; Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории: документальные материалы). Москва, 1998; Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново, 1994; Хасбулатова О. А. Социально-исторический опыт и традиции женского движения в России (1860–1917): дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1995; Куприна И. В. Феминистское движение в России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: Москва, 2000; Мартыненко Н. К. Женское движение в России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002; Рабжаева М. В. Женская эмансипация в России: эксперименты по гендерному конструированию // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2001 г.) / составитель Г. А. Тишкин. Санкт-Петербург, 2001. С. 26–29;

позволил авторам пересмотреть установки концепции женского потока в революционно-демократическом движении и ввести в научную практику применение понятия «феминизм» и его производных[1].

В первом десятилетии нового века поиск новаций в этом направлении продолжился и оформился в ранге самостоятельного направления научных исследований[2]. Начинается разработка структуры социально-правового статуса женщины как основного мотива ее общественной активности. Применительно к XVIII в. внушительный массив документов актового характера по истории городской семьи, раскрывающих специфику брачных обязательств, отношений между супругами, воспитания детей, практики духовно-нравственного служения, введен в научный оборот Н. В. Козловой[3].

В начале 2000-х гг. перспективы изучения «женской истории» были определены Н. Л. Пушкаревой как движение от сосредоточенности на статусе русских крестьянок и анализе семейного быта, от сложившейся традиции рассматривать социальную активность женщин через оценку их прямого участия в борьбе за равенство прав; обнаружился явный недостаток исследований, выполненных в биографическом жанре, публикаций по истории частной жизни, повседневности[4].

Отчасти эти пробелы были заполнены исследованиями по повседневности российского крестьянства. Так, повседневный мир русской

Юкина И. И. Историко-социологический анализ женского движения России середины XIX – начала XX веков: дис. ... канд. социол. наук. Санкт-Петербург, 2000; и др.

[1] Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М. Женское движение в общественно-политической жизни России 1914–1917 гг. (некоторые итоги изучения проблемы в отечественной историографии) // Российская история. 2017. № 5. С. 76.

[2] Ельникова Г. А. Духовные и социокультурные основания российского феминизма: дис. ... д-ра. социол. наук. Белгород, 2004; Фалько Е. И. Русское Женское Взаимно-Благотворительное общество, 1895 – 1918 гг.: Реконструкция документального комплекса: дис. ...канд. ист. наук. Москва, 2003.

[3] Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., ввод. ст. и коммент. Н. В. Козловой // Труды исторического факультета МГУ: Вып. 23. Сер. 1. Исторические источники. Москва, 2002.

[4] Пушкарева Н. Л. Русская женщина: История и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы к библиографии. Москва, 2002. С. 39, 40, 42.

крестьянки периода поздней империи, его интимную («в семье») и публичную («на миру») сферы, включая паттерны протестного поведения, проституцию, женскую преступность, мирские публичные наказания, эволюцию социальной роли, рассматривает в своих работах В. Б. Безгин[1].

Экстремальные практики женской повседневности в периоды военных конфликтов XVIII – начала XX вв. проанализировал П. П. Щербинин. Ситуация травмы автором рассматривается в двух женских ипостасях: солдатки (социально-правовое положение и бытовые реалии семей призванных на войну солдат) и воительницы, сознательно выбиравшей мужские роли или иные новые сферы публичной активности (сестринское дело)[2]. По мнению автора, первым масштабным вызовом эпохи модерна стала Русско-японская война 1904–1905 гг., когда мобилизационные кампании затронули в подавляющем числе семейных призывников и запасных, породив феномен солдатской жены как ключевого актора публичной сферы российской провинции[3]. Мотивы участия россиянок в Первой мировой войне оцениваются Щербининым за рамками переживания личной трагедии. Они свидетельствуют о росте патриотического сознания женщин. Не меньший интерес вызывает у автора анализ восприятия женщин на войне армейским мужским сообществом; стратегий гендерного «военного» поведения; формирования женских батальонов смерти[4]. Первая мировая война как фактор деструкции и экстремизации дискурса

[1] Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва–Тамбов, 2004; Безгин В. Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. Москва, 2024.
[2] Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.
[3] Щербинин П. П. Баба с газетой: Как жила черноземная провинция во время войны с Японией // Родина. 2004. № 4. С. 95–97.
[4] Щербинин П. П. Женщины в русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник ТГУ. Вып. 3 (35). 2004. С. 42–49.

феминности рассматривается в контексте тотального крушения духовно-нравственных ценностей и моральных норм[1].

Одним из значимых направлений развития исследовательской практики выступает разработка периодизации проблемы. Так, О. А. Хасбулатова выделяет в женском движении пореформенного периода три этапа: 1859–1895 гг. – зарождение («новые женщины»), 1895–1906 гг. (критерий обособления – политизация женского участия), 1907–1914 гг. – становление массового движения[2]. В представлениях С. Г. Айвазовой дробность деления, напротив, сокращается: период 1861–1917 гг. определен как либерально-демократический в противопоставлении этапу «социалистического строительства»[3].

По мнению И. И. Юкиной, основанием для периодизации женского движения выступает фактор идеологии, что акцентирует внимание на выделении двух этапов: женского движения – 1858–1905 гг. («общий» или «ненаправленный характер», «без ”сепаративной” женской активности»), на котором решались вопросы улучшения жизни женщин в рамках традиционного общества; и феминистского как прямого и естественного продолжения женского движения – 1905–1918 гг., когда сформировалась идеология обоснования требований гражданских прав в полном объеме

---

[1] Сенявская Е. С. «Без бабы и без вина и война не нужна»: проблемы фронтовой морали в период Первой мировой войны // Историческая психология и социология истории. 2013. № 1. С. 32–48.

[2] Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). Иваново, 1994. Отметим, что этот подход воспроизводит в целом «ленинскую» периодизацию участия женщин в освободительном движении с выделением в качестве рубежей: 1895 г. – начало пролетарского этапа, 1895–1905 гг. – борьба за избирательное право, следующее десятилетие отмечено включением женщин в революционную борьбу. См.: Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер. Москва, 1988; Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 41.

[3] Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории: документальные материалы). Москва, 1998. Подробнее о современных походах к периодизации истории женского движения см.: Федотова А. Ю. Женская общественная деятельность: терминология и методология изучения женского движения в России во второй половине XIX – начале XX в. // Historia Provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8. № 1. С. 179–180.

(«специфический» характер)[1]. При этом зарождение женского пролетарского движения автор относит только к 1917 г., когда начались самостоятельные действия женского пролетариата как отдельной социальной группы. Основным критерием деления выступает принцип формирования новых структурных макроусловий генезиса движения и его ресурсов[2].

Определенным рубиконом женского движения Н. Л. Пушкарева обозначила 1905 г., когда на смену периоду первой волны (1858–1905 гг.) приходит период зрелости (1905–1918 гг.)[3]. При этом Наталья Львовна справедливо указывает на внутреннюю дифференциацию и политизацию женского движения после 1895 г.[4]

На рубеже 1990-2000-х гг. самостоятельным направлением гендерного поворота отечественной историографии становится история женского образования в пореформенную эпоху, прежде всего на уровне диссертационных исследований[5]. Так, по мнению Т. А. Шилиной, эпоха либеральных реформ является временем сотрудничества государственной власти и передовой общественности страны, результатом которого выступает появление нового типа женского учебного заведения – всесословного

---

[1] Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. С. 8; Ее же. От дам-патронесс до женотделовок … С. 12, 38.
[2] Юкина И. И. От дам-патронесс до женотделовок … С. 34–35.
[3] Пушкарева Н. Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801–1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 52–67.
[4] Пушкарева Н. Л. Русская женщина … С. 41.
[5] Веременко В. А. Высшее совместное образование мужчин и женщин в России в начале XX в.: дис. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 1996; Кирьянова О. Б. Развитие женского низшего профессионального образования в России конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. пед. наук. Саранск, 1996; Куприна И. В. Феминистское движение в России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2000; Гафизова Н. Б. Исторический опыт взаимодействия российского и международного женских движений в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2000; Мартыненко Н. К. Женское движение в России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002; Фалько Е. И. Русское Женское Взаимно-Благотворительное общество, 1895 – 1918 гг.: Реконструкция документального комплекса: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2003; Шилина Т. А. Эволюция женского образования в России: государственная политика и общественная инициатива (конец XVIII – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010; и др.

училища для приходящих девиц (гимназии)[1]. К 140-летию Высших женских курсов и столетию их преобразования в Третий Петроградский университет тема развития высшего женского образования в Российской империи вновь обретает актуальность[2].

В начале 2020-х гг. изучение вопросов женской социальной активности переходит на новый теоретический уровень – осмысления факторов формирования и устойчивости культурно-исторической традиции в периоды социокультурных трансформаций; дихотомии интимного и публичного[3]. Так, Н. Л. Пушкарева, рассматривая национальные особенности реализации «великой инициативы феминизма» в XIX – начале XX в., отмечает недостаток опыта коллективных действий; отсутствие противопоставления мужским инициативам и жесткого гендерного обособления на организационном уровне; стремление к освобождению от женственности, телесности, освоению мужских ролей и профессий; и тесную связь с революционно-демократическим движением[4]. Генезис феминистского движения, его цели, внутренние ресурсы, идеологию, коллективные действия, отражение в судьбах ключевых участниц рассматривает в своей монографии И. И. Юкина[5].

Самостоятельным направлением исследований становится изучение женской повседневности в эпоху эмансипации. И, несмотря на, казалось бы, ограничения этой новой «верховной реальности» приватным пространством, появляются работы, посвященные «выходам» за пределы привычного, преодолению зависимости от власти мужчин, семьи, сословных ограничений.

---

[1] Шилина Т. А. Указ. соч. С. 192.

[2] Вахромеева О. Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). Со вступительным очерком «Границы женской эмансипации в дореволюционной России»: К 140-летию Бестужевских курсов. Москва, 2018.

[3] XVIII век: интимное и публичное в литературе и культуре эпохи XVIII в. / под ред. Н. Т. Пахсарьян. Санкт-Петербург, 2021.

[4] Пушкарева Н. Л. Российское женское движение 1812–2020 г. … С. 16–25; Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 17–27.

[5] Юкина И. И. Указ. соч.

Так, на примере практик освобождения от «паспортной зависимости» от мужей и от местной власти рассматривает мир повседневной жизни россиянок, принадлежавших к мещанскому сословию, З. М. Кобозева[1].

Женские нарративы советской и постсоветской эпохи изучаются в русле ярко выраженной тенденции последнего времени – утверждения нового частного пространства, не связанного брачными обязательствами[2], а также анализа устойчивости традиционного в изменчивом обществе, женской семейной памяти[3]. Тем самым изменения исследовательского контента и авторских предпочтений отражают направленность социокультурной динамики, опосредованной переходом от традиционного общества к обществу модерна и далее к постиндустриализму. В повседневной жизни женщин это проявилось в «завоевании» мужского ландшафта и создании «своего публичного», а затем «нового частного» пространства. Важнейшим направлением исследований становится гендерное измерение повседневности и его отражение в социокультурной памяти[4].

Локальное измерение женского публичного пространства как самостоятельный предмет исследования пока не сформировалось, хотя территориально Россия периода поздней империи являла собой существенный плюрализм и в решении «женского вопроса», и в формах, и в направленности движения самоорганизации. Скажем, Финляндия, войдя в

---

[1] Кобозева З. М. Мещанка и паспорт: как женщины мещанского сословия преодолевали и использовали «паспортную зависимость» // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 132–139.

[2] Шадрина А. Не замужем: секс, любовь и семья за пределами брака. Москва, 2014.

[3] Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В. Женское лицо авиаграда: память о повседневной жизни жительниц Жуковского в годы оттепели // Новейшая история России. 2024. Т. 14. № 2. С. 468–482; Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В. Социально-культурное и семейно-бытовое пространство двух поволжских городов 1950–1960-х гг. в женской социальной памяти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 1. С. 114–126; и др.

[4] Пушкарева Н. Л. Гендерное измерение повседневности и его отражение в социокультурной памяти // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности: Материалы XV-ой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН в двух частях. Том 1. Пенза, 2022. С. 12–19.

1809 г. в состав Российской империи на правах Великого княжества Финляндского, впервые в своей истории обрела государственность. Традиции широкой внутренней и внешней автономии, практически граничившей с личной унией[1], наличие сейма (формально с 1809 г., созывавшегося с 1863 г.) стали основанием для введения всеобщего, включая женщин, избирательного права в 1906 г. (впервые в Европе)[2].

В то же время в современной историографии четко выражена тенденция к регионализации проблемы. Первоначально в фокусе внимания исследователей оказалась история общественных организаций в целом[3], а затем непосредственно женского движения[4]. Так, рассматривая деятельность общественно-политических организаций Поволжья в первые десятилетия XX в., Н. Н. Кабытова приходит к выводу о сохранении протестной,

---

[1] Филонов А. В. Особенности правового статуса Великого княжества Финляндского в составе Российской империи // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 4. С. 62–63.

[2] Филонов А. В., Биляев В. А. Сравнительно-правовой анализ особенностей правового статуса национальных окраин Российской империи. На примере Великого княжества Финляндского, Царства Польского, Средней Азии // Закон и право. 2020. № 7. С. 29.

[3] Туманова А. С. Неполитические общественные организации г. Тамбова в нач. XX в. (1900–1917): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1996; Кабытова Н. Н. Власть и общественные организации Поволжья в 1917 году: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 1999.

[4] Казанцева С. Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000; Котлова Т. Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX-XX вв. 1890–1914: На материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний: дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2003; Шафранова О. И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004; Овечкина С. Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии: Вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005; Долидович О. М. Женское движение в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006; Петайкина М. В. Становление женских социальных и политических движений в Саратовской, Самарской и Симбирской губерниях в начале XX века: 1900–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2009; Верхотурова, В. В. Общественная деятельность городской женщины Западной Сибири во второй половине XIX в.: на материалах Томской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007; Шатохина С. Б. Эволюция образования женщин в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века в контексте повседневности: по материалам Воронежской и Курской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2011; Мицюк Н. А. Женщины российской провинции XIX – начала XX века: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск, 2013; и др.

контркультурной направленности политической активности российской провинции и кризисе монархистских консервативных сил Поволжья, несмотря на краткий период патриотического подъема и единения с властью на начальном этапе Первой мировой войны: «Провинция “ушла” в революцию – фронт нечем стало подпитывать»[1]. Постепенно в региональной историографии происходит закрепление женского движения как самостоятельного предмета исследований. Так, М. В. Петайкина рассматривает процесс становления женских социальных и политических движений на материалах Саратовской, Самарской и Симбирской губерний в период 1900–1907 гг.[2] К истории создания в Самаре отделения Всероссийского союза равноправия женщин (ВСРЖ) – первой организации в губернии, которая отстаивала гражданские и политические права женщин, – обращаются М. И. Леонов и Ю. А. Зиновьева[3]. На примере Е. Н. Ошаниной, участницы революционного движения в Черниговской и Казанской губерниях в начале XX в. А. Ю. Федотова решает проблему выбора множественных типов женской самореализации в зависимости от обстоятельств[4].

В современной историографии повседневности женское присутствие в провинциальном публичном пространстве измеряется анализом практик социально-политического взаимодействия[5]. По мнению Н. А. Мицук,

---

[1] Кабытова Н. Н. Общественно-политические организации Поволжья в 1914–1917 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 193–200.

[2] Петайкина М. В. Становление женских социальных и политических движений в Саратовской, Самарской и Симбирской губерниях в начале XX века: 1900–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2009.

[3] Леонов М. И., Зиновьева Ю. А. Самарские женщины в феминистском движении начала XX века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 5 (86). С. 1552–1561.

[4] Федотова А. Ю. «Нигилистки», «феминистки», «радикалки»: проблема идентификации самореализации женщин в начале XX в. (на примере Е. Н. Ошаниной) // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. 2023. № 2. С. 164–172.

[5] Кобозева З. М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или рассказ о «душе с повинностями». Самара, 2013.

рассмотревшей вопросы развития женской повседневности в XIX – начале XX веков на материалах Смоленской губернии, решающим фактором эволюции социокультурного пространства, практик гендерного поведения, гендерных ролей провинциальных женщин в конце XIX в. становится трансформация системы начального, среднего и профессионального женского образования[1]. Возможность выбора профессиональной стези (педагога, врача, сестры милосердия, аптекаря, портнихи и др.) разрушала существовавшие стереотипы о «природном происхождении» женщины (дочь, супруга, мать) и позволяла новой женщине активно осваивать сферы публичного пространства[2].

Региональный аспект изучения публичного пространства Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века представлен работами Н. Г. Карнишиной, Н. В. Малышевой, Н. А. Разуваевой, О. В. Добровой, В. Н. Паршиной, А. В. Митрофанова[3]. Разрабатываются вопросы генезиса, предпосылок развития, специфики формирования провинциальной публичности, информационного пространства, благотворительной

---

[1] Мицюк Н. А. Женщины российской провинции XIX – начала XX века: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск, 2013.

[2] Там же. С. 6, 345.

[3] Малышева Н. В. Общественно-политическое движение учащейся молодежи провинциальной России в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998; Карнишина Н. Г. Столица и провинция. Российская политическая культура 1860-х – 1890-х гг. Пенза, 1999; Разуваева Н. А. История российской благотворительности во второй половине XIX – начале XX вв.: По материалам Пензенской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006; Доброва О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007; Паршина В. Н. Становление системы женского образования в России во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007; Карнишина Н. Г. Периодическая печать Российской империи пореформенного периода второй половины XIX в. в контексте проблемы взаимодействия власти и общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 3–9; Митрофанов А. В. Общественные организации конфессионального характера в Саратовской и Пензенской губерниях в 1860-е –1890-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2019.

деятельности[1]. В то же время стоит отметить, что проблемы гражданской солидаризации и формирования добровольных ассоциаций в российской провинции в историографии конца 1990-х – начала 2000-х гг. разрабатываются без учета гендерной специфики. Социальная активность женщин рассматривается в общем потоке революционно-освободительной борьбы, развития благотворительной и культурно-просветительской деятельности. В частности, диссертационное исследование Н. В. Малышевой посвящено эволюции организационных форм общественно-политического движения учащейся молодежи, изучению типологии и характера выступлений. Эпизодически исследователь обращается к примерам участия воспитанниц пензенских гимназий, епархиального училища, фельдшерской школы в кружковой деятельности, петиционном движении, в стихийных формах социального протеста (в авторской интерпретации – категория «брожения»)[2]. В процессе политизации молодежного движения автор выделяет три этапа: конец 1890-х – 1904 гг. – период «брожения» и саморазвития; 1905–1907 гг. – освоение революционных форм социального протеста; 1907–1914 гг. – возврат к легальным (дореволюционным) методам борьбы[3].

Анализируя деятельность неполитических общественных организаций на территории Пензенской губернии в период с 1860-х гг. по октябрь 1917 г., О. В. Доброва сосредоточила свое внимание на проблемах организационного строительства, численного состава, классификации обществ, результатах их деятельности, роли в социокультурном развитии российской провинции. Так, по данным автора, наиболее широко в губернии были представлены

---

[1] Карнишина Н. Г., Карнишин В. Ю. Информационная среда провинциальной России конца XIX – начала XX в.: методология исследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (49). С. 15–22.

[2] Малышева Н. В. Общественно-политическое движение учащейся молодежи провинциальной России в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998. С. 105, 118.

[3] Там же. С. 225.

профессиональные организации (свыше 67 %), в то время как число благотворительных и культурно-просветительских обществ было незначительным (21 из 305 или 7 % и 4 % соответственно). Очевидно, что в качестве критерия классификации О. В. Доброва использовала целеполагание или направленность публичного интереса. При этом гендерные аспекты в деятельности общественных организаций автором не акцентируются[1].

Эволюция правовой основы, масштабов и темпов развития благотворительных учреждений в российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. на примере Пензенской губернии рассмотрена Н. А. Разуваевой. По мнению автора, общая тенденция развития благотворительности выразилась в укреплении позиций и доли частной инициативы в учреждении богаделен, библиотек, учебных заведений и пр. к началу XX в. Н. А. Разуваева не решает вопрос о выявлении гендерной специфики благотворительности, но констатирует сохранение преемственности участия «состоятельных дам», жен именитых особ в процессе создания обществ и попечительств[2].

Предметом исследования В. Н. Паршиной выступает процесс становления и развития женских начальных и средних учебных заведениях Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века. По мнению автора, распространение женских гимназий в городах Пензенской губернии послужило фактором социокультурной трансформации российской провинции, способствовало разрушению традиционных патриархальных ценностей и утверждению новых установок сознания. Вместе с тем женские школы по-прежнему оставались недоступными для большинства населения региона, поэтому можно вести разговор лишь о самом начале грядущего

---

[1] Доброва О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX – начала XX века. С. 223–229.

[2] Разуваева Н. А. История российской благотворительности во второй половине XIX – начале XX вв.: По материалам Пензенской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. С. 175–178, 201.

модернизационного прорыва[1]. К проблемам развития женского образования при анализе губернского образовательного комплекса России обращалась также Л. Д. Гошуляк[2].

Образ новой «амазонки» в истории российской провинции воссоздан в монографии Л. В. Рассказовой[3]. Работа выполнена в жанре биографического исследования и раскрывает вехи жизненного пути М. В. Михно-Лысовой (Захарченко), добившейся зачисления в Третий гусарский Елизаветградский Ее Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны полк добровольцем после смерти своего мужа в 1915 г.

Итогом многолетних научных поисков и кропотливого сбора биографических сведений и материалов о беспрецедентном опыте социального служения и духовно-нравственного подвижничества Марии Михайловны Киселевой (храмостроительство, пожертвования на устройство женских обителей, поддержка Православных Святынь и паломников в Палестине; создание учреждений социального призрения; попечение о духовном образовании) стала монография А. Ф. Головиной, выдержавшая уже два издания[4]. Интерес исследователей к реконструкции личной стратегии социальной аскезы пензенской благотворительницы не ослабевает, несмотря на наличие исчерпывающей, скрупулезно-детализированной историко-биографической саги Головиной. Во многом это объясняется не

---

[1] Паршина В. Н. Становление системы женского образования в России во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. С. 33–34. См. также: Власов В. А., Паршина В. Н. Народное образование и наука // История Пензенского края: в 3 т. / под общей ред. О. В. Мельниченко. Т. 2. История Пензенского края XIX века. Пенза, 2023. – С. 447–475.

[2] Гошуляк Л. Д. Губернский образовательный комплекс России второй половины XIX – начало XX веков. Москва, 2001.

[3] Рассказова Л. В. Беспрерывный подвиг. Биографический очерк – исследование о М. В. Захарченко. Москва, 2008.

[4] Головина А. Ф. Великая благотворительница. Пенза, 2003; Ее же. Великая благотворительница. Москва, 2014.

провинциальным, но имперским значением деятельности Киселевой, полным соответствием канонам строительства национальной идентичности[1].

В зарубежной историографии переход на уровень осмысления специфики русской культуры, скажем, разработка типологии литературных образов советских женщин: «крестьянки», «пролетарки», «интеллигентки» и «амазонки», происходит в конце 1960-х гг.[2] Как справедливо заметила Н. Л. Пушкарева, историко-правовые аспекты женского движения в России в индустриальную эпоху получили освещение в зарубежной историографии прежде, чем были «замечены» в отечественной историографии. Еще одной специфической чертой исследовательской практики стало акцентирование социально-психологических аспектов (мотивации, поведенческих практик)[3].

В 1978 г. выходит монография Ричарда Стайтса, посвященная изучению либерального женского движения в России. По масштабности и глубине выводов эта работа и по сей день не утратила своей актуальности и значения. В концепции автора представлен анализ двух периодов: «женского вопроса» – 1855–1881 гг. и «женского движения» – 1881–1917 гг., в рамках которого выделено два этапа борьбы за политическое равноправие: 1905–1907 и 1908–1914 гг. Стайтс впервые в историографии проблемы обратил внимание на специфику русского феминизма, выраженную в предельной либерализации и нарочитой социальной направленности, готовностью сотрудничать с мужскими ассоциациями, не противопоставляя себя им[4].

---

[1] Бутова Р. Б. Храмостроительница и благотворительница. К 220-летию со дня рождения Марии Михайловны Киселевой // Православный Палестинский сборник. 2018. № 115. С. 159–172; Дорофеева Т. Г. Мария Михайловна Киселева. Подвиг беззаветного служения // Annali d'Italia. 2022. № 31. С. 90–92; Лисовой Н. Н., Бутова Р. Б. Киселева Мария Михайловна / Энциклопедия ИППО. 1882–2022. Москва, 2022. С. 366–367.

[2] Gasiorowska X. Women in Soviet Fiction, 1917–1964. Madison; London, 1968.

[3] Пушкарева Н. Л. Русская женщина: История и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы к библиографии. Москва, 2002. С. 83, 85.

[4] Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Femenism, Nigilism and Bolshevism. 1860–1930. Princeton (N.J.), 1978. В русском переводе книга появилась только в начале 2000-х гг. См.: Стайтс Р. Указ. соч.

В общем русле набиравшего популярность направления Women and Gender Studies в 1970-х – 1980-х гг. русский феминизм рассматривался как часть всемирного движения женщин, отмеченная ярко выраженной спецификой, и в этом звучании данная тема весьма широко представлена в зарубежной историографии[1]. В качестве примера следует отметить работы Б. А. Энгел, посвященные проблеме утверждения радикального направления в феминизме[2], а также К. Портер[3].

В 1981 г. Линда Эдмондсон защитила диссертацию на тему: «Феминизм в России 1900–1917», впоследствии опубликованную в формате монографии[4]. Автор оценивает политические реалии реализации идей феминизма в России начала XX века, его открытость, взаимосвязь с международными организациями, консолидацию на общероссийском уровне (отдельная глава посвящена первому Всероссийскому съезду женщин), сотрудничество с либеральными и радикальными организациями и распад после прихода к власти большевиков[5]. На острие методологических новаций выполнена монография Роуз Гликман по истории производственной и бытовой повседневности работниц в имперской России[6]. В общеевропейском потоке формирования «новой женщины» рассматривает эволюцию социально-политического статуса россиянок известный британский историк Э. Хобсбаум. В его оценках результатом адаптации общества к современным вызовам XIX – начала XX в. и фактором развития женского движения становится ограничение рождаемости (более позднее вступление в брак) и борьба со смертностью детей. Россия в этом отношении существенно

---

[1] Ruthehild R. Russian Feminism, 1905–1917. Ph. D. thesis. University of Rochester. 1976.
[2] Engel B. A., Rosenthal Cl. (ed.). Fife Sisters: Women Against the Tsar. Boston, 1975. Repr.: Five sisters: women against the tsar: the memoirs of five young anarchist women of the 1870's. New York, 1992.
[3] Porter C. Fathers and daughters: Russian women in revolution. London, 1976.
[4] Edmondson L. H. Feminism in Russia 1900–1917. Stanford, California, 1984; London, 1984.
[5] Edmondson L. H. Ibid. См. также: Women and Society in Russia and Soviet Union / Ed. L. Edmondson. Cambridge; New York, 1992.
[6] Glickman R. L. Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880–1914. Berkeley, 1984.

отставала от европейских стран. Так, детская смертность здесь снижается с 260 случаев на тысячу населения в 1870-х гг. до 250 – в начале 1900-х гг., в то время как в Дании в 1908 г. аналогичный показатель составлял 96 случаев[1].

В 1990-е гг. тему развития сферы профессиональной деятельности как проявления социальной активности русских женщин продолжили Джейн Макдермид и Анна Хиллар. Дихотомия «семья – работа» рассматривается в монографии в русле влияния факторов гендера, индустриализации и урбанизации. Самостоятельные разделы исследования посвящены возникновению женского революционного движения в период революции 1905–1907 гг., политизации настроений и солидаризации женщин-работниц в период Первой мировой войны и революций 1917 г. (непосредственная связь между празднованием Международного женского дня и падением царизма вынесена в название одного из разделов монографии)[2].

В 1994 г. Вильям Вагнер опубликовал первую обобщающую монографию, посвященную развитию гражданского законодательства в имперской России в общем русле либеральных реформ и восприятия современниками женской эмансипации, юридического воплощения того, что уже существовало на практике (например, раздельное проживание супругов)[3].

Имперскому периоду в истории женского движения в России, отдельным аспектам социальной адаптации женщин к меняющимся условиям жизни посвящена коллективная монография, объединившая исследования Кристин Воробец, Н. Л. Пушкаревой, Барбары Энгель, Джудит Пэллот, Барбары Клементс, Лауры Энгелштайн и др., к настоящему времени

---

[1] В своей монографии «Век империи», опубликованной впервые в 1987 г., Э. Хобсбаум посвятил этому вопросу отдельную главу «Новая женщина». См.: Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону, 1999. С. 283–320.

[2] McDermid J., Hillyar A. Women and work in Russia, 1880–1930: a study in continuity through change. London; New York, 1998.

[3] Wagner W. G. Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia. New York, 1994.

выдержавшая два издания[1]. В частности, Джудит Пэллот на материалах Московской губернии анализирует домашние промыслы, делая акцент на том, что женщины часто совмещали производственную деятельность с обязанностями по уходу за семьей и ведению домашнего хозяйства. Пэллот также обращает внимание на социальные и культурные факторы, влияющие на участие женщин в домашнем производстве, включая образовательный уровень, семейные традиции и общественные ожидания[2].

Влияние процессов урбанизации, индустриализации и модернизации на жизнь женщин, особенно тех, кто находился между традиционной деревенской жизнью и городской средой, исследуется в работе Барбары Энгель[3]. В этой связи автор рассматривает женскую миграцию в качестве особой стратегии выживания. Как одно из проявлений возросшей социальной активности и самодеятельности россиянок, сформировавших «негармоничный элемент» крестьянской повседневности, автор рассматривает развитие женского отходничества[4].

В контексте переосмысления традиционных представлений о роли женщины в российском обществе «долгого» XIX века написана книга под редакцией Уэнди Росслин и Алессандры Тоси. Отдельные главы исследования написаны уже упоминаемыми нами авторами: Барбарой Энгель (о городской среде как пространстве возможностей и ограничений) и Кристин Воробец (о повседневности русских крестьянок, реконструированной на основе личных писем). Религиозной составляющей женской действительности посвящено эссе Веры Шевцовой. Автор

---

[1] Russia’s Women: Accommodation, Resistance, Transformation / Ed. By B. Clements, B. Engel, C. Worobec. Berkeley, 1991; Russia’s Women: Accommodation, Resistance, Transformation / Ed. By B. Clements, B. Engel, C. Worobec. Berkeley, 2023.

[2] Russia’s Women: Accommodation, Resistance, Transformation / Ed. By B. Clements, B. Engel, C. Worobec. Berkeley, 1991. Pp. 163–184.

[3] Engel B. A. Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge, 1996.

[4] Engel B. A. Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge, 1994. P. 32.

характеризует образ Марии как своеобразный идеал для женщин, воплощающий качества смирения, послушания и материнства. Этот идеал оказывал влияние на формирование женской идентичности и ожиданий общества от женщин[1].

Продолжается разработка проблемы радикальной политизации женского движения в России[2], проявлений деструктивного и девиантного поведения женщин[3]. Так, Маргарет Максвелл в своем исследовании подчеркивает, что женщины играли ключевую роль в народническом движении, активно участвуя в агитации, организации подпольных групп и даже в террористической деятельности. Отдельное внимание уделяется наследию женщин-народниц и их влиянию на последующие поколения революционерок[4].

Уникальным изданием по объему привлеченного материала и по столь же масштабным хронологически глубоким обобщениям следует назвать монографию Барбары Эванс Клементс. Выводы автора опираются на базу биографических данных, содержащую свыше 500 записей о жизненном пути и формировании идентичности выдающихся и рядовых участниц революционного движения, вставших на позиции большевиков[5].

В начале 2000-х гг. проблематика феминизма оказалась в центре внимания Рошель Ратчайлд и Б. Пиетров-Эннкер[6]. Стремление российских женщин добиться гражданского равенства с мужчинами и относительно быстрая победа, по мнению Ратчайлд, – один из ключевых и недооцененных

---

[1] Rosslyn W., Tosi A. Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture / W. Rosslyn, A. Tosi. Cambridge, 2012.

[2] Maxwell M. Narodniki women: Russian women who sacrificed themselves for the dream of freedom. New York, 1990.

[3] Frank S. P. Women and Crime in Imperial Russia, 1834–1913: representing realities // Arnot N. L., Usborne C. (eds.). Gender and Crime in Modern Europe. London, 1999. P. 93–118.

[4] Maxwell M. Ibid.

[5] Clements B. E. Bolshevik Women. Cambridge, 1997.

[6] Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. Москва, 2005; Ruthchild R.G. Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire, 1905–1917. Pittsburgh, 2010.

аспектов русской революции, отражающий плюрализм, дискуссионность оценок зрелости гражданского общества в России и необходимость пересмотра мифа о ее политической отсталости[1]. Важнейшими шагами женщин в революции стали: демонстрация с требованием предоставления избирательных прав, создание женского батальона и выборы в Учредительное собрание. В качестве факторов столь стремительного признания требований женщин со стороны Временного правительства автор рассматривает характер российских оппозиционных движений и долговременное участие в них женщин, обучение в западноевропейских университетах как школу феминизма[2]. Это во многом объясняет тот факт, что празднование Международного женского дня стало катализатором революции: «Женщины претворяли в жизнь свои революционные уроки даже более успешно, чем их товарищи – мужчины, часто были смелее»[3]. В этих условиях выборы в Учредительное собрание стали самыми свободными в российской истории вплоть до 1991 г. Большевики, представив решение женского вопроса собственной заслугой, постарались при этом стереть даже память о независимом женском движении: в конце 1917 г. все добровольные ассоциации и издания, в том числе и феминистские, были запрещены[4].

Рассматривая предпосылки зарождения женского движения в России, Бьянка Петров-Эннкер (Бианка Пиетров-Эннкер) главным образом обращает внимание на распространение радикальных настроений в общественном сознании под воздействием поражения России в Крымской войне, неравенство в правах и полную зависимость россиянок от воли их мужей[5]. Спецификой российского женского движения, по мнению автора, стало

---

[1] Ruthchild R. G. Ibid.

[2] Ратчайлд Р. Непослушные женщины и русские революции 1917 г. / Сокращенный вариант монографии 2010 г. Перевод Н. Л. Пушкаревой // Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 36–39.

[3] Там же. С. 39. См. также: Ruthchild R. G. Op. cit.

[4] Ратчайлд Р. Непослушные женщины ... С. 42.

[5] Петров-Эннкер Б. Женщины наступают: об истоках женской эмансипации в России // Отечественная история. 1993. № 5. С. 174.

непропорциональное представительство горожанок из образованных слоев и крестьянок в проявлениях политической активности и революционной борьбе. Так, доля женщин в народническом движении, в деятельности террористических организаций и социалистических партий была весьма ощутимой (до 25 и даже 30 % участников) и более высокой в сравнении с индустриальными странами Западной Европы. В то же время женщины из низших слоев не выказывали заинтересованности в организационном сплочении[1].

Дополняет социально-психологический портрет русской женщины XIX в. анализ восприятия в народном православии, публицистике и художественной литературе социокультурного феномена кликушества – одержимости бесами как важной части поведенческих паттернов социальной адаптации[2].

Таким образом, постепенное и последовательное оформление исследовательской традиции women's studies в отношении одного из национальных отрядов движения – российского – охватило четыре десятилетия и остается весьма продуктивным до начала 2020-х гг.

При рассмотрении движения российских женщин к солидаризации и организационному оформлению будут востребованы результаты исследования Дж. Бредли, поставившего своей задачей «спасение российских ассоциаций от историографического забвения»[3]. В основу монографии легли материалы о деятельности шести крупнейших российских научных обществ, созданных по инициативе и под покровительством коронованных особ и послуживших образцами социально-политического партнерства. По мнению автора, стремительный рост числа добровольных ассоциаций, и, прежде всего, кооперативных обществ в начале XX в. выступает одним из

[1] Петров-Эннкер Б. Указ. соч. С. 179.
[2] Воробец К. Одержимые. Женщины, ведьмы и демоны в царской России. Москва, 2023.
[3] Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Sciences, Patriotism and Civil Society. Cambridge (Mass.), 2009. P. 2.

аргументов в пользу складывания гражданского общества в России, занявшего промежуточное положение в дихотомии: лояльность – сопротивление. В преддверии Первой мировой войны Россия вышла на лидирующие позиции по числу общественных объединений, которые в массовом порядке создавались не только в столицах, но и в провинции. И все же общий вектор развития отношений по линии «частные общества – государство» Джозеф Брэдли рассматривает как движение от сотрудничества к сопротивлению, отмечая возрастающую политизацию движения, но вместе с этим слабость в деле утверждения либерализма после падения самодержавия[1]. Подобную оценку в целом поддерживают такие исследователи, как А. Линденмейер, О. Файджес, М. Хильдермайер, Д. Вортенвейлер, Л. Энгельштейн[2].

Напротив, Л. Хэфнер доказывает слабость коммуникативных связей на общеимперском и межрегиональном уровне, а следовательно, отсутствие окончательно сложившихся атрибутов гражданского общества в России (гражданские права, неприкосновенность собственности и автономия частной жизни и т.д.)[3]. По его мнению, к гражданскому обществу в российской истории начала XX века уместно применить характеристику очагового или локального («местного общества»), что подчеркивает значение регионального ракурса исследовательских задач[4].

Национальная модель решения проблем бедности во взаимодействии государства, Церкви и частной благотворительности представлена в исследованиях Адель Линденмайер. Автор оценивает благотворительность

---

[1] Bradley J. Ibid. P. 1.

[2] Туманова А. С. Современная западная историография гражданского общества позднеимперской России // Российская история. 2011. № 2. С. 161.

[3] Хэфнер Л. Civil Society, Bürgertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 161–208; Его же. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860–1914 гг.) // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А. Н. Зорин, Н. В. Зорин, А. П. Каплуновский и др. Ульяновск, 2000. С. 468–526.

[4] Там же.

как особый вид социальной активности, самоорганизации и самоидентификации женщин, закладывающий предпосылки к становлению гражданского общества в России[1]. Факторами проявления «духа самодеятельности» Линденмайер называет либеральные реформы и формирование «уникального этоса» в общественном сознании, произраставшего из чувства вины[2].

Детальный анализ историографии проблемы позволил сделать заключение о высоком и возрастающем интересе исследователей к изучению устремлений и практик социальной активности женщин в пореформенной России; и о зрелости методологических разработок. Вместе с тем одной из ключевых задач современной историографии четко обозначена необходимость регионализации проблемы. Востребованность специальных исследований, способных аккумулировать полученные результаты и представить системную характеристику региональной специфики проявления коллективных и индивидуальных женских инициатив в публичном пространстве, представляется весьма высокой.

В связи с вышеизложенным **исследовательская проблема** данной работы заключается в определении того, насколько значимую роль играли женщины и женские объединения в формировании публичного пространства российской провинции второй половины XIX – начала XX веков, как менялись стратегии их самореализации с течением времени. Важной гранью проблемы выступает анализ факторов, приводивших в движение механизмы массового женского участия в проявлениях социального служения.

Целью исследования выступает системный анализ гендерной специфики формирования публичного пространства в российской провинции

---

[1] Lindenmeyr A. Voluntary Association and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburg, 1990; Lindenmeyr A. Public Life. Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762–1914 // Journal of Women in Culture and Society. 1993. Vol. 18. № 3. P. 562–591.

[2] Линденмайер А. Добровольные благотворительные общества в эпоху великих реформ // Великие реформы в России 1856–1874 гг. Москва, 1992. С. 290.

(на примере общественных инициатив и практик социального и духовно-нравственного служения, протестной активности женщин в Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века).

Реализация поставленной цели достигается посредством решения следующих исследовательских **задач:**

– анализ социально-правового статуса женщины в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.;

– исследование социально-демографических факторов развития модели фемининности в провинциальном обществе;

– выявление репрезентаций фемининности в периодической печати Пензенской губернии;

– характеристика гендерной специфики становления и развития публичного (коммуникативного) пространства в российской провинции;

– комплексное осмысление становления и развития женского образования в российской провинции;

– системный анализ женских практик социального и духовно-нравственного служения в повседневной культуре российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Пензенской губернии);

– изучение трансформации дискурса фемининности в период военных конфликтов;

– реконструкция практик социального и духовно-нравственного служения как личной стратегии жизни (на примере деятельности М. М. Киселевой и др.).

Источниковую базу исследования составляет совокупность исторических источников различной видовой принадлежности, что обеспечивает теоретическим построениям максимально возможную репрезентативность.

В первую очередь необходимо охарактеризовать *актовый материал*, представленный общими законами и постановлениями Свода законов

Российской империи, а также специальными Законами о женщинах и проектами таковых, например, «О равноправии женщин»[1]. Нормативно-правовые акты свидетельствуют о наличии выраженной антифеминистской направленности женского законодательства, о сдерживании движения за обретение равенства с мужчинами в гражданских правах. Так, Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. ограничивало право женщин-землевладельцев принимать непосредственное участие в выборах гласных[2].

Важнейшие изменения правовых оснований развития женского образования отражены в Уставе гимназий и прогимназий ведомства министерства народного просвещения от 19 ноября 1864 г., обеспечившего равные права на получение среднего образования для детей «всех состояний, без различия звания и вероисповедания» и продолжение обучения в высших учебных заведениях[3]. Следующим шагом стало снятие ограничений для женщин в обретении возможности обучения в гимназиях и прогимназиях (Положение о женских гимназиях и прогимназиях министерства народного просвещения от 24 мая 1870 г.[4]; Высочайше утвержденные изменения и дополнения в Устав гимназий и прогимназий от 19 июня 1871 г.)[5]. Вместе с тем в принятых актах отсутствовала норма о продолжении образования и поступлении в университеты, возможности профессиональной

---

[1] Законопроект «О равноправии женщин», составленный юридической комиссией при Союзе Равноправия женщин. Санкт-Петербург, 1906. См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 516. Оп. 1. Д. 8.

[2] Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Санкт-Петербург, 1830–1885. Т. 39. 1867. С. 4. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/393-otd-nie-1-ot-40457-41318-1867(дата обращения: 01.05.2025).

[3] Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIX. 41472. С. 168, 172. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=807&regim=3(дата обращения: 01.05.2025).

[4] Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXXV. 48406. С. 701–705. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=934&regim=3 (дата обращения: 01.05.2025).

[5] Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXXVI (1871). 49744 С. 903–911. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=960&regim=3(дата обращения: 01.05.2025).

самореализации были жестко ограничены функционалом домашней учительницы[1].

Основные претензии к власти нашли свое отражение в подготовленном юридической комиссией Союза равноправия женщин законопроекта «О равноправии женщин». Речь идет, прежде всего, о предоставлении женщинам избирательных прав, права на занятие должностей государственной службы, равного с мужчинами положения в правах наследования и семейном праве, допуск ко всем видам образования и пр.[2]

Благотворительная деятельность в сфере социального попечительства регулировалась Уставом об общественном призрении. Первое собрание узаконений «Об общественном призрении» было издано в 1818 г., а затем в виде «Устава об общественном призрении» вошло в т. XIII Свода законов Российской империи 1832 г.[3] После 1864 г. приказы общественного призрения были упразднены, а их функционал перешел к земским учреждениям.

Начиная с 4 марта 1906 г. порядок учреждения и организации деятельности добровольных ассоциаций определялся положениями Временных правил об обществах и союзах[4]. Согласно тексту указа, «заведования делами об открытии, регистрации, воспрещении и закрытии обществ и союзов» составило функционал губернских по делам об обществах

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXXV. 48406. С. 701–705. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=934&regim=3 (дата обращения: 01.05.2025).

[2] ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–52.

[3] См.: Свод законов. Изд. 1842 г. Т. 13. Ч. 1. Устав о обеспечении народного продовольствия, учреждения и уставы об общественном призрении и заведениях оного, состоящих под ведомством приказов; Свод законов. Изд. 1857. Т. 13. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные; Устав об общественном призрении // Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1915 года / Россия. Законы и постановления. Петроград, 1915. Т. 13: Устав об общественном призрении. 1915. 243 с. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/17825-t-13-ustav-ob-obschestvennom-prizrenii-1915(дата обращения: 28.05.2024).

[4] Именной указ Правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах 4 марта 1906 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5205/ (дата обращения: 28.05.2024).

и союзах присутствий, что определяет значение *делопроизводственной документации* органов местной власти и управления как основного вида исторических источников, раскрывающих гендерную специфику деятельности общественных организаций в Пензенской губернии[1]. Основной массив документов этого вида был выявлен в фондах Государственного архива Пензенской области (ГАПО), Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Материалы о деятельности Императорского женского патриотического общества, Союза равноправия / равноправности женщин, данные о революционной активности женщин в российской провинции были выявлены в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)[2].

В фондах Российского государственного исторического архива была выявлена важная информация о деятельности богадельни Александра и Марии Киселевых в г. Пензе (фонд 1287 – Хозяйственный Департамент МВД, фонд 759 – Собственная е.и.в. канцелярия по учреждениям имп. Марии), материалы об участии М. М. Киселевой в учреждении Вознесенской женской общины при деревне Пайгарма в Инсарском уезде Пензенской губернии (фонд 796 – Канцелярия Синода)[3]. Особое значение для исследования практик социального и духовно-нравственного служения в российской провинции имеет привлечение делопроизводственной

[1] Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 16. Оп. 1. 1906–1917 гг., 896 д. – Пензенское губернское по делам об обществах и союзах присутствие.
[2] См., например: ГАРФ. Ф. 516. Союз равноправия женщин. Оп. 1. Д. 5, 8; Ф. 642. Мария Федоровна (урожденная Принцесса Датская Софья-Фридерика-Дагмара), Императрица, жена императора Александра III. Оп. 1. Д. 198, 228, 229; и др.
[3] См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552; Ф. 796. Оп. 146. Д. 1062; и др.

документации Киселевской богадельни, представленной в отдельном фонде Государственного архива Пензенской области[1].

Уникальные материалы об участии настоятельниц женских монастырей Пензенской епархии в деятельности Российского Императорского Православного Палестинского общества, их прошения о вступлении в Общество были извлечены из фонда 337/2 Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ)[2].

Общий контроль над деятельностью общественных и благотворительных организаций был вменен в полномочия губернатора, кроме того, статус информации о благотворительных заведениях был закреплен в форме обязательного раздела Всеподданнейших докладов начальника губернии, что обеспечило присутствие в делопроизводственной документации канцелярии регулярных форм сбора сведений и отчетов о деятельности богаделен, попечительств и т.д.[3] Кроме того, в ответах на поступающие правительственные запросы относительно эффективности имперского курса женской политики губернатору дозволялось выступить с обоснованием собственной оценки, что раскрывает позицию местных властей в деле решения «женского вопроса»[4]. Кроме того, фонд канцелярии пензенского губернатора содержит материалы о практиках сопротивления (политической неблагонадежности) преподавателей женских учебных заведений, сведения о забастовке учениц Епархиального училища[5].

Делопроизводственная документация, отложившаяся в фондах: 139 (ГАПО) – Пензенская женская гимназия Е. А. Сердобольской и 114 (ГАПО) – Частная женская гимназия Е. П. Шор и М. Ф. Мансыревой, раскрывает

---

[1] См.: ГАПО. Ф. 88. Оп. 1. 1861–1874, 1876–1878, 1880–1881, 1885–1886, 1888–1891, 1898–1899, 1901–1902, 1906, 1908, 1910–1917 гг., 51 д. – Богадельня Александра и Марии Киселевых в г. Пензе.

[2] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 725. Л. 30, 48, 92, 116, 150, 163, 185, 186, 232; Д. 726. Л. 44.

[3] См.: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. 1902–1917 гг., 8270 д. – Канцелярия Пензенского губернатора.

[4] См., например: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5901. Л. 14–14 об.; Д. 7246. Л. 1–4.

[5] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. ДД. 7585, 7586.

результаты реализации конкретных практик самореализации женщин в сфере образования. В фондах 104, 105, 106, 226, 363 (ГАПО) извлечены сведения о состоянии женских светских и духовных учебных заведений, об устройстве женской воскресной школы в г. Пензе[1]. Отдельные аспекты развития женского профессионального образования рассмотрены на материалах фонда 143 (ГАПО) – Пензенская земская повивальная школа 2-го разряда, фонда 179 (ГАПО) – Пензенская земская фельдшерская школа.

Учредительные документы, данные о инициаторах создания, личном составе объединений, переписка с губернским присутствием, протоколы собраний, отчетная документация содержатся в материалах фондов отдельных общественных организаций[2] и частично опубликованы[3].

Из разряда опубликованных документов хотелось бы отметить делопроизводственную документацию, представленную в сборниках документов: «Революционная борьба трудящихся Пензенской губернии в 1905–1907 гг.» и «Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны» (отв. составитель – В. В. Кондрашин). Свидетельства участия женщин в благотворительной деятельности сгруппированы в разделах, посвященных оказанию помощи раненым и больным воинам и их семействам[4].

---

[1] ГАПО. Ф. 104 – Пензенская вторая женская гимназия; Ф. 105 – Пензенская женская прогимназия; Ф.106 – Пензенская первая гимназия; Ф. 226 – Пензенское Епархиальное женское училище.

[2] См.: ГАПО. Ф. 84. 1876–1917 гг., 1074 д. – Пензенское местное управление Российского общества Красного Креста; Ф. 86. 1914 г. – Пензенский губернский попечительный комитет о раненых и больных воинах; Ф. 87. 1915-1917 гг., 39 д. – Пензенское губернское отделение комитета княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий (1915-1917); Ф. 97. 1894–1918, 3 д. – Пензенская Община сестер милосердия Российского общества «Красного Креста»; Ф. 98. 1873, 1876, 1883–1885, 1888, 1895–1900, 1905 гг., 19 д. – Комитет общества поощрения трудолюбия в г. Пензе; Ф. 102. 1847–1865 гг., 81 д. – Пензенский совет попечительства о бедных; Ф. 116. 1886–1906 гг., 4 д. – Правление общества вспомоществования бедным ученицам Пензенских женских гимназий и прогимназий; Ф. 317. 1881–1917 гг., 15 д. – Пензенское отделение Русского музыкального общества и др.

[3] См.: Положение о кружечном сборе Российского Общества защиты женщин. Санкт-Петербург, 1903.

[4] См., например, документы № 12 Сообщение пензенского полицмейстера педагогическому совету женской гимназии об участии гимназисток на сходке учащейся

Еще одним значимым для данного исследования видом источников является *статистическая информация* о движении и гендерном составе населения в период второй половины XIX – начала XX вв., о числе браков, количестве женских учебных заведений, благотворительных заведений, численности учащихся женского пола, представленная в справочных изданиях (Памятная книжка Пензенской губернии) и Обзорах Пензенской губернии по годам (Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора)[1].

Рассмотрение социально-правового и социокультурного статуса женщины в российской провинции невозможно без привлечения такого вида источников, как *периодическая печать*. В этом контексте необходимо признать, что непосредственно «женская тематика» была представлена на страницах местных изданий, например, «Пензенских губернских ведомостей», эпизодически, если не сказать больше. Так, в ходе анализа тематики публикаций данного издания за 1888–1894 гг., проведенного Н. Г. Карнишиной, такой рубрикации не было выявлено[2]. Вместе с тем ситуация кардинально меняется в периоды военных конфликтов, когда «женская жертвенность» обретает статус исключительного контента (информация о пособиях для жен нижних чинов запаса, призванных на службу; деятельность дамского кружка/комитета, местного отделения Красного Креста; пожертвования на поддержку больных

молодежи, № 26 Донесение пензенского губернатора в департамент полиции о забастовке в Пензенском епархиальном училище // Революционная борьба трудящихся Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Сб. документов. Пенза, 1955; №№ 75–80 Документы об организации в губернии благотворительных организаций для оказания помощи раненым и больным воинам, их семействам, о начале выполнения военных заказов // Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн.1: 1914–1916 / Отв. сост. В. В. Кондрашин. Прага, 2014. С. 116–121; и др.

[1] Обзор Пензенской губернии за 1872 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1873; Обзор Пензенской губернии за 1914 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1915; и др.

[2] Карнишина Н. Г. Центр и регион: исторические модели взаимодействии. Пенза, 2003. С. 165.

и раненых воинов и т.д.)[1]. Периодическая печать активно способствовала формированию образа новой амазонки, особенно востребованного в условиях трагичного исхода обороны Порт-Артура и необходимости мемориализации военного подвига. Так, 30 декабря 1904 г. в Пензенских губернских ведомостях была опубликована статья с названием «Женщина-герой Михаил Смолка». В публикации говорилось о Елене Михайловне Смолка, дочери николаевского солдата, уроженке Владивостока, которая в совершенстве владела китайским и корейским языками, и, переодевшись в мужское платье, выдержала экзамен в школе военных переводчиков во Владивостоке. С 1900 г. Смолка служила переводчиком на границе[2].

Публикации в местной периодике (особенно на крутых виражах истории) позволяют аккумулировать, а также предлагают в виде обзора, продолжавшегося в нескольких номерах подряд, информацию о практиках социального служения[3].

Материалы личного происхождения представлены обращениями женщин во власть, в общественные организации по разным вопросам (вступление в общество, зачисление на курсы сестер Красного Креста, установление местонахождения мужа, не вернувшегося с войны, получение пособий и пр.[4]); а также воспоминаниями и дневниковыми записями современников[5]. Мемориальное присутствие и потенциал подвижничества выдающейся пензенской благотворительницы М. М. Киселевой раскрывается

---

[1] См.: Пензенские губернские ведомости (далее – ПГВ) за 1877, 1905, 1914 гг.

[2] Пензенские губернские ведомости. 1904. № 357. 30 декабря. С. 1.

[3] Например, в 1892 г. в №№ 4–7 представлен «Очерк деятельности благотворительных учреждений в Пензенской губернии». См.: ПГВ. 1892. №№ 4–7.

[4] См., например: ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10; ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7728; и др.

[5] Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора. (1905–1914 г.). Новгород – Самара – Пенза. Петроград, 1916; Мишнин В. А. «Такое ведь счастье остаться в этой гигантской войне живым». Дневник солдата, 1 октября 1915 г. – 29 января 1918 г. Из личного архива Б. В. Мишнина. Публикация Е. В. Мануйловой и В. И Мануйлова // Земство. Архив провинциальной истории России. 1995. № 2. С. 84–158; Финогеева Н. А. «Когда я пишу в дневнике все, что у меня на душе, я как-то успокаиваюсь…». Из дневника гимназистки, 22 февраля 1915 г. – 6 мая 1921 г. / Публикация Е. В. Мануйловой и В. И. Мануйлова // Земство: Архив провинциальной истории России. Пенза, 1995. № 3 (7). С. 43–66.

в ее эпистолярном наследии[1], в дневниковых записях начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина)[2].

Личные обращения женщин чрезвычайно информативны и позволяют реконструировать практики адаптации, уловить мотивацию, составить социальный портрет участниц публичного пространства, их видение социального служения. Что же касается воспоминаний, то здесь мы имеем дело скорее с образом, смутным фоном, фрагментированными представлениями о прошлом: «Пишу свои воспоминания исключительно по памяти, не руководствуясь какими-либо записями или документами»[3].

Завершая характеристику корпуса источников, следует отметить, что привлечение источников максимально возможного видового разнообразия позволило разработать адекватную и аргументированную объяснительную модель и эффективно решить поставленные исследовательские задачи.

Методологические основы и терминология исследования. Выбор методологического инструментария определяется дефиницией двух базовых конструктов: «публичное пространство» и «фемининность». Определение публики, аутентичное выбранному хронотопу, можно позаимствовать у В. И. Даля. «Общество», «народ», «люди кроме черни» в его толковании наполнялись признаками оглашения, обнародования, публичности[4]. В известном произведении Г. Тарда «Общественное мнение и толпа», опубликованном на русском языке в 1902 г., в современную ему эпоху именно публика, а не толпа была названа ведущим коллективным субъектом, объединяющим общество посредством социальных представлений и

---

[1] См., например: РГИА. Ф. 759. Оп. 33. Д. 1803. Л. 6–7 об. Письмо Марии Михайловны Киселевой Константину Петровичу Победоносцеву (Пенза, 22 мая 1885 года) и др.

[2] Архимандрит Антонин (Капустин). Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции 1866–1891. Москва, 2010; Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1881. Москва, 2011.

[3] Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора. (1905–1914 г.). Новгород – Самара – Пенза. Петроград, 1916. С. 3.

[4] Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В. И. Т. 3. П. Санкт-Петербург, 1882. С. 556.

ответственным за адаптацию системы к вызовам времени[1]. В то же время в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона понятия «публичное пространство» или «публика» отсутствуют. Отчасти их замещает «публикация» (способ доводить что-либо до всеобщего мнения, т.е. провозглашать[2]), а также сфера публичного права – совокупность норм, полномочий, вытекающих из принадлежности лица (субъекта права) к государству или союзу как части государства и включающих три группы: права человека (в том числе свобода выражения мнений, свобода сходок и составления обществ), право пользоваться учреждениями для общего пользования и политические права[3]. Статусом единственного проявления частной общественно-политической инициативы в российской истории авторы словаря наделили публицистику, трактуемую как обсуждение в печати насущных вопросов общественно-политической жизни[4].

Напротив, «женский вопрос» представлен в словаре многоаспектно и масштабно (статьи: «Женское образование»[5], «Женщина»[6], «Женщина в гражданском праве»[7], «Женщина в уголовном праве», «Женщины-врачи» и «Эмансипация женщин»[8]), что отражает социальный заказ, актуальность осмысления острейшей фазы формирования фемининности – антитезы маскулинности, измеряемой особыми паттернами поведения и проявлениями идентичности как продукта социального конструирования, либеральной

---

[1] Тард Г. Общественное мнение и толпа. Москва, 1902.
[2] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXV. Санкт-Петербург, 1898. С. 744.
[3]Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXV. Санкт-Петербург, 1898. С. 749.
[4] Там же. С. 747.
[5] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XIa. Санкт-Петербург, 1898. С. 864–873.
[6] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XIa. Санкт-Петербург, 1894. С. 873–879.
[7] Там же. С. 879–885
[8] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XLa. Санкт.-Петербург, 1904. С. 704–708.

культуры в конце XIX – начале XX в.[1] В описываемых статьях подробно объясняется, как формировались гендерные роли и почему женщины выбирали ту или иную модель поведения в семье – с учетом того, как общество разделяло обязанности между полами. В своем пространном экскурсе в европейскую и русскую историю авторы доказывают определенную направленность происходивших трансформаций (стереотипизация образа «злой жены»): «Вместе с аскетическою проповедью проникали в Россию воззрения на женщин как на источник всякого зла»[2]. Однако же в это же время фиксируется появление женщин – поэтов-песенников и сказительниц, а в царствование Екатерины II число женщин, реализовавших себя в литературной деятельности, возрастает, по мнению энциклопедистов, до 70 человек[3].

Отметим при этом, что понятие «эмансипация» трактуется словарем как «выход детей из-под родительской власти»[4]. Эмансипация как синоним активности, движения женщин позиционируется в одноименной статье как стремление к уравнению прав обоих полов. Здесь же присутствует и сравнительная характеристика современного женского движения в Европе и России. В европейских странах эмансипация проходила в двух направлениях: уравнение с мужчинами в гражданских и политических правах и обеспечение экономической самостоятельности женщин посредством получения образования. Российское женское движение было «совершенно» ограничено сферой образования[5].

Таким образом, начальный этап концептуализации проблемы восходит к рубежу XIX – XX вв. Однако и по прошествии ста лет изучения женской

---

[1] Чернышева А. В., Спирюгова А. Г. Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации // Гуманитарный вестник. 2021. № 6. С. 6–7.
[2] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XIa. Санкт-Петербург, 1894. С. 878.
[3] Там же.
[4] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XLa. Санкт-Петербург, 1904. С. 703.
[5] Там же. С. 706.

истории ее понятийный аппарат не приобрел устойчивых очертаний[1]. «Женский вопрос»[2], «женское движение»[3], «гендер», «гендерная специфика», «женская общественная деятельность», «женская повседневность», «женские роли», «женская природа», «женская публичная сфера», «женская самоидентификация», «женская эмансипация», феминизм, фемининность и прочие понятия еще ждут своего окончательного согласования и выработки единообразных подходов к практике применения. Три десятилетия активного освоения методологического инструментария западной историографии[4] не завершились разработкой унифицированной концепции, примиряющей результаты разработок в сферах социологии, социальной психологии, культурологии, антропологии и истории.

Основу современной гендерной методологии составляет теория социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана[5], а также этнометодология, предмет которой определяется как изучение методов конструирования, понимания и придания смысла социальному взаимодействию на уровне повседневного общения[6]. Необходимость анализа идей, ценностей, норм, вырабатываемых в границах женского движения, формирует исследовательский запрос к социологическому изучению общественных движений (в традиционном измерении, ориентирующем на

---

[1] Федотова А. Ю. Женская общественная деятельность: терминология и методология изучения женского движения в России во второй половине XIX – начале XX в. // Historia Provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8. № 1. С. 190.

[2] Определение «женского вопроса» сложилось в кругах мужской интеллектуальной элиты. См.: Юкина И. И. От дам-патронесс до женотделовок ... С. 40.

[3] В этом случае актором выступает женщина. В частности, И. И. Юкина солидаризируется с мнением Д. Дахлерап и определяет женское движение как «коллективную деятельность женщин для улучшения положения женщин и изменения мужской доминации в обществе». См. Юкина И. И. Указ. соч. С. 38.

[4] Первые исследования женского движения и начало концептуализации проблемы в США и странах Западной Европы относятся к 1960-м гг. В России гендерная проблематика пополняет предметные области истории, социологии и культурологии лишь в 1990-е гг. на волне утверждения методологического плюрализма.

[5] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва, 1995.

[6] Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. Санкт-Петербург, 2007.

выявление причинно-следственных связей; или в новом конструктивистском, раскрывающем суть проблемы посредством анализа коллективных действий или мобилизации ресурсов, новых социальных движений или идентичности), а также к интеллектуальной истории[1]. Разграничение и взаимодействие фемининности и маскулинности как форм гендерного самосознания (идентичности) рассматривается с позиций биологического, психоаналитического, постмодернистского и социального (конструктивистского) детерминизма[2].

В этом контексте гендер представляет собой специфический и непостоянный набор культурных характеристик, определяющих сознание и поведение мужчин и женщин в вопросах самоидентификации и взаимодействия. На содержание таковых оказывают воздействие социальные и политические институты, социальные нормы, роли, стереотипы, установки сознания и поведения[3].

Аналогично дефиниции гендера формируются понятия «маскулинности» и «фемининности», по признакам отличий в установках сознания и поведения выстраивается и их типология (гегемонная и естественная маскулинность, нормативная, инфантильная, инверсионная, деформированная и андрогинная фемининность)[4].

Культурно-символические аспекты взаимодействия маскулинности и фемининности составляют предмет научного осмысления историософских

---

[1] Юкина И. И. Указ. соч. С. 17, 22.

[2] Ключко О. И. Концепция гендерной ментальности как методологическое основание гендерного подхода в социально-психологическом исследовании // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 13–29; Савелова М. А. Маскулинность и фемининность как ключевые категории гендерной теории // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2011. № 5–6. С. 43–47.

[3] Михайлова Е. В. Гендерная философия: маскулинность и фемининность // Вестник Марийского государственного университета. 2011. № 6. С. 11–14.

[4] Ильиных С. А. Концепты маскулинности и фемининности // Идеи и идеалы. 2011. № 4 (10). Т. 1. С. 132–137.

основ национальной идентичности[1]. Идея женственности России, столь широко распространенная в массовом сознании современного общества, появляется в отечественной публицистике в сочинениях А. И. Герцена в середине XIX в. и занимает особое место в историософской проблематике в культуре Серебряного века («жены, облеченной в Солнце»). В этом же ключе инаковость, самобытность России, русскость трактуется как феминность, а, скажем, миссия России стать посредницей, примирительницей различных культур (в творчестве В. С. Соловьева и Ф. М. Достоевского) связывается с традиционным представлением о женском начале как начале медиативном, посредующем. Женственным нарекается и другой идентификатор русскости – непостоянство, готовность к изменениям, культурно-психологическим превращениям и перевоплощениям, «легкость отказа от прежних верований», максимализм, фатализм, пассивность, недостаток воли. С культом материнства связывают и русское чувство братства, русскую общинность, коллективизм[2].

Теоретические построения непосредственно women's studies строятся на необходимости учета гендерной[3] специфики оценки «женского вопроса», инициированного мужчинами, и «женского движения», рожденного активностью самодеятельных объединений; согласования понятий

---

[1] Рябов О. В. «Матушка-Русь». Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. Москва, 2001; Его же. Русская философия женственности (XI – XX века). Иваново, 1999.

[2] Рябов О. В. «Матушка-Русь». С. 58–59, 65–66, 80–86. На стабильность воспроизводства традиционных гендерных ценностей в имперскую, советскую и постсоветскую эпохи указывает и О. А. Воронина. См.: Воронина О. А. Гендерная культура в России: традиции и новации. Москва, 2018.

[3] Понятие «гендер» было введено в широкий научный оборот психоаналитиком Робертом Столлером в 1968 г., разделившим содержание понятия «пол» на его биологическое проявление – sex и социальное – gender и заложившего основы современной терминологической практики, в частности, использования понятий: маскулинность и фемининность. См.: Stoller R. Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity. New York, 1968. Чуть позже появляется концепт «Гендерная идентичность». См.: Money J., Ehrhardt A. Man & Woman, Boy & Girl: the Differentiation and Dimorphism of Gender Identity from Conception to Maturity. Baltimore, 1972.

«эмансипация» и «феминизм»[1], заданных инверсией освобождения от власти и подчинения мужчинам и имевших своим логическим финалом «завоевание», «захват» мужского пространства, а также маскулинизацию фемининности.

Наиболее общей категорией, принимаемой большинством исследователей, остается понятие «женское движение». Вместе с тем следует поддержать тезис А. Ю. Федотовой о необходимости расширения содержательной компоненты термина[2], на наш взгляд, из-за излишней его политизации. Под дефиницию «борьбы за свои права» не подпадают традиционные практики самореализации женщин, сохранившие свое значение в индустриальную эпоху и проявлявшиеся в социальном и духовно-нравственном служении.

Необходимо также выделить проблему типологии женского участия в системе социально-политического взаимодействия, сопряженную с разработкой периодизации и анализом мотивации социальной активности. Общий дискурс образов сформировался уже современниками: «нигилистки», «равноправки», «революционерки», «амазонки», «феминистки» и пр. При этом важно, что в качестве критериев для наречения «новых» женщин использовалось предельное состояние опыта переживания той или иной роли, в реальной жизни выбор типа самореализации мог серьезно варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств[3].

Одним из средств концептуального обогащения «женской истории» современные исследователи называют дихотомию «методологии частной и

---

[1] Федотова А. Ю. Женская общественная деятельность. С. 183.; Термин «феминизм» появился в английском языке в 1880 г. для обозначения идеи равенства в гражданских и политических правах женщин и мужчин. См.: Терновая Л. О. Гендерная социология: женское движение. В ответах на «женский вопрос». Москва, 2020. С. 5.

[2] Анастасия Юрьевна Федотова в своих построениях вводит понятие «женская общественная деятельность». См.: Федотова А. Ю. Женская общественная деятельность ... С. 187.

[3] Федотова А. Ю. «Нигилистки», «феминистки», «радикалки»: проблема идентификации самореализации женщин в начале XX в. (на примере Е. Н. Ошаниной) // Гасырлар авазы – Эхо веков / Echo of centuries. 2023. № 2. С. 164–172.

общественной / публичной сферы»[1]. Действительно, подобный подход, апробированный при изучении структур повседневности, уже доказал свою познавательную ценность. Процесс становления «публичного пространства» отражает ключевые характеристики зрелости гражданской культуры, «публика» выступает ресурсом социоструктурной трансформации и утверждения новых моделей социализации и поведения[2]. Данные концепты, определяемые сегодня посредством коллективного, «коммуникативного»[3] взаимодействия, своими истоками восходят к работе Ю. Хабермаса 1962 г. («Структурная трансформация публичной сферы»). Публичная сфера, по его мнению, выступает как ресурс формирования «нового нормативного самосознания», коммуникативного действия и социальной идентичности[4]. Следует подчеркнуть, что концепция Хабермаса не утратила своей актуальности и сегодня[5]. В этой связи заслуживают внимания тезисы Н. Л. Пушкаревой о цикличности (нелинейности) развития женского самосознания и утверждении мужского превосходства как неявной реакции на фактическое доминирование женщин в приватной семейной жизни в допетровскую эпоху[6]. Концептуализация «женского вопроса» в

---

[1] Федотова А. Ю. Женская общественная деятельность … С. 187.

[2] Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. Москва, 2006. С. 53–67; Профессиональные группы и общества как акторы российской позднеимперской модернизации (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.). Екатеринбург, 2016. С. 8.

[3] Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Публичная сфера: программа исследования // Публичная сфера: теория, методология, кейс стадии / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова. Москва, 2013. С. 8.; Вербилович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // Публичная сфера: теория, методология, кейс стадии ... С. 35–52.

[4] Хабермас Ю. Социокультурная трансформация публичной сферы... С. 249; Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика (2022) / Пер. с нем. Т. Атнашева. Москва, 2023. С. 22– 23, 26–27.

[5] Вайзер Т. Другой Хабермас? // Хамбермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Пер. с нем. Т. Атнашева. Москва, 2023. С. 13.

[6] Пушкарева Н. Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социокультурных изменений: дис. ... д-ра. ист. наук. Москва, 1997. С. 28.

информационной среде российского общества периода имперской оттепели отражает эволюцию мужского самосознания и свидетельствует о готовности женщин к восприятию установок общества модерна и уже о сложившихся притязаниях на присутствие в публичном пространстве, а, следовательно, о более выраженных, нежели у мужчин, адаптационных способностях[1]. Неслучайно исследователи отмечают, что женское движение зародилось практически одновременно с началом модернизации страны[2].

Основным признаком модернизации публичной сферы считается организационное становление и тиражирование негосударственных объединений. По мнению Б. Н. Миронова, добровольные ассоциации выступали необходимой составляющей гражданского общества, генезис которого в России восходит к концу XVIII в., показателем зрелости последнего, а основные элементы: общественное мнение, независимая пресса, политические партии, представительные организации и добровольные ассоциации – в развитой форме появились только в пореформенное время, 1861–1917 гг. В этом отношении Россия решительно отставала от Запада, что закладывало основания для культурного конфликта[3]. Важнейшим фактором эмансипации и развития добровольных ассоциаций в пореформенное время становится декорпорирование общества[4]. При этом появление добровольных обществ, по мнению автора, было проявлением контркультуры, так как большинство таковых возникало по инициативе снизу без вмешательства властей[5]. Как отмечает О. Ф. Филимонова, публичное пространство формируется «в демократическом дискурсе и

---

[1] Безгин В. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. Москва, 2017. С. 172.
[2] Юкина И. И. От дам-патронесс до женотделовок ... С. 600.
[3] Миронов Б. Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XL. № 3. С. 171–172; Его же. Социальная история России периода империи. Т. 2. С. 210–283.
[4] Миронов Б. Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России ... С. 165.
[5] Там же. С. 164, 168.

конституируется для свободного действия людей» и совершается во имя публичности, создавая единое из многоголосья[1]. В оценках зарубежной историографии «добровольные ассоциации» характеризуются как светские, некоммерческие, самоуправляемые, филантропические, образовательные, культурные и научные общества Нового времени, действовавшие на иных, отличных от сословного общества началах[2]. Тем самым базовым признаком становится не автономность от государства, а декорпорированность социума, трансформация принципов солидаризации, формирование массовой публичной культуры. В этом отношении для провинциального общества, следовавшего строго в русле столичных трендов, роль губернатора (и его супруги) в процессе создания местной публики была во многом определяющей.

Необходимо исходить из признания сложной многоуровневой структуры публичного пространства, включающей акторов социально-политического взаимодействия (а не только противостояния), информационные ресурсы и организационные формы диалога власти и общества, а также общественное сознание и практики социального и духовно-нравственного служения в решении острейших проблем. Существенную роль в формировании публичной сферы и гражданского общества в имперской России, в утверждении ценностей альтруизма и солидарности играли благотворительные организации, создававшие прочные связи социально-политического партнерства[3]. Пределы «маскулинного» и «фемининного» в этом отношении будут определятся не столько конкурированием и подавлением, сколько сотрудничеством и

[1] Филимонова О. Ф. Публичное пространство города. Саратов, 2017. С. 40–41.

[2] Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Sciences, Patriotism and Civil Society. Cambridge (Mass.), 2009. P. 5; Туманова А. С. Современная западная историография гражданского общества позднеимперской России // Российская история. 2011. № 2. С. 160.

[3] Туманова А. С. Благотворительные организации и формирование публичной сферы в Российской империи в XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 5 (127). URL: https://history.jes.su/s207987840026980-7-1/ (дата обращения: 26.04.2025).

взаимодополнением. Так, характеризуя специфику российского женского движения, Н. Л. Пушкарева отмечает отсутствие длительного опыта коллективных действий (сопротивления), слабость давления на власть узкого, «верхушечного» движения горожанок, гендерную толерантность, сохранение и воспроизводство аскетической традиции «женской жертвенности», проявившейся и в общей направленности социальной защиты – «помощь трудом», а также четкую поляризацию двух потоков: либерального и революционно-демократического[1].

Дихотомия «приватного» (скрытого) и «публичного» (обращенного вовне) пространства в истории женщин может быть интерпретирована посредством концепции психологической адаптации социальных систем и отдельных индивидуумов к вызовам времени. Как известно, история повседневности фокусирует внимание исследователей на повторяющихся каждодневных социальных практиках, ментальных предпочтениях, установках и устремлениях, эмоциональных переживаниях женщин. На фоне рутинности происходившего внесистемная мотивация проявляется особенно четко, что позволяет безошибочно установить нарушение гендерной стабильности традиционного общества. Не менее значимым в этом контексте выступает анализ экстремальной повседневности женщин в периоды кризисов и военных конфликтов[2], а также феномена более быстрой адаптируемости женщины, по сравнению с мужчиной[3].

В этом отношении будет востребована и категория травмы, разрабатываемая сегодня исследователями memory studies, как фактор, провоцирующий гиперболизацию или искаженный взгляд на произошедшее

[1] Пушкарева Н. Л. Российское женское движение 1812–2020 г. (социальный состав, цели, достижения) // Женская активность: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2021. С. 16–25.

[2] Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Москва, 2005.

[3] Мохова В. О. Основные предпосылки формирования психологии пола и гендерной проблематики (с XVIII по начало XX века): дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2016. С. 151.

(аберрация памяти), а также забвение, отказ, подавление воспоминаний. При этом отмечается гетерогенность травматической памяти разных социальных групп[1]. Культурная травма, переживание экстремального по эмоциональной напряженности опыта, по мнению Джефри Александера, навсегда отпечатывается в социальной памяти и необратимым образом меняет будущую идентичность[2]. Подобный опыт лежит и в основе интерпретаций проявлений антигражданской социальной активности, деструктивного и девиантного поведения женщин, экстремистской деятельности, оборотной дестабилизирующей ипостаси публичного пространства[3], в толковании социально-психологического и социокультурного феномена «бабьего бунта»[4].

Изучение особенностей гендерной психологии, включая феномен массового участия женщин в вооруженных конфликтах XX в., определено в качестве самостоятельной научной проблемы в рамках военной антропологии[5].

Региональная специфика, провинциальный ракурс требует учета почти тотальной доминанты крестьянства в социальном составе населения. В этом контексте, как отмечает Б. Н. Миронов, весь спектр межличностных отношений в крестьянской общине, включая брачные и семейные отношения, демографическое поведение, будет иметь «не столько интимный, сколько публичный характер». Русская деревня и в конце XIX в. оставалась сугубо патриархальной: «Такие принципы, как индивидуализм, свобода личности и

---

[1] Шнирельман В. А. Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 6–29.

[2] Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова; под ред. Д. Ю. Куракина. Москва, 2013. С. 255.

[3] См.: Мутинева О. С. Антигражданская самоорганизация женщин (на материалах Северного Кавказа) // Женская активность: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2021. С. 25–30.

[4] Безгин В. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. Москва, 2024. С. 76–80.

[5] Сенявская Е. С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 8. С. 46–54.

ее право на интимную, независимую от общества жизнь, – не проникли в деревню, а тем паче в семейные отношения»[1]. Стало быть, принцип синкретичности, неразделенности частного и публичного будет определять поведенческие стереотипы социальной активности крестьянок, по меньшей мере, до начала XX века.

Бесспорную познавательную ценность для решения исследовательских задач имеет концепция «открытой системы» в отношении женского движения[2] и женской социальной активности в деле самоорганизации сложных систем в целом. Базовые характеристики системного и синергетического подходов позволяют акцентировать внимание на социально-психологических аспектах и рассмотреть мотивацию и практики женского поведения как гендерно специфическую (эмоционально ярче выраженную; определенной направленности) социальную активность, спровоцированную травмирующим воздействием внешних по отношению к системе вызовов и угроз и проявляющуюся в режиме детерминированного хаоса на крутых переломах истории[3].

Еще одним концептом, позволяющим реконструировать «присутствие» женщин в публичном пространстве, выступает информационное поле / среда в измерении ее коммуникационных возможностей, в составе которых исследователи выделяют: печать, официальные объявления и официальную переписку, церковные проповеди, объявления; телеграф и телефон, социальные слухи[4].

---

[1] Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. статей / Под ред. и с предисл. А. Г. Вишневского. Москва, 1977. С. 84.

[2] Юкина И. И. От дам-патронесс до женотделовок … С. 11.

[3] См., например: Лысак И. В., Басина Н. И. Общество как саморазвивающаяся система: возможности применения системного и синергетического подходов к исследованию социальной реальности // Вестник Донского государственного технического университета. 2011. Т. 11. № 10 (61). С. 1896–1903.

[4] Карнишина Н. Г., Карнишин В. Ю. Информационная среда провинциальной России конца XIX – начала XX в.: методология исследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (49). С. 17;

Таким образом, изучение гендерной (феминнной) специфики проявлений социальной активности женщин в российской провинции периода поздней империи базируется на привлечении результатов концептуализации проблемы на стыке и во взаимодействии таких направлений гуманитарного и социального знания, как социальная психология, история, культурология и социология повседневности, интеллектуальная история, women's studies. Отграничить предметную область исследования позволяет дихотомия частной и общественной/публичной сферы; созидательной и деструктивной социальных активностей; типология женского присутствия в публичном пространстве и разработка адаптационной модели женского движения.

Методы исследования.

Специфика исследовательского подхода определяется совокупностью принципов объективности, историзма, детерминизма, всеобщей связи, системности и антропоцентризма, принципов социокультурного подхода (принцип человека активного, принцип взаимопроникновения культуры и социальности и пр.), диалектической (принципы противоречивости, поиска и оценки противоположностей, учета разнообразия связей и взаимозависимостей, целостности явления, относительности) методологии.

Системный анализ практик социального, духовно-нравственного служения и общественно-политической активности женщин российской провинции во второй половине XIX – начале XX века проведен с опорой на универсальные общенаучные методы (метод периодизации, сравнительный, метод типологии, структурирования, исторической реконструкции, герменевтический) и специальные исторические методы (идеографический или нарративный метод, историко-генетический, антропологический, метод синхронизации, классификации, статистический и хронологический методы).

Карнишина Н. Г. Столица и провинция. Российская политическая культура 1860-х – 1890-х гг. Пенза, 1999; Карнишина Н. Г. Центр и регион: исторические модели взаимодействии. Пенза, 2003.

Особое значение для решения исследовательских задач имеет идеографический метод, раскрывающий процесс формирования мировоззренческих установок и мотивации поведения выдающихся акторов духовно-нравственного подвижничества и благотворительности, а также герменевтический, позволяющий анализировать и интерпретировать тексты с учетом специфики развития общественного сознания и психологии локального сообщества в определенную эпоху.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые в отечественной и региональной исторической науке:

– на материалах Пензенской губернии разработаны региональные аспекты эволюции фемининности, периодизации развития женского движения, типологии вовлеченности женщин в практики благотворительности, медицинской помощи, религиозной и общественной деятельности;

– предложено содержательное уточнение категории «женское социальное служение», которое рассматривается не только как деятельность в сфере милосердия, но и как форма гражданской ответственности, канал публичного проявления женской субъектности в условиях ограниченных политических прав. Исследованы в сопоставлении две модели женского подвижничества, персонифицированные в фигурах М. М. Киселевой и Л. А. Татищевой и отражающие переход от культурных кодов традиционного общества к культурным кодам общества модерна, от благотворительности как долга – к служению как осознанной стратегии социальной вовлеченности;

– выявлена специфика процесса вовлеченности женщин в формирование публичной сферы в пензенском сообществе;

– охарактеризована роль женщин как акторов адаптации провинциального общества к условиям экстремальной повседневности;

– выделены социокультурные особенности провинциальной фемининности.

Теоретическая значимость исследования выражается в том, что в нем разработана объяснительная модель женского движения применительно к истории регионального сообщества, конкретизированы теоретические модели общероссийских процессов в локальной проекции; предложены уточнения периодизации и специфики развития фемининных сегментов публичного пространства российской провинции.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты послужат основанием для последующей разработки проблем развития регионального публичного пространства и моделей женской самореализации в российской историографии, концептуализации и создания трудов обобщающего характера, компаративистских исследований, для формирования рекомендаций по вопросам социальной политики в интересах органов государственной власти и местного самоуправления по вопросам социальной политики. Материалы и выводы исследования найдут свое применение в краеведческой, научно-просветительской и воспитательной работе, а также при разработке учебно-методического обеспечения рабочих программ по истории России и краеведению для образовательных учреждений общего, профессионального и высшего образования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Периодизация развития женского движения в Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. в целом соотносится с градацией этапов, разработанной применительно к общеимперскому уровню. Вместе с тем существенный рост социальной активности в провинции фиксируется в более поздний период времени, что позволяет обособить периоды конца 1860-х –1905 г. и 1905–1917 гг. Критерием деления выступает проявление факторов макроуровня (реализация реформ в сферах: образования,

политических прав и свобод). Необходимо отметить, что источником социальной динамики чаще всего выступали инициативы, идущие от государства, извне, либо от общероссийских общественных объединений.

2. Основанием существенного роста проявлений фемининности в публичном пространстве российской провинции выступил высокий уровень религиозности и сохранение преемственности практик социального и духовно-нравственного служения. В условиях эмансипации происходит прежде всего актуализация традиционных форм благотворительной деятельности. Не меньшее значение имел постепенный слом сословной / принудительной корпоративной системы, что подтолкнуло формирование добровольных ассоциаций и стимулировало поиски новых форм самоопределения и самореализации. В общем ряду факторов необходимо отметить реформы системы образования, отходничество и постепенный рост трудовой занятости женщин в сфере промышленного производства, системе здравоохранения и образования, деятельности государственных предприятий и сферы услуг.

3. Фактором субъективного порядка в развитии пензенской благотворительности и социального служения выступает персонификация подвижничества (реализация личных стратегий) в деятельности М. М. Киселевой (сохранение преемственности традиций доиндустриальной эпохи) и Л. А. Татищевой (трансляция новых поведенческих эталонов общества модерна).

4. Специфика процесса вовлеченности женщин в формирование публичной сферы российской провинции в пензенском сообществе выражена более высокой темпоральностью по сравнению со столицами, малочисленностью по отношению к населению в целом и высокой активностью учащейся молодежи. Политизация женского движения в условиях революции 1905–1906 гг. происходила в провинции быстрее, чем на столичном уровне, что проявилось в участии воспитанниц пензенских

гимназий и епархиального училища в акциях антигражданской и экстремистской направленности.

5. В российской провинции более отчетливо проявилась роль женщин как медиаторов в деле мобилизации социальных ресурсов на определение характера и поиск адекватных реакций при появлении угроз (травм) внешнего и внутреннего порядка, как ключевого ресурса адаптации общества к условиям экстремальной повседневности. В годы войн массовый и масштабный характер приобретает солидаризация женщин в деле оказания помощи раненым и больным военнослужащим.

6. Одной из характерных особенностей провинциальной феминности выступает гендерная толерантность, отсутствие стремления к закрытости, обособленности от мужского участия, к преодолению «мужской доминации». Отчасти это объясняется утилитарно-прагматическим подходом к решению проблемы материального обеспечения благотворительной деятельности. Кроме того, провинция оставалась оплотом традиционно-патриархального уклада, блокировавшего противопоставление полов даже на уровне самоидентификации. Маскулинизация феминности при этом выступала средством, но не самоцелью.

7. В числе объединений, сформировавших упорядоченную целостность женского публичного пространства Пензенской губернии в исторической ретроспективе второй половины XIX – начала XX вв. следует выделить: Пензенскую богадельню имени супругов А. Г. и М. М. Киселевых (открыта в 1859 г.), Общество для поощрения трудолюбия (и ремесленную школу при нем; основано в 1873 г.); Пензенское отделение Общества попечения о больных и раненых воинах Красного Креста (1876 г.); Пензенский дамский кружок (1877 г.); Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Пензенских женских гимназий и прогимназий (1877 г., 1885 г.); Общину сестер милосердия во имя Св. Ольги (основана в 1894 г.); земские общества

взаимопомощи (после 1906 г.); Пензенский дамский комитет (1914 г.); Пензенское отделение Всероссийского союза равноправия женщин (1905 г.).

Степень достоверности результатов исследования определяется видовым разнообразием и полнотой корпуса исторических источников, представленных материалами 31 фонда трех центральных (Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Архива внешней политики Российской империи) и одного регионального архива (Государственного архива Пензенской области); обоснованной и апробированной в публикациях предшественников методологией разработки проблемы, творчески адаптированной для региональной историографии; опорой на принципы научного познания: системности, объективности, историзма**.**

Апробация результатов исследования. Промежуточные результаты исследования докладывались на научных мероприятиях регионального, всероссийского и международного уровней, в том числе: Международных научных конференциях РАИЖИ и ИЭА РАН («Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении», Кострома, 2023; «Женское наследие в культурах народов России и мира», Махачкала, 2024), Научно-практической конференции «История благотворительности и социальной защиты в Российской провинции XIX – начала XX века. К 225-летию со дня рождения Киселевой М. М.», Пенза, 2023. В общей сложности по отдельным аспектам проблемы опубликовано 11 работ, в том числе 8 статей в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией, входящих в ядро РИНЦ, в системы международного цитирования Web of Science и Scopus, в Белый список.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование соответствует п. 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и

общественных институтов России и ее регионов», п. 6 «История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития», п. 7 «История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности», п. 12 «История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов», п. 17 «Личность в российской истории, ее персоналии. История российских элит», п. 18 «Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества», п. 24 «История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения» паспорта научной специальности 5.6.1. Отечественная история.

Структура диссертации соответствует целям и задачам исследования и включает введение, две главы, состоящие из 6 параграфов, заключение, список использованной литературы, приложения.

ГЛАВА 1. ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ФЕМИНИННОСТИ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

1.1. Социально-правовой статус женщины в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Эволюция социально-политического положения женщин в Российской империи как фактор роста гражданской активности и самоорганизации женского населения предполагает последовательный анализ дискурса феминности в юридических практиках и публицистике. Становление юридической концепции определения женского правового статуса во второй половине XIX – начале XX вв. происходило в рамках двух направлений: либерального (ориентировалось на равноправие полов и достижение социальной справедливости посредством образовательных и правовых реформ современного общества, но при этом возводило «мужские ценности» в ранг приоритетных для достижения и чрезмерно акцентировало проблему индивидуальной свободы) и марксистского (во главу угла ставило развитие самосознания женщины по отношению к участию в общественном производстве и революционных движениях)[1].

В исторической ретроспективе появление дискурсивных репрезентаций данной проблемы в общественном сознании относится к концу XIX в., что прослеживается в росте публикационной активности в этом направлении и закреплении темы на уровне энциклопедических изданий. Так, отдельная статья «Женщина в гражданском праве» вошла в Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В первую очередь, авторы зафиксировали категорические отличия русского законодательства от

[1] Латыпова Д. Ф. Генезис института правового положения женщин: от римского права к современности. Уфа, 2003. С. 118.

западноевропейского в вопросе ограничения женщин в правах: «Никаких ограничений дееспособности женщины как таковой наше право не знало и не знает». Исключение составляли лишь две позиции по отношению к жене: «она не в праве выдавать векселя без согласия мужа, если не ведет торговли» и «не в праве наниматься в услужение или на работы без позволения мужа»[1]. Так, при поступлении на курсы сестер милосердия, организованные в г. Пензе в 1877 г., кандидаткам нужно было предоставить свидетельство мужа о его согласии «на принятие женой обязанностей сестер Красного Креста»[2].

«Совершенно» отсутствовали, по мнению авторов, и «ограничения в дееспособности женщин в области прав частно-публичных». Русские женщины имели право выступать в роли опекунов и попечительниц над посторонними лицами, свидетельницами при составлении завещания и разного рода актов, экспертами и третейскими судьями, в то время как в Австрии, Франции, Испании такие ограничения существовали[3].

Вместе с тем фиксировалось сохранение ограничений в правах наследования[4]. Вступая в права наследования, каждая женщина получала из недвижимого имения четырнадцатую часть, а из движимого – восьмую часть[5]. Законная жена получала из недвижимого имущества – седьмую часть, а из движимого – четвертую[6]. При этом каждый из супругов мог иметь и приобретать отдельную собственность. Приданое жены, равно как и имение, приобретенное ею или на ее имя, признавалось ее отдельной собственностью.

По нормам обычного права, женщины не принимали участия в разделе отцовского имущества, но братья обязаны были дать сестрам «содержание и

---

[1] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXV. Санкт-Петербург, 1898. С. 883.
[2] ПГВ. 1877. № 62. 28 мая. С. 6.
[3] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXV. С. 883–885.
[4] Там же. С. 883–885.
[5] Канторович Я. А. Законы о женщинах: Сб. всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц жен. пола) / сост. Я. А. Канторович. Санкт-Петербург, 1899.С. 65–66.
[6] Там же. С. 70.

выдавать их замуж, снабдив приданым»[1]. Отмечалась и обязанность родителей обеспечить своим дочерям благополучие в будущем («родители пекутся об отдаче дочерей в замужество»). С назначением же приданого происходил выдел дочерей и родственниц[2].

Муж был обязан любить свою жену, жить с ней в согласии, обеспечивать пропитание и содержание. Жена же была обязана повиноваться мужу своему, ее права были ограничены в сфере трудоустройства (требовалось согласие мужа), равно как запрещалось отдавать в наем жен мужьями без согласия последних[3].

Серьезным достижением современного права в энциклопедии был назван сенатский указ, открывший возможность для женщин крестьянского сословия получать (при наличии известных условий) вид на жительство без согласия мужа[4]. Тем самым, можно выделить ключевые направления эволюции правового статуса женщин, наиболее актуальные в контексте борьбы за равные права: получение отдельного вида на жительство (раздельное проживание с мужем), а также прав государственной службы[5].

Активно обсуждался вопрос о расширении избирательных прав женщин в области земского самоуправления[6]. Законодательство устанавливало особый порядок внесения лиц женского пола в список избирателей. Так, согласно Положению о губернских и уездных земских учреждениях, (ст. 18.), лица женского пола могли участвовать в муниципальных выборах только опосредовано – через поверенных, опекунов

---

[1] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXV. Санкт-Петербург, 1898. С. 151.
[2] Канторович Я. А. Указ. соч. С. 6–7.
[3] Там же. С. 59.
[4] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XLa. Санкт-Петербург, 1904. С. 706.
[5] В 1898 г. принят закон о даровании прав государственной службы женщинам-врачам. См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XLa. С. 707.
[6] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XLa. Санкт-Петербург, 1904. С. 707.

или попечителей, а также «уполномочивать на участие в выборах своих отцов, мужей, сыновей, зятей и родных братьев»[1].

При этом «право участия» даже «через уполномоченных в выборе гласных» имели только владелицы определенного количества земли. В мае 1883 г. хозяйственный департамент Министерства внутренних дел затребовал у губернаторов сведения о фактах нарушения законодательства и циркулярных предписаний (еще от 1 декабря 1864 г. за № 190) и включении в списки избирателей лиц женского пола без учета размеров их владений[2]. В ответ на поступивший запрос Городищенская земская уездная управа заявила о внесении женщин как землевладелиц, в том числе и владевших недостаточным количеством земли (согласно ст. 23 Положения о земских учреждениях п. 1.; не менее 10 десятин, т.е. 1/20 части полного ценза), в списки избирателей для выбора уполномоченных «дабы не лишать их возможности участвовать в сказанных выборах через доверенности своим ближайшим родственникам»[3]. Пензенская уездная земская управа ответила, что женщины (мелкие землевладелицы) «в списки вносятся...», но «на съезд не приглашаются и посему никакого участия в выборах не принимают и показываются в тех списках для одного лишь счета»[4]. Аналогичные сведения поступили и из Краснослободского уезда. Председатель земской управы конкретизировал, что даже лица женского пола, владевшие землей в значительном размере, к участию в выборах допускаются только через поверенных. Необходимо отметить особое мнение уездных властей о том, что, мелким землевладельцам женского пола необходимо предоставить право участия через поверенных, так как они участвуют «во всех земских

[1] Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Санкт-Петербург, 1830-1885. Тип. Т. 55 и Общ. алф. указ. Т. 39: 1864. – 1867. Т. 39: 1864, отд-ние 1: от № 40457-41318. 1867. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/393-otd-nie-1-ot-40457-41318-1867 (дата обращения: 17.04.2025).
[2] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5796. Л. 1.
[3] Там же. Л. 3– 3 об.
[4] Там же. Л. 4.

повинностях наравне с уездными землевладельцами, имеющими право непосредственного голоса в избирательных съездах для выбора гласных»[1]. В Саранском уезде в списки вносились лица как мужского, так и женского пола. Этот принцип председатель управы посчитал более целесообразным, так как он давал возможность «пользоваться известным правом большему числу мелких владельцев в уезде»[2].

В Керенском, Мокшанском, Наровчатском, Нижнеломовском, Чембарском уездах женщин – мелких землевладелиц в списки не вносили, «по крайней незначительности таковых» «и жалоб от сих землевладелиц на невнесение их в списки никогда не возникало»[3]. В Инсарском уезде также отметили, что таковых землевладельцев в списки никогда не вносили, но отметили, что мелких землевладелиц следовало бы вносить в списки, «особенно из лиц привилегированного сословия, которых довольно немалое число (например, в Инсарском уезде – до четвертой части из общего числа владельцев дворян). По мнению председателя управы, «при распространении права участия в съездах мелких землевладельцев и на лиц женского пола можно надеяться, что на эти съезды будет являться большее число лиц, ибо остальные мелкие землевладельцы, состоящие преимущественно из крестьянского сословия, совершенно безучастно относятся к делам земства и в сказанных съездах всегда участвуют почти только одни священнослужители по владению церковными землями»[4].

Пореформенное время отмечено серьезными подвижками в деле развития женского образования и становления системы среднего женского образования. Так, в 1843 г. был принят Устав, на основании которого открываются епархиальные училища, имевшие специальную программу подготовки для будущих жен священников, в то время как ранее девушки

[1] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5796. Л. 9–9 об.
[2] Там же. Л. 11.
[3] Там же. Л. 5–7, 12.
[4] Там же. Л. 10 – 10 об.

могли довольствоваться только домашним воспитанием или обучением при монастырях[1]. Первоначально существовали сословные привилегии для дочерей священников при поступлении в данные учебные заведения, с 1868 г. в училища стали принимать лиц всех состояний.

Меняется и сфера профессиональной самореализации епархиалок: по окончании курса они получали возможность преподавать в церковно-приходских школах или училищах, подведомственных Министерству народного просвещения. Жены священников занимались образовательной и врачебной деятельностью в приходе мужа[2]. В этом отношении, правовой статус женщины определялся служебным положением ее мужа[3].

Вдовы и девушки-сироты духовного звания имели определенные преференции при определении в просфирни при церквях, могли рассчитывать на выдачу пособия от попечительств. В конце XIX в. открываются эмеритальные кассы (кассы взаимопомощи) для обеспечения вдов и сирот духовного звания[4].

Рождение женского гимназического образования соотносится с датой 19 апреля 1858 г., когда открывается четырехклассное женское училище в введении учреждений императрицы Марии Александровны, с 1862 г. переименованное в гимназию[5]. Положение о женских гимназиях и прогимназиях министерства народного просвещения было утверждено 24 мая 1870 г.[6]. Но при этом необходимо отметить качественное отличие принятого документа от Устава гимназий и прогимназий ведомства

---

[1] Кукленко О. М. Социально-правовой статус и семейное положение женщин духовного сословия Российской империи во второй половине XIX века // Научный альманах стран Причерноморья. 2023. № 9 (3). С. 55.

[2] Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Москва, 2011. С. 313.

[3] Кукленко О. М. Указ. соч. С. 54.

[4] Там же. С. 56.

[5] Стоюнин В. Я. Образование русской женщины (По поводу двадцатипятилетия русских женских гимназий) // Исторический вестник. 1883. Т. XII. № 4. С. 147.

[6] Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXXV. 48406. С. 701–705. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=934&regim=3 (дата обращения: 16.04.2025).

министерства народного просвещения от 19 ноября 1864 г., определявшего цель гимназического обучения как подготовку для поступления в высшие учебные заведения. Женщины такой возможности были лишены. Единственной перспективой их дальнейшей профессиональной самореализации Положением определялось получение звания учительницы по окончании восьмого дополнительного класса гимназии[1].

Дополнительными рисками развития среднего женского образования, по мнению В. Я. Стоюнина, стали: неприятие всесословного характера гимназий со стороны привилегированных классов; недостаток классического образования («не научает говорить по-французски»); а также тот факт, что гимназистки не довольствуются программой гимназического обучения, а «по окончании курса ищут новых познаний и пристращаются к науке»[2]. Тем не менее, в его представлениях, «семья непременно должна была выиграть от такого направления образования», так как сближение двух полов «в общих духовных интересах жизни должно непременно поднять нравственный уровень не только семьи, но со временем и самого общества»[3].

27 декабря 1884 г. в целях корректировки принятых ранее решений при Министерстве народного просвещения была учреждена специальная Комиссия по женскому образованию, и в апреле 1885 г. в канцелярию пензенского губернатора последовал запрос о числе окончивших курс с званием домашней учительницы в женских гимназиях и о числе домашних учительниц, остававшихся без мест, основываясь на поступавших в министерство сведениях о переполненности женских гимназий учащимися[4]. Свою позицию в этом вопросе пензенский губернатор А. А. Татищев обозначил следующим образом: «Отсутствие профессиональных школ для женского образования в Пензенской губернии естественно вызывает

[1] Стоюнин В. Я. Указ. соч. С. 150.
[2] Там же. С. 151.
[3] Там же. С. 152.
[4] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5901. Л. 1.

стремление людей даже недостаточного состояния отдавать своих дочерей в гимназии и прогимназии, где нередко можно встретить детей кухарок, дворников и другой прислуги. Желание дать дочерям образование и тем вывести их из своей среды на поприще более легкой деятельности весьма понятно в родителях, но к сожалению, оно в большей части случаев остается не достижимым, и такое стремление вместо желаемой пользы приносит страшный вред. Большинство бедняков оказываются не в состоянии пройти полный курс гимназического образования и вынуждены бросить его иногда в самом начале. Между тем, побывав в иной обстановке, среди дочерей интеллигентного или состоятельного класса, бедная девочка уже не легко мирится со своей домашней обстановкой. Она смотрит с пренебрежением на труд родителей, в ней возбуждается презрение к нему и злоба на отца и мать, что они не могли дать ей лучшее положение. Оторвавшись таким образом от скромной сферы трудовой жизни ремесленника, работника или слуги, без образования и знания, эти недоучки пускаются в разврат или становятся в ряды лиц, недовольных существующим строем государственного порядка и управления»[1]. Из 1252 учениц, поступивших в 1875–1885 гг. в пензенские женские гимназию и прогимназию, окончило курс только 530 человек. Сословная картина эффективности женского образования в губернии оценивалась губернатором следующем образом: из 497 дочерей дворян и чиновников окончило курс 251 чел; из 554 лиц духовного звания – 51 человек; из 537 купцов и мещан – 177 чел.; из 164 крестьян и др. сословий – 51 чел.[2] В силу чего Татищев решительно настаивал на необходимости открытия в городах губернии женских профессиональных школ, но не гимназий[3].

На рубеже XIX и XX вв. в русле зародившегося женского движения в России оформляются контуры публичной сферы, в коих присутствовали

[1] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5901. Л. 13–14.
[2] Там же. Л. 14.
[3] Там же. Л. 14 об.

признаки гендерной дискриминации. К 1906 г. Союз Равноправности женщин подготовил законопроект «О равноправии женщин», содержание которого позволяет реконструировать основные устремления россиянок в отношении гражданских прав[1]. Так, обретение равенства с лицами мужского пола предполагало дарование права избирать и быть избранной (в том числе, право участия в земских избирательных собраниях и при избрании гласных по Городовому положению при достижении возраста 25-ти лет); права занятия должностей по государственной службе (за исключением действительной военной службы; требование отмены «воспрещения» женщинам занимать канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях по Уставу о службе, за исключением учреждений ведомства Марии Федоровны); права получать звания; поступать в высшие учебные заведения (за исключением Духовных академий и военных вузов); наследовать на равных основаниях; право на распоряжение своим имуществом при вступлении в брак, приобретение и отчуждение, вступление в сделки, выступление в суде и пр. без согласия мужа; право на раздельное проживание («Не могут они также быть понуждаемы к совместному с мужем жительству»)[2]. Равенство женщин подчеркивалось изъятием самого термина «жены», наделенного гендерно-дискриминирующей коннотацией, и его замена на «супруги», «супругам»[3]. Следует указать и на требования отмены: присвоения корпоративных прав по состоянию и званию мужа (замена на определение брака как обязанности «супружеской верности, взаимного попечения и помощи друг другу»), необходимости повиноваться своему мужу как главе семейства; и, в статусе приоритетного – обязанности совместного проживания для супругов («при перемене постоянного жительства мужа жена должна следовать за ним») на

[1] Законопроект «О равноправии женщин», составленный юридической комиссией при Союзе Равноправия женщин. Санкт-Петербург, 1906. См.: ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 8.
[2] ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 8. Л. 4 об. – 6.
[3] Там же. Л. 8.

свободу волеизъявления при проживании («Супруги не могут быть понуждаемы к совместному жительству»)[1]. Предлагалось внести изменения в Почтовый и Телеграфный Уставы с целью изъятия дискриминирующего положения о согласовании допуска женщин к исполнению обязанностей с министром внутренних дел и ссылки на особые правила; в Устав о паспортах для отмены условия нахождения при муже для получения вида на жительство и требование получения отдельного вида на жительство для каждого из супругов и т.д.[2] К сожалению общедемократические требования равноправок так и остались общественной инициативой и законодателей не заинтересовали.

Характеризуя социально-правовое положение женщин в начале XX в, В. Михайлова констатировала серьезные и позитивные изменения в сфере снятия ограничений в правах наследования, за исключением сохранения частных проблем в отношении наследования внегородских недвижимых имуществ, в которых дочь получала лишь седьмую часть[3]. Вместе с тем исключительным по «безвыходности и тяжести» называлось положение женщины в вопросе раздельного проживания супругов. 23 июня 1910 г. законодательное предложение членов Государственной Думы о раздельном жительстве супругов было отвергнуто Святейшим Синодом[4].

И совершенно отсталым представлялось положение женщины в праве государственном, отказавшем женщинам в праве участия в выборах в Государственную Думу и органы земского и городского самоуправления (при сохранении права передавать свои цензы по недвижимому имуществу для участия в выборах своим мужьям и сыновьям)[5]. Так, из лиц, пользовавшихся правом участия в земских избирательных собраниях на

---

[1] ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 8. Л. 9 об. – 10.
[2] Там же. Л. 15–16, 21.
[3] Михайлова В. Указ. соч. С. I – II.
[4] Там же. С. II.
[5] Михайлова В. Указ. соч. С. II.

основании п. 1 статьи 16, не достигшие двадцати пяти лет от роду и женщины не могли участвовать лично (Ст. 17. Положения о земских учреждениях) и передавали свои полномочия отцам, мужьям, сыновьям, зятьям, внукам, братьям[1]. Данное основание присутствовало и в практике выборов в дворянское собрание. Дворянка, владевшая полным участком, имела право «посредством лица, уполномоченного ею» участвовать и во всех постановлениях собрания[2].

Возможности женщин поступить на службу в общественные учреждения были ограничены занятиями: «по счетной и письменной части в женских заведениях ведомства учреждений Императрицы Марии»; должностями акушерскими, фельдшерскими и аптекарскими в женских лечебных заведениях, занятиями по оспопрививанию и зубоврачеванию; «на поприще воспитания в учебных заведениях; по найму в письменной и счетной части учреждений Государственного контроля и железных дорог; в почтовых, телеграфных и телефонных учреждениях; в адресных столах; по письменной и счетной части учреждений отдельных ведомств; в библиотеках. В канцелярии Государственной Думы женщины допускались только к работе по найму на должности по делопроизводству, счетоводству, «в качестве стенографов» и библиотекарей[3]. Отдельной категорией выступали «врачи-женщины», окончившие курс Санкт-Петербургского женского медицинского института с получением диплома на звание «женщина-врач» и пользовавшиеся всеми правами государственной службы за исключением производства в чины и награждения орденами. Причем, женщины, получившие диплом «на звание лекаря» имели право приобретать ученые медицинские степени при университетах и Военно-медицинской академии[4].

---

[1] Михайлова В. Указ. соч. С. 2.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 6–8.
[4] Там же. С. 10–11.

В этот период женская инициатива в деле развития здравоохранения могла реализоваться лишь при поддержке императорской фамилии. Так, в январе 1892 г. Пензенские губернские ведомости сообщили о том, что Августейшему Московскому генерал-губернатору была представлена вдова известного писателя, женщина-врач Н. М. Гаршина (Золотилова) с ходатайством об открытии лечебницы для хронически больных детей. Обращение встретило сочувствие и поддержку со стороны великого князя Сергея Александровича и его жены великой княгини Елизаветы Федоровны. Отметим, что в провинциальной периодике информация была представлена в положительной коннотации[1].

Законом от 19 декабря 1911 г. устанавливались испытания для лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и порядок приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений. При этом устанавливались равные права на вознаграждение по отношению к мужчинам, занимавшим аналогичные должности[2]. Правила испытаний на знания курса высших учебных заведений в комиссиях, образуемых Министерством народного просвещения, устанавливались аналогичные комиссиям для мужчин. К экзаменам допускались лица женского пола, имевшие свидетельство о знании курса мужской гимназии или среднего женского учебного заведения и дополнительных предметов из курса мужской гимназии, определенных Министерством народного просвещения, а также свидетельство о прослушивании круга наук на высших женских курсах или в другом вузе[3].

Все попытки пересмотра церковного законодательства о браке и разводе (1870-е гг., 1907–1909 гг.) так и не обрели форму закона вплоть до революции 1917 г. Мнение Государственного совета о внесении на законодательное рассмотрение проекта правил о раздельном жительстве

[1] ПГВ. 1892. № 7. 10 января. С. 3–4.
[2] Михайлова В. Указ. соч. С. 12.
[3] Там же. С. 14.

супругов было высочайше утверждено в 1897 г. Однако вследствие отрицательного отзыва обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева это начинание дальнейшего развития не получило. 23 июня 1910 г. Священный Синод дал категорическое заключение о неприемлемости предложений о признании гражданскими судами требования одного из супругов о срочном или бессрочном жительстве; определения судом взаимных личных и имущественных отношений между супругами и детьми; и выдачу отдельных видов на жительство замужним женщинам без согласия их мужей[1]. Единственным исключением стало законодательно оформленное (1908 г.) разрешение расторжения браков военнослужащих (а также гражданских чинов и всех лиц, следовавших за войском: корреспондентов, извозчиков, торговцев и пр. лиц, обслуживавших армию), пропавших без вести в русско-японскую войну[2]. Волостные суды «за непослушание» мужьям могли вынести приговор и определить наказание в виде ареста жен на несколько суток, общественных работ и даже розог. Родители были не в праве защитить свою дочь-беглянку, спасавшуюся от домашнего насилия, и обязывались возвратить ее в дом мужа под угрозой ареста[3]. Вместе с тем стоит отметить, что производство по делам о семейном насилии в волостных судах к концу XIX в. заметно возросло, что свидетельствует не только о формировании судебной практики, но и об эволюции восприятия этой проблемы в общественном сознании. Волостные суды нередко решительно вставали на сторону пострадавших женщин[4]. Но только в 1914 г. был принят закон «О расширении личных и имущественных прав замужних женщин»,

[1] Михайлова В. Указ. соч. С. 113–114.
[2] Там же. С. 107.
[3] Безгин В. Б. Повседневный мир русской крестьянки ... С. 84.
[4] Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х гг. XIX века: по материалам Центрального Черноземья. Воронеж: Изд-во воронежского государственного университета, 2002.

позволявший получать беспрепятственно отдельные виды на жительство без разрешения мужа[1].

Принципиальное значение имеет рассмотрение вопроса о трансформации социальной активности и гражданской самостоятельности крестьянок в к. XIX и, особенно, в н. XX в. Как известно, мирские традиции женского присутствия на сходах не допускали[2]. Вместе с тем волостные суды могли принять решение, при котором женщина все же могла стать главой семейного хозяйства даже при живом муже (в случае его пьянства и роста задолженности по выплатам податей)[3]. К началу XX века ситуация изменится и теперь не просто на сходе, а в «совете стариков» появляются женщины, прежде всего, вдовы как главы крестьянских хозяйств[4]. В частности, по данным В. Б. Безгина, в Ильинской волости Казанского уезда той же губернии женщинами возглавлялось уже около 8 % хозяйств[5]. При этом стоит учесть публичный характер всего спектра межличностных отношений в крестьянской общине, включая брачные и семейные отношения, демографическое поведение[6], что обеспечит основу для формирования взрывного по своему характеру «вторжения» женщин, прежде всего, вдов и солдаток (вплоть до массовых выступлений и «бабьих бунтов») в систему социально-политических коммуникаций.

Указанные категории населения могли самостоятельно вести семейное хозяйство, заключать сделки, требовать выдела из семьи мужа, арендовать

---

[1] Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Москва, 2011. // URL: https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/zhenshhina-v-pravoslavii-tserkovnoe-pravo-i-rossijskaja-praktika/9_3 (дата обращения: 10.04.2025).

[2] Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва, 2004. С. 49.

[3] Безгин В. Б. Повседневный мир русской крестьянки ... С. 74.

[4] Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. Москва, 1992. С. 32.

[5] Безгин В. Б. Указ. соч. С. 74–75.

[6] Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. статей / Под ред. и с предисл. А. Г. Вишневского. Москва, 1977. С. 84.

землю и нанимать работников[1]. Так, характеризуя результаты внедрения хуторской системы в период реализации столыпинской аграрной реформы, О. А. Сухова приводит данные о премировании «пионеров новых форм земледельческого труда» по случаю празднования 300-летия династии Романовых. По трем средневолжским губерниям (Пензенской, Саратовской и Самарской) таковых обнаружилось пятеро, в том числе и хозяйство хуторянки Е. Ф. Ермаковой, проживавшей в Городищенском уезде Пензенской губернии и владевшей 15,5 десятинами земли. Хозяйство имело многопрофильный характер: травосеяние, производство зерновых культур, скотоводство и птицеводство, пчеловодство, промышленное рыболовство, садоводство и огородничество. Урожайность зерновых в хозяйстве Ермаковой составляла свыше 115 пудов ржи в расчете на десятину посева, в то время как в среднем для хуторских хозяйств губернии – 40–60 пудов[2].

Рост отходничества и особенно мобилизационные кампании привели к равенству женщин в деле решения общих мирских дел: «допускаются на сходы на равных правах с мужчинами»[3]. Массовые мобилизации и назначение казенного пособия кардинальным образом изменили социальный статус солдатки, прежде лишь чуть отличавшийся от женщины девиантного поведения (а часто уравниваемой с проститутками[4]). Этот образ последовательно конструировался и местной периодикой. Так, 10 марта 1877 г. Пензенские губернские ведомости сообщили об убийстве в г. Саранске А. А. Савенковой, одинокой «старухи 60-ти лет», солдатки, промышлявшей гаданием на картах и сводничеством. Собственно описанию трагедии посвящена лишь половина очерка «Убийство в г. Саранске», в другой же

[1] Безгин В. Б. Указ. соч. Москва, 2024. С. 74–75.

[2] Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. Москва, 2008. С. 272.

[3] Безгин В. Б. Указ. соч. С. 74–75.

[4] Стайтс Р. Феминистское движение и большевики: Февральская и Октябрьская революции 1917 г. // Гендерная реконструкция политических систем. Санкт-Петербург, 2004. С. 314.

части воспроизводятся типичные практики повседневности солдаток: «Несмотря на свои старческие годы, Савенкова имела любовников, – и вообще вела безнравственную жизнь; ремесло гадальщицы привлекало к ней немало легковерных людей»[1].

О незавидной участи солдаток писали Пензенский губернские ведомости, характеризуя в одной из аналитических статей («Женатые новобранцы») новый социокультурный феномен, рожденный введением всеобщей воинской повинности[2]. Стремление «женить сына и приобрести в дом работницу» вело к ранним бракам (18–20 лет), в то время как призыв на воинскую службу по жеребью проводился только для одного возраста (на 1 января года набора – 20 лет). В частности, в 1877 г. из 54 новобранцев Городищенского уезда 44 на момент призыва имели семью, в Саранском уезде из 54 женатыми оказалось 36 человек. По мнению автора статьи, оставшегося безымянным, такая ситуация выступала источником разврата и проституции («Не подготовляется ли в молодых женах новобранцев новый слой проституток и какая будущность готовится для нравственности всего нашего населения, мирящегося с очевидным распространением в среде его зля»), за женам призывников закреплялся статус «гулящей солдатки», а вернувшийся через 6 лет призывник должен был кормить и воспитывать возможно и не своих детей[3].

С другой стороны, семьи нижних чинов оказались в эпицентре патриотического движения: уже в апреле 1877 г. Пензенская городская дума ассигновала 6000 руб. на выплаты пособий нуждающимся семействам призванных на службу нижних чинов, Инсарское и Саранское земства в чрезвычайных своих заседаниях постановили обеспечить эти семейства ежемесячно выдачей по 1 руб. на ребенка и по пуду муки соответственно[4].

---

[1] ПГВ. 1877. № 30. 10 марта. С. 3
[2] Там же. № 144. 6 декабря. С. 4.
[3] Там же.
[4] Там же. № 48. 28 апреля. С. 5.

После 1 июня 1877 г.[1] жены нижних чинов становятся главными героями публичного пространства российской провинции: их имена, ранее безвестные, теперь вынесены на всеобщее обозрение и публикуются в «списках женам...». Так, 6 сентября ведомости поместили список жен призывников по Мокшанскому уезду, получавших от земства в зависимости от состава семьи от 1 до 5 руб. (1 руб. на каждого ребенка; число таких семейств в каждом населенном пункте составляло от 1 до 11)[2].

Социальное положение вдов нижних воинских чинов (погибших в Русско-японскую войну), проживавших в с. Канаевка Городищенского уезда позволяют представить их обращения в местное управление Общества Красного Креста с просьбой о назначении единовременного пособия в апреле 1912 г. По проведенному дознанию о семейном и имущественном положении выяснилось, что К. М. Родаева проживала с дочерью. Ее имущество состояло из одной избы. При этом она получала пособие от государства в размере 36 руб. и от Александровского комитета в размере 15 руб. в год. Пособие от казны получала и Н. Ф. Трушина, проживавшая с дочерью и имевшая в хозяйстве избу и корову. Е. Д. Чекмарева проживала с сыном у своей сестры, не получала пособия и имущества никакого не имела. И, наконец, М. Д. Мультяева, получавшая пособие от казны, жила с двумя детьми и имела дом, корову и земельный надел в 1,5 дес. земли. Местным управлением помощь в размере единовременной выплаты в 5 руб. была оказана только Чекмаревой, как не получавшей помощи от государства[3].

Манифестируя освобождение женщины в 1917 г., один из лидеров женского движения, А. В. Тыркова обозначила основные требования современной повестки дня: равноправие с мужчинами, политические права,

---

[1] 1 июня 1877 г. Высочайше утверждено мнение Государственного Совета о назначении пособия женам нижних чинов, призванных на военную службу.

[2] ПГВ. 1877. № 105. 6 сентября. С. 6. В с. Аксель Краснослободского уезда был мобилизован 21 человек, размер пособия составил 1 руб. 25 коп. на каждого ребенка. См.: ПГВ. 1877. № 132. 8 ноября. С. 7.

[3] ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 855. Л. 25–25 об.

равноправие как в государственных, так и в семейных делах, в отношении судьбы детей, их воспитания, и имущества; равное с мужчинами образование, равную оплата труда и особую охрану в отношении женского и детского труда со стороны государства[1]. Одновременно происходит раскол женского движения на лояльных Временному правительству равноправок, добившихся реализации всех своих запросов и перешедших в стан ревностных защитниц либерально-демократической перспективы, и шагнувших далее в революцию радикалок – «утвердителей» пролетарского видения решения «женского вопроса»[2]. И в том, и в ином случае очевидно влияние гендерного неравенства как фактора роста революционной активности работниц и солдатских жен – предвестника становления общества массовой культуры и массовых же форм социального сопротивления.

1.2. Социально-демографические факторы развития модели феминности в провинциальном обществе

В числе факторов воспроизводства традиционной модели демографического поведения в российской провинции исследователи выделяют: патриархальный уклад сельской повседневности, низкий уровень грамотности, и, напротив, высокий уровень религиозности большей части населения. Состояние в браке определяло соответствие религиозно-

[1] Тыркова А. В. Освобождение женщины. Петроград, 1917. С. 10.

[2] Ричард Стайтс в одной из своих статей подчеркивает решающую роль российских женщин в свержении самодержавия и укрепления демократического потока в русской революции, рассматривая рост и активизацию деятельности феминистских объединений, ход одной из первых массовых демонстраций в революционном Петрограде численностью до 40 000 женщин, организованной Лигой равноправия 20 марта 1917 г., создание добровольческих воинских женских формирований, участие женщин (в том числе «вооруженных большевичек» в не меньшем количестве, нежели участниц Женского батальона) в штурме Зимнего и в его защите и т.д. Истоки мощнейшего революционного потенциала русских женщин Стайтс видит в опыте женского движения в предшествовавший период. См.: Стайтс Р. Указ. соч. С. 302 – 316.

этическим нормам, уровень достатка и общественный статус в целом. Незамужнюю женщину ожидала незавидная участь, но и холостой мужчина не воспринимался полноценным членом общины. Только семья давала гарантию воспроизводства половозрастного разделения труда как важнейшего принципа крестьянской повседневности и представлений о благополучном будущем: «для щей люди женятся, для мяса замуж идут», что определяло традиционно высокий уровень брачности в российской деревне[1].

Вместе с тем пореформенная эпоха стала временем демографической революции, когда вследствие снижения смертности[2] (из-за изменения структуры и качества питания, развития земской медицины и санитарно-гигиенической культуры населения, социальных ожиданий решения «земельного вопроса») происходит стремительное увеличение численности населения, что не компенсировалось падением брачности[3]. Это привело к накоплению кризисных явлений социально-экономического и социокультурного порядков и обеспечило революционный взрыв в начале XX столетия.

В Пензенской губернии ощутимые темпы рост численности населения набирает в 1870-е гг. Как засвидетельствовали чиновники канцелярии губернатора, показатель «приращения населения» в 1872 г. составил всего 0,02 %[4]. К 1 января 1876 г. численность населения Пензенской губернии составила 601 524 мужского и 624 981 женского пола (50,9% населения), а

---

[1] Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 85–88.

[2] Так, смертность населения в Пензенской губернии снижается с 41,5 чел. (в расчете на тысячу населения) в 1875 г. до 33,7 – в 1900, 33,6 – в 1910 гг. См.: Обзоры Пензенской губернии. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора за 1875, 1900 и 1910 гг.

[3] Начиная со второй половины 1860-х гг. в российской деревне обнаруживается снижение уровня брачности. В 1861–1865 гг. данный показатель составлял 11 %, в 1871–1875 гг. – 10 %, а к концу XIX в. снизился до 9 %. См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 88.

[4] Обзор Пензенской губернии за 1872 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1873. С. 3.

всего 1 226 505 человек[1]. В городах число мужчин пусть незначительно, но все же превышало число женщин: 59 023 против 58613 человек (доля женщин составляла 49,8%, в г. Пензе – 17 279 против 15095 – 46,6%). По сословиям численность женского населения составляла: дворянок потомственных – 2050, личных – 1545, купчих – 1565, мещанок – 24600, крестьянок – 558 365[2]. «Избыток родившихся над умершими» составил 22 444 человека (более чем в 1874 г. на 4979 душ; 18,2 в расчете на тысячу населения). Общий прирост населения составил 1,83%[3].

На 1 января 1878 г. в Пензенской губернии проживало 1 279 371 человек, в том числе, 624 793 мужчины и 654 578 женщин (48,8 и 51,2 % соответственно). В г. Пензе было учтено 35 024 человека, включая 17 712 мужчин и 17 312 женщин. В городах мужчины по численности доминировали (в целом по губернии 61 722 против 59 638 женщин), а в уездах, наоборот, преобладали женщины: 594 940 против 563 071 мужчины)[4]. Причина такого положения кроется в экономической активности населения городов как центров развития промышленности и торговли, а также в размещении регулярных войск. Так, в уездных центрах: гг. Саранске (6792 мужчины и 6919 женщин), Городище, Мокшане, Керенске и Чембаре женское население превышало мужское, ту же картину наблюдаем и в заштатных гг. Шишкееве, Верхнем Ломове (3663 мужчины и 3976 женщин) и Троицке, а в гг. Нижнем Ломове, Инсаре, Наровчате и Краснослободске, напротив, преобладало мужское население[5].

Увеличение численности населения составило 1,12 %.; разница между родившимися и умершими – 24 402 человека (19 в расчете на тысячу чел.

---

[1] Обзор Пензенской губернии за 1875 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1876. С. 39.
[2] Там же. С. 40.
[3] Там же. С. 41.
[4] Обзор Пензенской губернии за 1877 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1878. С. 16.
[5] Там же. С. 16.

населения), что превышало показатель 1876 г. на 3374 души, несмотря на существенное снижение брачности в связи с началом Русско-турецкой войны[1].

Сословный состав населения позволяет представить таблица 1.

Таблица 1

Население Пензенской губернии по сословиям в 1877 г.[2]

Сословия	Мужчин	Женщин	Итого
Дворян потомственных	1794	2032	3826
-//- личных	1468	1612	3080
Духовенства православного белого	3516	3992	7508
-//- монашествующего	138	1075	1213
-//- прочих исповеданий	304	291	595
Почетных граждан потомственных	489	474	963
-//- личных	826	929	1755
Купцов	1294	1341	2635
Мещан	25 803	26 149	51 952
Цеховых	2222	2264	4486
Крестьян всех наименований	546 411	574 697	1 121 108
Военного сословия регулярных войск	6126	560	6686
-//- бессрочно-отпускных	1401	237	1638
-//- отставных и их детей	20 858	26 076	46 934
Иностранных подданных	123	97	220
Лиц, не принадлежащих к выше показанным разрядам	125	106	231
Инородцев	11 895	12 646	24 541
ВСЕГО	624 793	654 578	1 279 371

Даже в «голодном» 1880 г. превышение числа родившихся над умершими составило 19 003 человека (14,2 в расчете на тысячу населения), хотя данный показатель и сократился против предыдущего года на 9087 человек, а в губернском центре было зафиксировано отрицательное значение естественного прироста (превышение числа умерших составило 64 человека), что объясняется ростом смертности населения в условиях недорода в 1880 г.

[1] Так, в 1877 г. в губернии было учтено 10 608 браков (8,2 в расчете на 1000 человек), в г. Пензе – 236 (6,7). См.: Обзор Пензенской губернии за 1877 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1878. С. 18.

[2] Там же. С. 17.

Прирост численности населения в целом достигает 1,4 %[1]. Число жителей в г. Пензе составило 41 468 человек, в том числе 22 154 мужчины и 19 314 женщин, в целом в городах 130 606 (65 763 и 64 843), по губернии – 1 337 155 человек, включая 659 270 мужчин (49,3 %) и 677 885 женщин (50,7%)[2]. Особенно заметным был рост населения в пензенской деревне. Так, только за период с 1877 по 1880 гг. численность крестьянства увеличилась на 47 712 человек. При этом, разница между мужским и женским населением в деревне сократилась с 28 286 до 27 914 человек.

Спустя пятилетие население Пензенской губернии увеличится до 1 480 773 человек, в том числе 733 347 мужского (49,5 %) и 747 426 женского пола (50,5 %), в том числе в г. Пензе – 44 734 (21 938 и 22 797 соответственно). Отметим и тот факт, что женщины по численности стали доминировать в городах – 70 726 против 68 605 человек[3]. Абсолютный показатель естественного прироста достигает 25 838 человек, что превысило данные за предыдущий год на 2 865 человек. Увеличение численности населения составило 1,7 %[4]. За период 1880–1885 гг. численность крестьянства в губернии увеличилась с 1 168 820 до 1 278 875 человек. Разница между мужчинами и женщинами составила 24 945 человек (626 965 мужчин и 651 910 женщин; по сравнению с 1880 г. происходит сокращение диспропорции на 2 969 человек)[5]. По сословиям численность дворянок потомственных составила 2256, личных – 2084, купчих – 1452, мещанок – 29411, крестьянок 651 910 человек[6].

---

[1] Обзор Пензенской губернии за 1880 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1881. С. 29.
[2] Там же. С. 27.
[3] Обзор Пензенской губернии за 1885 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1886. С. 19.
[4] Там же. С. 21.
[5] Для сравнения: Обзор Пензенской губернии за 1880 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1881. С. 28; Обзор Пензенской губернии за 1885 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1886. С. 21.
[6] Обзор Пензенской губернии за 1885 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1886. С. 20–21.

По данным Всеобщей переписи 1897 г., сословный состав населения губернии включал: дворян потомственных и членов их семей – 2413 мужчины и 2923 женщины, в том числе, в городах – 1276 и 1548 соответственно; дворян личных и чиновников не из дворян – 2595 и 2892, в том числе, в городах – 2205 и 2406 человек[1]; лиц сельского состояния (крестьяне, казаки, иностранные поселенцы): 662 791 мужчину и 720 218 женщин, в том числе, в городах – 42 568 и 42 680 человек соответственно[2] (в том числе, крестьян – 662 762 мужчин и 720 176 женщин, в городах – 42 556 и 42 671); мещан 27 793 мужчин и 30 508 женщин, из них в городах – 18 750 и 20 690, купцов и их семьи – 1093 мужчины и 1107 женщин, из них в городах – 888 мужчин и 901 женщина; потомственных и личных почетных граждан – 1410 мужчин и 1377 женщин, в том числе, в городах – 689 мужчин и 676 женщин; лиц духовного звания – 45603 мужчин и 5863 женщины[3].

Темпы урбанизации в губернском центре отражены следующими значениями: при росте общей численности населения за пятилетие 1880–1885 гг. в 10,7 %, в Пензе число жителей увеличилось на 7,9 %. Столь явное отставание свидетельствует о низком уровне индустриализации и экономической активности населения в целом. «Демографический бум» был характерным явлением исключительно для пензенской деревни.

В 1892 г. численность населения составила 1 593 548 человек, в том числе 789 196 мужчин и 804 352 женщины (диспропорция между мужчинами и женщинами сократилась до минимума в 15 156 человек). Это был единственный год, когда показатель смертности превысил показатель рождаемости на 6 378 человек. Число умерших в целом превысило 80 тыс.

---

[1] Обзор Пензенской губернии за 1885 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1886. С. 40–41.

[2] Там же. С. 38–39.

[3] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1-89] / под редакцией Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург, 1899–1905. XXX. Пензенская губерния. Санкт-Петербург, 1903. С. 52.

человек. В г. Пензе убыль населения составила 1219 человек[1]. Но уже в 1893 г. число родившихся превысило число умерших на 10 947 человек. Общая численность населения составила 1 601 499, в том числе 793 605 мужчин и 807894 женщины[2]. В 1895 г. численность населения губернии достигает показателя в 1 617 454 человека, в том числе 801 222 мужчин и 816 232 женщин. Естественный прирост составил 14 609 человек (9,1 в расчете на тысячу населения)[3]. Темпы увеличения численности населения немного снижаются, но вместе с тем остаются высокими: 9,2 % за период с 1885 по 1895 гг. При этом, начиная с 1895 г., губернаторские обзоры стали фиксировать миграционные процессы: «выселилось в другие губернии 491 человек»[4]. В целом же за период с 1864 по 1897 гг. рост общей численности населения превысил 37,7 % (если учитывать данные Первой Всероссийской переписи; по полицейским же сведениям – свыше 50 %)[5]. И если в к. 1890-х гг. наблюдается некоторое снижение естественного прироста (в 1898 г. до 16 985 человек)[6], то в начале XX века (в 1900–1906 гг.) данный показатель

---

[1] Обзор Пензенской губернии за 1892 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1893. С. 40.

[2] Обзор Пензенской губернии за 1893 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1894. С. 10.

[3] Обзор Пензенской губернии за 1895 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1896. С. 12; Ведомость № 3. О движении населения в Пензенской губернии за 1895 г.

[4] Обзор Пензенской губернии за 1895 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1896. С. 13.

[5] Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. XXX. Пензенская губерния. По сведениям 1864 г. Санкт-Петербург, 1869. С. XVIII–XXVIII; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1-89] / под редакцией Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург, 1899–1905. XXX. Пензенская губерния. Санкт-Петербург, 1903. С. 1; Обзор Пензенской губернии за 1898 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1899. С. 58.

[6] Обзор Пензенской губернии за 1898 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1899. Ведомость № 1. О движении населения в Пензенской губернии за 1898 год.

естественного прироста вырос с 33 479 до 93124 человек[1]. За период с 1900 по 1906 гг. численность жителей в губернии увеличилась еще на 10,3 %[2].

В 1913 г. численность населения превысила 2 млн человек[3]. Динамика естественного прироста была отмечена ощутимым снижением от 38344 человек в 1911 г. до 36491 человека в 1912 г., до 30 669 чел. в 1913 г. (15,3 в расчете на тысячу чел. населения) и ростом в 1914 г. – 36 204 человека (17,7 в расчете на тысячу чел. населения)[4].

Тем самым во второй половине XIX – начале XX вв. численность населения Пензенской губернии выросла в два раза: с 1 068 021 душ жителей (518 799 мужчин и 594 222 женщин) в 1864 г. до 2 045 822, из них 1 007 161 мужчин и 1 038 661 женщин в 1914 г.[5] При этом низкий уровень индустриализации и урбанизации российской провинции заблокировали формирование адаптационных ресурсов и способствовали накоплению протестного потенциала в среде патриархально ориентированного крестьянства. Так, за период с 1880 по 1905 гг. население Пензы увеличилось на 43,4 % и составило 64161 чел., за 1905–1911 и гг. еще на 24 % (по полицейским сведениям, в 1911 г. в г. Пензе было учтено 79 552 чел., в том

---

[1] Что удивительно, так как в 1906 г. пензенская деревня вновь переживает неурожай и голод.

[2] Обзор Пензенской губернии за 1900 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1901. С. 82; Обзор Пензенской губернии за 1906 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1907. С. 21.

[3] Обзор Пензенской губернии за 1913 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1914. Ведомость № 15. О движении населения в Пензенской губернии за 1913 г.

[4] Обзор Пензенской губернии за 1911 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1912. Ведомость № 15. О движении населения к Пензенской губернии за 1912 г.; Обзор Пензенской губернии за 1912 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1913. Ведомость № 15. О движении населения в Пензенской губернии за 1912 г.; Обзор Пензенской губернии за 1914 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1915. Ведомость № 15. О движении населения в Пензенской губернии за 1914 г.

[5] Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. XXX. Пензенская губерния. По сведениям 1864 г. Санкт-Петербург, 1869. С. XVIII–XXVIII; Обзор Пензенской губернии за 1914 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1915. С. 16.

числе – 40 550 мужчин и 39 002 женщины), но доля губернского центра в общей численности населения губернии не превышала 4,2 %[1].

Не менее важным фактором роста социальной активности женщин выступает их включенность в экономические процессы. К сожалению, в этом вопросе мы сможем опереться лишь на данные Всеобщей переписи 1897 г., в ходе которой в губернии было учтено 267 552 мужчины и 54 431 женщина в числе лиц, имевших самостоятельные занятия, в том числе, в сферах: администрации, суда и полиции – 2131 мужчин и 2 женщины; общественной и сословной службы – 1457 мужчин и 10 женщин; частной юридической практики – 73 мужчин и 2 женщины; проституции – 34 женщины. Наиболее заметным было присутствие женщин в: изготовлении одежды – 6100 мужчин и 1 541 женщина; обработке волокнистых веществ – 1941 мужчина и 2283 женщины; земледелии – 195 686 мужчин и 19 801 женщина; службе частной (прислуга, поденная работа) – 12 248 мужчин и 11 455 женщин; учебной и воспитательной деятельности – 913 мужчин и 505 женщин; врачебной и санитарной деятельности – 652 м. и 318 женщин; науки, культуры и искусства – 78 мужчин и 17 женщин; богослужения православного вероисповедания – 2313 мужчин и 3186 женщин; железных дорог – 2324 мужчин и 174 женщины; почты, телеграфа, телефона – 361 мужчина и 17 женщин, кредитных и общественных коммерческих учреждениях – 94 мужчины и 3 женщины; трактиров, гостиниц, меблированных комнат, клубов – 1071 мужчина и 253 женщины[2].

В сфере самостоятельного сельскохозяйственного производства гендерная специфика занятости выразилась следующими данными: кустарное производство льняных и пеньковых изделий – 48 мужчин и 676 женщин, выделка овчин и мехов – 582 и 46 соответственно, производство

---

[1] Пензенская епархия. Историко-статистическое описание. С картою Пензенской губернии. Пенза, 1907. С. 36; Памятная книжка Пензенской губернии за 1911-1912 гг. Пенза, 1911. С. 163.

[2] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи ... С. 168.

колесных ободьев, дуг, оглобель и пр. – 2336 и 109, производство винокуренное, спиртоочистительное и водочное – 192 и 16, мукомольное и круподерное производство – 2030 и 36, изготовление мужской одежды – 3196 и 285, плотники – 5201 и 178. И даже в ломовом извозном промысле было занято 43 женщины при 1738 мужчинах, в числе чернорабочих и поденщиков учтено 253 женщины при 2055 мужчинах[1].

Естественным регулятором рождаемости в традиционном обществе могло выступить повышение брачного возраста и снижение брачности населения. Однако решительных изменений в этом направлении не произошло. Возраст вступления в брак в России пореформенного периода составлял 16–18 лет для девушек (нередко еще до физического и полового созревания[2]) и 18–20 лет для юношей. Имели место случаи выдачи замуж девушек в возрасте 14–15 и даже 12 лет, что требовало специального разрешения епархиальных властей (по законодательству, в случае, когда невесте не хватало до требуемого возраста не более полугода), так как по российскому законодательству женщинам разрешалось вступать в брак с 16 лет, а мужчинам – с 18 лет[3]. Но в целом лишь 2,5 % девиц выходили замуж до достижения возраста 17 лет[4]. Также существовал запрет на вступление в брак в возрасте старше 80 лет от роду, а также на вступление в брак без дозволения родителей, опекунов или попечителей[5]. Развод в традиционном обществе был делом совершенно исключительным, особенно в крестьянской среде[6].

---

[1] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи ... С. 228–234.
[2] Сведения о позднем полном физическом и половом созревании приводит Б. Н. Миронов. По данным земский врачей, у 10–17 % девушек к моменту вступления в брак еще не устанавливался менструальный цикл. См.: Миронов Б. Н. Указ соч. С. 91.
[3] Канторович Я. А. Указ. соч. С. 12; Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 92.
[4] Тольц М. С. Брачность населения России в конце XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. статей / Под ред. и с предисл. А. Г. Вишневского. Москва, 1977. С. 141.
[5] Канторович Я. А. Указ. соч. С. 12.
[6] Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 93.

В сельскохозяйственных губерниях, к коим относилась и Пензенская, браки были более «молодыми». Брачность в дореволюционной России была не только ранней, но и всеобщей: только 4 % мужчин и 5 % женщин оставались вне барка к возрасту 45–49 лет[1]. В этом случае демографическое поведение изменится вследствие введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности, создававшей необходимость отсрочки брака для призывников минимум на 6 лет[2]. И к концу века девушки в возрасте 21–22 лет уже не будут считаться старыми девами[3]. Более позднее вступление в брак сокращало детородный возраст женщины, а, следовательно, и количество детей в семье. Как известно, в среднем в крестьянских семьях рождалось 7–10 человек, следовательно, возраст роженицы составлял от 18 до 40 лет[4]. Тем не менее, приведенные выше данные статистики свидетельствуют о несущественном воздействии этого фактора: в абсолютном выражении это обстоятельство кардинально ситуации не исправит.

Наиболее вероятным возрастом вступления в брак для девушек был период с 18 до 21 года, начиная с 25 лет вероятность выйти замуж стремительно снижалась[5]. Доля вдов начинала возрастать в возрастной группе 40–49 лет и достигла показателя в 14,24 %, в следующей возрастной группе – 50–59 лет составляла почти 30 %[6].

По данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., женщины превосходили мужчин на 8,9 %, причем в группе от 20 до 29 лет этот показатель возрастал до 24 %[7]. По сословиям и состояниям преобладали

---

[1] Тольц М. С. Указ. соч. С. 140.
[2] Согласно Манифесту от 1 января 1874 г., молодые люди «по достижении возраста 20 лет» «по жеребью» подлежали призыву в действующую армию на 6 в сухопутные войска и на 7 лет во флот. См.: Манифест о введении всеобщей воинской повинности. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLIX. Отделение 1. 1874. Санкт-Петербург, 1876. № 52982. С. 2.
[3] Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 92.
[4] Там же. С. 95– 96.
[5] Тольц М. С. Указ. соч. С. 142.
[6] Тольц М. С. Указ. соч. С. 144.
[7] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи ... С. VI.

лица сельских сословий – 93,9 % женщин и 93,7 % мужчин с нулевым показателем разводов[1] (см. таблицы 2 и 3).

Таблица 2

Распределение населения Пензенской губернии по сословиям в связи с семейным положением в 1897 г.[2]

Сословия и состояния	из 100 лиц каждого сословия было										В % к общему населению	
	холостых и девиц		состоящих в браке		вдовых		разведенных		не указавших		м.	ж.
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.		
Потом. и личн. дворян	60,4	51,0	35,2	32,7	4,2	16,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,8	0,8
Духовного звания	58,2	57,3	34,7	27,8	7,1	13,4	-	0,1	-	1,4	0,7	0,8
Городских сословий	58,1	50,7	37,7	34,9	4,1	14,1	-	0,1	-	1,4	4,7	4,3
Сельских сословий	51,5	48,5	43,7	43,5	4,8	7,9	-	-	-	0,1	93,7	93,9
Иностр. поддан.	64,4	56,3	32,2	31,7	3,4	12,0	-	-	-	-	-	-
Остальных	45,1	33,5	43,2	44,0	11,3	21,8	-	0,1	0,4	0,6	0,1	0,2
В общем	51,8	48,7	43,4	42,9	4,8	8,3	-	-	-	0,1	100,0	100,0

Таблица 3

Распределение населения по семейному состоянию и по возрастным группам в Пензенской губернии в 1897 г.[3]

Семейное состояние	Холостых и девиц		Состоящих в браке		Вдовых		Разведенных		Не указавших семейного состояния		Итого	
возрастные группы	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
В целом по губернии	**365359**	**372873**	**304683**	**328859**	**33669**	**63673**	**141**	**270**	**202**	**745**	**704054**	**766420**
менее 10 лет	189259	194160	-	-	-	-	-	-	-	-	189259	194160
10–12	54328	55169	-	-	-	-	-	-	-	-	54328	55169
13–14	30512	31683	-	-	-	-	-	-	-	-	30512	31683
15–16	29893	31799	13	343	-	10	-	1	-	9	29906	32162
17–19	35915	32556	7321	15146	13	58	2	3	13	40	43264	47803
20–29	19137	14343	80162	107734	668	1433	19	64	39	187	100025	123761

[1] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи ... С. VIII.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 30–31.

30–39	3107	4767	82124	86086	1612	4384	24	71	34	134	89901	95442
40–49	1569	3431	67154	64392	4311	10025	35	44	20	56	73089	77948
50–59	780	2240	40192	35272	7119	15303	31	53	12	81	48134	52949
60 и более	813	2675	27653	19822	19931	32428	28	34	47	209	48472	55168
Неизвестн. возраст	46	50	64	64	15	32	2	-	37	29	164	175
В г. Пензе	**17252**	**14392**	**11850**	**10609**	**1163**	**4580**	**5**	**28**	**44**	**58**	**30314**	**29667**
менее 10 лет	5706	5826	-	-	-	-	-	-	-	-	5706	5826
10–12	1930	1873	-	-	-	-	-	-	-	-	1930	1873
13–14	1377	1224	-	-	-	-	-	-	-	-	1377	1224
15–16	1327	1180	1	14	-	-	-	-	-	-	1328	1194
17–19	2035	1387	67	396	-	5	-	2	4	2	2106	1792
20–29	3590	1565	3208	3551	43	212	-	8	11	9	6852	5345
30–39	628	529	3410	3062	97	542	1	6	9	7	4145	4146
40–49	337	324	2575	2062	210	817	1	7	4	8	3127	3218
50–59	174	224	1433	990	256	1086	2	4	2	8	1867	2312
60 и более	144	258	1156	531	557	1918	1	1	6	19	1864	2727
Неизвестн. возраст	4	2	-	3	-	-	-	-	8	5	12	10

Отметим, что число разведенных составило: в уездах – 127 мужчин и 215 женщин (общая численность населения – 635 581 мужчина и 695 055 женщин); в городах 14 и 55 (общая численность населения 68 473 мужчины и 71 365 женщин)[1].

В целом по Европейской России коэффициент брачности снижается с 13,3 в 1861–1870 гг. до 9 – в 1891–1901 гг. и до 8 – в 1910–1913 гг. при сохранении стабильного числа рождений на каждый заключенный брак в 5,5 (в 1881–1913 гг.). Примечательно, что если в первой половине XIX в. коэффициент брачности хорошо коррелировался с ростом общей численности населения, то во второй половине с XIX в. такая зависимость исчезает. Так, в 1910–1913 гг. при высоком естественном приросте населения в 16,8 человек в расчете на тысячу населения показатель брачности составил 8[2].

В Пензенской губернии такая зависимость не прослеживается. Так, в 1872 г. число браков составило 13402, в том числе в Пензе – 297[3]. В 1875 г. наблюдается рост брачности до 14 432 в абсолютном выражении (11,8 в

[1] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи ... С. 30.
[2] Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 90.
[3] Обзор Пензенской губернии за 1872 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1873. Ведомость № 3. Движение населения в Пензенской губернии за 1872 г.

расчете на тысячу населения), в том числе в Пензе – до 310 (9,6)[1]. Далее в условиях Русско-турецкой войны брачность заметно снижается, особенно в городах: в 1877 г. было заключено 10 608 браков (8,2 в расчете на тысячу населения), в Пензе – 236 (6,7)[2]. В 1880 г. число браков составило 13 266 (9,9 в расчете на тысячу населения), в Пензе – 345 (8,4)[3]. Голод 1892 г. также послужил сдерживающим фактором. В 1893 г. число браков в губернии составило 15179 (9,5 в расчете на тысячу чел. населения), в том числе в Пензе – 492[4]. Но уже к середине 1890-х гг. появляется тенденция к росту данного показателя: в 1895 г. число браков составило 15 523 (9,59 в расчете на тысячу населения), в том числе в Пензе – 419[5], в 1900 г. – 16 122 (9,7 в расчете на тысячу населения), в Пензе – 495[6], в 1906 г. – 17053 (9,6 в расчете на тысячу человек), в том числе в г. Пензе – 657[7], в 1908 г. – 15150 (8,17 в расчете на

[1] Обзор Пензенской губернии за 1875 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1876. С. 41.

[2] Обзор Пензенской губернии за 1877 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1878. С. 18; Ведомость № 3. «Движение населения в Пензенской губернии за 1877 год».

[3] Обзор Пензенской губернии за 1880 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1881. С. 29; Ведомость № 3 «О движении населения в Пензенской губернии за 1880 год».

[4] Обзор Пензенской губернии за 1893 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1894. Ведомость № 3. О движении населения в Пензенской губернии.

[5] Обзор Пензенской губернии за 1895 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1896. С. 12–14.

[6] Обзор Пензенской губернии за 1900 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1901. Ведомость № 10. О движении населения в Пензенской губернии за 1900 год.

[7] Обзор Пензенской губернии за 1906 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1907. Ведомость № 5. О движении населения в Пензенской губернии за 1906 г.

тысячу человек)[1], в 1910 г. – 14 897 (7,8 в расчете на тысячу человек)[2], в 1913 г. – 26 444 (13,1 в расчете на тысячу человек), в том числе в Пензе – 551[3].

В 1914 г. число браков сократилось более чем в два раза и составило 11 166 (42% к числу браков 1913 г.), в том числе в Пензе – 364[4]. Это намного превышало общероссийские показатели: 83 % к числу браков в 1913 г. Падение показателя до отметки в 42 % в целом по России происходит только в 1915–1916 гг.[5]

Основной удар пришелся на российскую деревню, потерявшую до половины трудоспособного мужского населения[6]. Анализ данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи позволил С. Д. Морозову сделать вывод о том, что к 1917 г. 29,2 % всех хозяйств в Пензенской губернии осталось без мужчин[7]. В структуре рабочей силы в крестьянском хозяйстве Центральной России в 1917 г. женщины составляли 71,9 % или почти ¾ всех трудоспособных лиц[8]. В составе населения из-за нарушения нормальной половозрастной структуры происходят глубокие и необратимые изменения в отношении брачности и других показателей. Причинами нарушений выступают: повышенная смертность, и, прежде всего, массовая

---

[1] Обзор Пензенской губернии за 1908 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1909. С. 16; Ведомость № 15. О движении населения в Пензенской губернии за 1908 г.

[2] Обзор Пензенской губернии за 1910 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1911. С. 16; Ведомость № 16. О движении населения в Пензенской губернии за 1908 г.

[3] Обзор Пензенской губернии за 1913 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1914. Ведомость № 15. О движении населения в Пензенской губернии за 1913 г.

[4] Обзор Пензенской губернии за 1914 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1915. Ведомость № 15. О движении населения в Пензенской губернии за 1914 г.

[5] Ильина И. П. Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. статей / Под ред. и с предисл. А. Г. Вишневского. Москва, 1977. С. 50.

[6] Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917 г.). Москва, 1962 г. С. 188–189.

[7] Морозов С. Д. Центральная Россия в 1897–1917 гг.: проблемы социальной структуры. Москва; Пенза, 2009. С. 75.

[8] Там же. С. 75–76.

гибель молодых мужчин на полях сражений и пониженная рождаемость в военные годы. В общей сложности число нереализованных браков по 50 губерниям России за годы Первой мировой войны оценивается в 1,7 млн.[1]

Как отмечает С. Д. Морозов, за годы Первой мировой войны существенно изменился гендерный состав занятости в российской экономике. Так, в 1914 г. в обрабатывающей промышленности Центральной России было зарегистрировано 36,7 % женщин, в то время как в 1917 г. – 46,6 %, в текстильной промышленности – соответственно 55,8 % и 64,5 %, а по другим отраслям – 17,7 % и 28,7 %[2].

Таким образом, характеризуя демографические процессы в российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв., необходимо отметить объективные факторы укрепления позиции женщин как ключевого адаптационного ресурса при переходе к обществу модерна: аграрное перенаселение и реактуализацию общинного архетипа, а также массовое изъятие трудоспособного мужского населения в ходе мобилизационных компаний в периоды военных конфликтов.

1.3. Гендерная специфика эволюции публичного пространства в российской провинции

Приступая к рассмотрению провинциального измерения публичной сферы женской социальной активности, важно учесть несинонимичность понятий «публичная сфера», «общественные организации», «добровольные ассоциации». Принципиальное значение имеет отсутствие гендерного критерия в большинстве классификаций общественных объединений[3], а

[1] Ильина И. П. Указ. соч. С. 51.
[2] Морозов С. Д. Указ. соч. С. 73.
[3] Степанский А. Д. История общественных организаций дореволюционной России. Москва, 1979. С. 3; Туманова А. С. Современная западная историография гражданского общества позднеимперской России // Российская история. 2011. № 2. С. 160;

также признание необходимости более гибкого подхода к определению государственного (бюрократического) участия в создании и деятельности «добровольных ассоциаций», целью которых выступало «освобождение от деспотического правления и произвола бюрократии»[1].

Столь же значима проблема генезиса и периодизации развития практик солидаризации и оформления феминного начала в общественном движении в российской провинции. На первый взгляд, тезис об обусловленности роста социальной активности женщин общим процессом российской модернизации и реализацией либеральных реформ не вызывает сомнений. Так, по мнению И. И. Юкиной, политические и организационные условия, позволившие организационно оформиться и институализироваться первым инициативным группам, сформировались в России не ранее конца 1850-х гг. В этом отношении деятельность первых групп будет носить «наступательный» характер, что объяснялось сдерживанием, ограничением инициатив со стороны государства в предшествовавший период[2].

Женское движение в своем организационном становлении проделало путь от учреждения в 1859 г. «Общества дешевых квартир», Дома трудолюбия для образованных женщин в 1863 г., Общества взаимопомощи «женщин-врачей» в 1874 г. и т.д. В 1895 г. был утвержден Устав Русского женского взаимно-благотворительного общества, поставившего своей целью достижение равноправия мужчин и женщин. В 1899 г. представительницы этого объединения приняли участие в съезде Международного Союза женщин в защиту женского равноправия в Лондоне[3].

Доброва О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. С. 37–41.

[1] Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Sciences, Patriotism and Civil Society. Cambridge, 2009. P. 1.

[2] Юкина И. И. От дам-патронесс до женотделовок ... С. 34.

[3] Терновая Л. О. Гендерная социология: женское движение. В ответах на «женский вопрос». Москва, 2020. С. 15.

Вместе с тем следует обратить внимание на зарождение предпосылок женской эмансипации в русле общепросветительской парадигмы, и, в особенности, роста национального самосознания после Отечественной войны 1812 г. «Гроза двенадцатого года» стала макрофактором мобилизации адаптационных ресурсов и пробудила частную женскую инициативу.

Центрами формирования публичного пространства в России 1820-х – 1830-х гг. выступили кружки и салоны. Женское участие в создании неофициальных, свободных от контроля цензуры площадок для коммуникаций и обмена мнениями неоспоримо: в салонах З. А. Волконской, А. П. Елагиной, Е. А. Карамзиной, А. О. Смирновой, Е. П. Ростопчиной появилась и окрепла русская публика[1].

Патриархальная культурно-информационная среда российской провинции формировалась, главным образом, практиками религиозной жизни: центрами солидаризации и формирования идентичности выступали монастыри и храмы[2]. Сословные корпорации, плоть от плоти традиционной культуры, были представлены деятельностью дворянских и соединенных собраний. Первые же шаги в сфере частных инициатив гражданской направленности внекорпоративной основы русские женщины сделали в сфере социального призрения и попечения о больных и раненых воинах. Так, первая община сестер милосердия появилась в Петербурге в 1844 г. по почину Великой княгини Александры Николаевны и принцессы Терезии Ольденбургской. В боевых условиях женский медицинский персонал в лице сестер милосердия был впервые использован в Крымской войне (1854–1856

[1] Аронсон М. И., Рейсер С. А. (сост.). Литературные кружки и салоны. Ленинград, 1929. С. 152–289.

[2] Православные монастыри и храмы как центры формировании региональной идентичности // Власть и общество Пензенского края в XIII – XXI вв.: исторические аспекты территориальной интеграции и формирование региональной идентичности / под общ. ред. О. А. Суховой: монография. Пенза, 2024. С. 76–91.

гг.)[1]. В 1853 г. для оказания помощи раненым отправляются на фронт сестры милосердия московской Никольской обители, спустя год по инициативе Великой княгини Елены Павловны создается «Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых и больных» (названа в честь праздника Воздвижения Креста Господня; отмечался 15 сентября). Из 163 волонтерок более ста были представительницами привилегированных слоев общества (жены и вдовы дворян и чиновников)[2].

В 1867 г. Россия присоединяется к «Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», что привело к созданию национальной некоммерческой благотворительной организации – Российского общества Красного креста (РОКК), одним из направлений деятельности которого становится подготовка женского санитарного персонала для ухода за ранеными[3].

В Пензенской губернии формирование отдельных элементов публичности как сферы социально-политической коммуникации также относится к периоду 1820-х – 1840-х гг. и опосредовано становлением единого информационного пространства региона. Первыми ростками институционализации публичного становится открытие духовных и светских училищ (преобразование главного народного училища в 4-х классную гимназию, 1804 г. и Пензенской духовной семинарии по Уставу 1814 г., 1818 г.; учреждение: уездного училища в Пензе, 1807 г.; Пензенского духовного училища, 1818 г.; Тихоновского духовного училища, 1822 г.; 1-го приходского училища, 1833 г., появление первого профессионального

---

[1] Кондрашкина Л. Г. «Женский вопрос» в России и возникновение сестринского движения в 40–50-е гг. XIX в. // Женщина в гражданском обществе: Материалы VI конференции, посвященной теории и истории женского вопроса и женского движения / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. Санкт-Петербург, 2002. С. 156–158.

[2] Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / пер. с англ. И. А. Школьникова, О. В. Шныровой. Москва, 2004. С. 616.

[3] Терновая Л. О. Гендерная социология: женское движение. В ответах на «женский вопрос». Москва, 2020. С. 67.

учебного заведения (Училище садоводства, 1820 г.); основание публичной библиотеки (1837 г.); начало издания Пензенских губернских ведомостей (1838 г.); зарождение практик духовно-нравственного служения и попечительства. Так, в 1823 г. в Пензе учреждается епархиальное попечительство о бедных духовного звания, в 1826 г. – богадельня при Казанской церкви. В 1817 г. А. А. Евреинова жертвует средства на возведение церкви во имя Св. Князя Александра Невского в Спасо-Преображенском монастыре, в том же году купец А. Очкин строит церковь Всех Святых[1]. В 1845 г. открыт Александринский приют, а в 1849 г. «состоятельными» / «именитыми дамами» – амбассадорами региональной элиты – учреждается Пензенское попечительство о бедных. Ключевым фактором женской инициативы становится неурожай хлебов и эпидемия холеры, распространившаяся в регионе вслед за голодом в 1849 г. В этом году помощь была оказана 298 семьям (пособия на строительство, свадьбу, помощь с обучением и трудоустройством и т.д.)[2]. Кроме того, нуждавшиеся граждане могли рассчитывать на пособия в виде денежных сумм и «предметов продовольствия, одеяния или производства ремесла». Главная задача попечительства рассматривалась как побуждение людей к «спасительному трудолюбию»[3]. Ассоциация сложилась на базе действовавших православных приходов г. Пензы, почему отделения попечительства и получили наименования по месту оказания помощи. Так, Н. А. Разуваева приводит данные о 27 опекаемых семьях Черкасского отделения, 18 семействах – Преображенского, 40 – Казанского, 24 – Рождественского, 20 – Петропавловского, 16 – Боголюбского, 32 – Никольского, 42 – Введенского отделения[4]. Документы свидетельствуют об

[1] Краткий исторический очерк Пензенского края // Памятная книжка Пензенской губернии за 1911–1912 гг. Пенза, 1911. С. 86–89.
[2] Разуваева Н. А. Указ. соч. С. 136, 139, 201.
[3] ГАПО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
[4] Разуваева Н. А. Указ. соч. С. 138, 140.

активном участии жен жертвователей в пользу попечительства в сборе продуктов и вещей для нуждавшихся[1]. К 1840-м гг. относится начало становления женского образования в регионе (в 1846 г. открыто Пензенское училище девиц духовного звания при Троицком девичьем монастыре, в 1847 г. – училище трудолюбия для девочек)[2].

Утверждение нового типа акторов социального служения, опосредованного реализацией либеральных реформ, в Пензенской губернии приходится на к. 1860-х гг. Так, в 1867 г. был утвержден Устав первой добровольной общественной ассоциации в губернии – Общества потребителей, на средства пензенского земства создана фельдшерская школа (устав утвержден в 1870 г.), открыт частный женский пансион Е. Сегедей. В следующем 1868 г. появится земская повивальная школа (устав – в 1870 г.). 20 сентября 1869 г. состоится открытие женской гимназии[3].

Таким образом, руководствуясь критерием воздействия факторов макроуровня, можно выделить конец 1860-х гг. – 1905 г. как первый этап женской эмансипации в Пензенской губернии, время организационного становления и поиска адаптационных ресурсов к темпам и характеру российской модернизации. Следующий этап опосредован течением острейшего социально-политического кризиса, становлением парламентаризма и проявлением тенденции к демократизации общества (охватывает период 1905–1917 гг.). Основным содержанием социальной динамики становится политизация, радикализация женского движения, а также маскулинизация фемининности. Происходит окончательное размежевание двух потоков социальной активности: либеральной

[1] ГАПО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1. Л. 48. Л. 2.
[2] Краткий исторический очерк Пензенского края // Памятная книжка Пензенской губернии за 1911–1912 гг. Пенза, 1911. С. 86–89. По другим данным, училище трудолюбия действовало при попечительстве о бедных, стало быть, его создание относится к 1849 г. В 1865 г. училище трудолюбия будет присоединено к Александринскому приюту.
[3] Краткий исторический очерк Пензенского края // Памятная книжка Пензенской губернии за 1911–1912 гг. Пенза, 1911. С. 93.

(гражданской) и революционной (антигражданской, экстремистской) направленности.

Структура общественно-политических ассоциаций в российской провинции окончательно оформилась к началу XX века. Для классификации направлений гражданской активности постепенно утверждается критерий деления по сферам деятельности. Так, в делопроизводственной документации губернского по делам об обществах присутствия для «заведывания делами об открытии, регистрации. воспрещении и закрытии обществ и союзов»[1] учтены ассоциации: благотворительные, взаимопомощи, увеселительные, просветительские, кредитные, профессиональные, потребительские, пожарные, сельскохозяйственные и разные[2]. В исследовании О. В. Добровой выделяются организации в области социальной защиты, профессиональные объединения и культурно-просветительские организации[3]. При этом реализация женского вектора самоорганизации российской провинции будет максимально представлена в рамках традиционных практик социального служения (оказание помощи в сфере образования и профессиональной занятости женщин, а также попечение о раненых и больных воинах). Оценивая степень темпоральной напряженности и конфликтности социально-политической коммуникации в ходе начального этапа индустриализации в российской провинции, как потенциально высокую можно определить долю женского участия в деятельности нелегальных политических объединений антиправительственной радикальной направленности. По мнению Миронова, сословные принудительные корпорации выступали бастионами народной культуры, а добровольные ассоциации – западной культуры. Последовательная же

[1] Именной указ Правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах 4 марта 1906 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5205/ (дата обращения: 28.05.2024).
[2] ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 910.
[3] Доброва О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. С. 92–222.

либерализация закладывала предпосылки для новой, более дифференцированной социальной сегрегации, что позволяло адаптироваться к появлению культуры массовой, игнорировавшей особенности классовых, региональных или религиозных субкультур[1].

На начальном этапе формирования установка на самоорганизацию в рамках локального сообщества была реализована в русле традиционных практик социальной защиты (индивидуальные и коллективные стратегии компенсационного, адаптивного порядка). В этом отношении показательным примером является жизненная стратегия Марии Михайловны Киселевой.

Мария Михайловна была старшей из девяти детей четы Чегодаевых: князя Михаила Никитича, саратовского уездного предводителя дворянства, и Александры Петровны, дочери полковника Петра Андреевича Перхурова[2]. Родилась будущая благотворительница 9 (22) июня 1798 года, и с самого детства воспитывалась в глубоко благочестивой обстановке. В 1828 г. в Никольской церкви с. Чаадаевки (сейчас Городищенский район Пензенской области) Мария Михайловна сочеталась браком с Александром Григорьевичем Киселевым, происходившим из древнего дворянского рода.

А. Г. Киселев проходил службу в Департаменте Военного Министерства, в Департаменте Министерства Финансов, в Департаменте Министерства полиции, в Казанском почтамте. По собственному желанию он при первом призыве на защиту Отечества вступил в Казанское ополчение адъютантом к генерал-майору Булыгину. За службу в ополчении по Высочайшему повелению ему было объявлено «Высокомонаршее благоволение». По возвращении в Казань он был удостоен благодарности и бронзовой медали, установленной для благородного дворянства[3]. В 1814 г.

---

[1] Миронов Б. Н. Добровольные ассоциации… С. 172.
[2] ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 272. Л. 5 об.
[3] Шорина М. М., Сергеева С. В. Духовно-нравственные предпосылки становления благотворительной деятельности четы Киселевых в сфере отечественного просвещения в XIX в // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2007. № 3. С. 89.

казанским дворянством А. Г. Киселев был избран в почетные депутаты для встречи императора в Санкт-Петербурге Александра I, возвращавшегося из похода во Францию[1]. В 1831 г. А. Г. Киселев вместе с супругой переехал в Пензу. Александр Григорьевич был кандидатом в председатели Пензенской Палаты уголовного суда и членом Пензенской комиссии о ревизии действий Дворянского депутатского собрания.

Александр Григорьевич, будучи глубоко верующим человеком, был известен своими делами на ниве благотворительности. Так, он основал в Пензе первую в губернии публичную библиотеку[2], а также содействовал открытию Благородного пансиона, где согласно Положению от 25 августа 1836 года пензенское дворянство добровольно обязалось содержать 20 воспитанников на свой счет[3]. Особое значение имело участие Александра Григорьевича в деле основания первого в Пензе детского приюта, названного Александринским в честь умершей Александры Федоровны[4]. Мария Михайловна разделяла милосердные стремления супруга и приняла активное участие в вопросе организации работы приюта. С 29 марта 1848 по 5 февраля 1849 г. Киселева состояла помощницей попечительницы приюта, постоянно жертвовала на нужды сирот.

12 апреля 1847 года Александр Григорьевич скончался вследствие тяжелой болезни. Своих детей чете Киселевых дано не было, но они взяли в семью Веру Болговскую, племянницу Александра Григорьевича по материнской линии. В 1842 г. она вышла замуж за инженера Александра Кондратьевича Шторха[5]. Воспитанница Киселевых и ее дети продолжали семейную традицию деятельного милосердия. Так, Вера Александровна подарила дом Александринскому приюту, а ее дочь Мария во время русско-

[1] ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 1237. Л. 8.
[2] Головина А. Ф. Великая благотворительница. Москва, 2014. С. 16.
[3] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2006. Л. 233.
[4] ГАПО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.
[5] ПГВ. 1879. № 3. С. 3.

турецкой войны ухаживала за ранеными в лазарете общества Красного Креста и земской больнице[1].

Овдовев, Мария Михайловна целиком посвятила себя делам благотворительности. Биографические данные М. М. Киселевой позволяют выявить факторы, повлиявшие на становление и развитие личности благотворительницы. К внешним факторам следует отнести фактор среды: социокультурное состояние общества предреформенного и пореформенного периодов являло собой формирующуюся ткань нового общества. Дворянство явилось передовым охранительным отрядом, защищавшим внешне- и внутриполитические устои Всероссийского государства, сберегавшим и умножавшим культурные ценности, славные традиции и духовное богатство Отечества[2]. Дворянское происхождение безусловно влияло на воспитание детей; в семьях культивировались определенные ценностные установки. Так, одним из принципов дворянской идеологии было убеждение, что высокое положение дворянина в обществе обязывает его быть образцом высоких нравственных качеств[3]. Еще одним внешним фактором является семейная обстановка; и семья Чегодаевых и новосложившаяся чета Киселевых – люди глубоко верующие, ставящие милосердие и сострадание к ближнему на верхние ступени персональной пирамиды приоритетов. Ю. М. Лотман подчеркивал, что религиозность создавала нравственную традицию в семье[4]. Кроме того, супруги обладали высоким уровнем образования. Послужной список А. Г. Киселева отражает его обширный опыт в военной и государственной службе, свидетельствуя о сформированных у него личностных и профессиональных качествах. Именно эти качества во многом определили его активное участие в благотворительной деятельности.

[1] ПГВ. 1877. № 118. 6 октября. С. 5; Головина А. Ф. Указ. соч. Москва, 2014. С. 34.
[2] Гошуляк В. В., Калмакан И. К., Емельянов М. В. Российская дворянская геральдика. Пенза, 1998. С. 4.
[3] Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. Москва, 1995. С. 38–39.
[4] Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX в.). Санкт-Петербург, 1994. С. 51.

Александр Григорьевич, несомненно, оказал духовно-нравственное влияние на супругу. Однако нельзя не отметить и внутренний фактор – саморазвитие, самовоспитание и личностные характеристики самой Марии Михайловны. Она с юных лет посвятила себя заботе о бедных и нуждающихся[1]. Об искреннем, глубоко личностном чувстве сострадания ближнему свидетельствует весь жизненный путь Киселевой, не жалевшей на добрые дела ни личного имущества, ни времени.

Деятельность Киселевой охватывает широкий спектр благотворительных инициатив: строительство храмов в Пензе и на Святой Земле, пожертвования и попечение о раненых и больных воинах во время Сербско-турецкой войны и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., попечение о духовном образовании[2]. Будучи действительным членом Императорского Православного Палестинского Общества, М. М. Киселева активно способствовала реализации его основных задач, направленных на сохранение православных святынь. Значительные пожертвования благотворительницы направлялись на поддержку Русской Духовной миссии в Иерусалиме и удовлетворение потребностей русских паломников. Помимо этого, М. М. Киселева состояла членом Пензенского местного управления и Керенского комитета Российского Общества Красного Креста, регулярно внося пожертвования на обеспечение благотворительной деятельности[3].

В начале 1873 г. «*многие из пензенских дам* [курсив авт. – Н. К.], проникнутые чувством сердечной радости при известии о выздоровлении Государя Наследника Цесаревича, впоследствии Императора Александра III, положили основать в г. Пензе Общество поощрения трудолюбия, «с целью развития женского труда, вообще как средство существенного вспомоществования бедным женщинам всех сословий, и учредить женскую

[1] Головина А. Ф. Великая благотворительница. Пенза, 2003. С. 12.
[2] Там же. С. 50–52, 55–56.
[3] Отчет Пензенского местного управления и Керенского комитета Российского Общества Красного Креста за 1882 год. Пенза, 1883. С. 3.

мастерскую, а при ней женскую ремесленную школу, употребить на начало этого дела собранные ими деньги 2500 руб.»[1]. 19 марта 1873 г. был утвержден Устав, составленный по образцу аналогичного Московского общества, а 29 марта Пензенское общество было принято под покровительство Государыни Императрицы Марии Александровны[2]. 2 мая 1873 г. была открыта мастерская, ремесленная школа при Обществе приняла первых воспитанниц. Помимо содержания и устройства ремесленной школы, что составляло главный предмет деятельности ассоциации, Общество оказывало и финансовую поддержку посредством выдачи пособий бедным жителям г. Пензы и Пензенской губернии[3]. Для управления делами Общества на основании Устава был создан Комитет во главе с председательницей Лидией Арсеньевной Татищевой, супругой пензенского губернатора А. А. Татищева. Лидия Арсеньевна выступает еще одним значимым гражданским актором публичного пространства провинции. Ее широкомасштабная деятельность способствовала формированию нового образа женщины постреформенной эпохи – образа деятельного участия и социального подвижничества. Татищева состояла в Комитете до самой своей кончины в 1891 г. Главным предметом ее заботы оставалось содержание и устройство ремесленной школы[4]. По Высочайшему повелению 16 марта 1888 г., согласно ходатайству членов Общества, «во внимание к особым трудам и заслугам в пользу сего заведения председательницы комитета Лидии Арсеньевны Татищевой» стала именной – «Татищевская»[5]. Лидия Арсеньевна пожертвовала школе принадлежавший ей каменный двухэтажный дом (в 1873 г. по ул. Троицкой г. Пензы) и в 1891 г. по

---

[1] Исторический очерк Совета Императорского человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений / Сост. В. Троицкий. Санкт-Петербург, 1898. С. 422.
[2] ПГВ. 1890. № 183. С. 3.
[3] Там же. С. 424.
[4] Там же. С. 422–424.
[5] Там же. С. 425.

духовному завещанию отказала Обществу на содержание школы 20 000 рублей[1].

Необходимо отметить ярко выраженную гендерную доминанту состава администрации и педагогического коллектива школы: начальница с помощницей, законоучитель, учительница учебных предметов, учитель пения, мастерицы рукоделий. В 1898 г. Общество включало 31 члена, в том числе: 1 попечителя, 27 благотворителей и 3 сотрудника. Общими делами Общества управлял комитет, состоявший из: председательницы, кандидатки на эту должность, попечительницы Татищевской женской ремесленной школы, двух помощниц попечительницы, попечительницы мастерской при школе, двух сотрудников, врача, казначея и правителя дел с помощником[2]. Располагалась ремесленная школа в собственном доме по ул. Троицкой. Сюда принимались девочки от 10 лет и старше, а программа охватывала курс начальной школы и рукоделий (кройка и шитье белья и платья, вышивание, прачечное ремесло). Окончившие пятилетний курс воспитанницы могли устроиться в закройщицы и учительницы рукоделия, либо поступить в услужение в частные дома. В 1896 г. в школе обучалось 50 девочек, из них 8 пансионерок Городской Управы, 34 приходящих, но получавших обед в школе и 8 штатных воспитанниц, обучавшихся на средства Общества[3].

Остроту потребности в получении бесплатного профессионального образования можно оценить при рассмотрении прошений в адрес Комитета Общества поощрения трудолюбия. Так, 11 августа 1897 члены комитета обсудили три обращения о зачислении в Татищевскую ремесленную школу полными пансионерками: мещанина г. Саранска Д. В. Котельникова, имевшего на своем попечении пять человек круглых сирот; вдовы фельдшера А. А. Панковой, имевшей четырех детей, и писца Инсарской полиции И. Н. Крестогорского, в семье которого воспитывалось семь детей. Отметим,

[1] Исторический очерк Совета Императорского человеколюбивого общества... С. 425.
[2] Там же. С. 424–425.
[3] Там же. С. 425.

что ввиду уменьшения сумм на содержание школы просителям в зачислении в школу было отказано[1]. В другом случае обращение дворянки, жительствовавшей в г. Саранске, М. И. Воиновой о зачислении в школу призреваемой ею круглой сироты, дочери крестьянина Марии Ливановой комитет поддержал с условием внесения платы в размере 80 руб. в год. И хотя документы для зачисления в школу: метрическое свидетельство, свидетельство о прививке оспы и билет о смерти родителей благотворительница в распоряжение комитета предоставила, внести полностью всю сумму Воинова не смогла, что и объясняет переписку о возможности предоставления рассрочки платежа[2].

В 1892 г. в системе благотворительных учреждений Пензенской губернии было учтено 7 богаделен (три из них в губернском центре и по одной в гг.: Саранске, Краснослободске, Нижнем Ломове и Керенском уезде), ночлежный приют, ремесленная школа Швецовых, Александровский приют (в этом году содержалось 106 девочек, обучавшихся грамоте и рукоделию), Ремесленная школа Общества трудолюбия (на полном содержании здесь обучалось ремеслу 50 воспитанниц), приют для неимущих (открыт в 1891 г.) в г. Пензе, а также дома для малолетних в с. Нижний Шкафт Городищенского уезда и в г. Краснослободск[3]. В 1895 г. число богаделен в губернии возросло до 13, в том числе в губернском городе действовало четыре учреждения социальной защиты[4].

---

[1] ГАПО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–11. В 1899 г. И. Н. Крестогорский вновь обращается в Комитет с просьбой о зачислении его дочери Марии 14 лет в ремесленную школу в качестве бесплатной пансионерки. Принимая во внимание крайне бедственное положение семьи и наличие уже 10 детей, ходатайство писца было все же удовлетворено. См.: ГАПО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 11. Л. 52.

[2] ГАПО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 11. Л. 30, 39, 43–43 об.

[3] Обзор Пензенской губернии за 1892 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1899. С. 71.

[4] Обзор Пензенской губернии за 1895 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1896. С. 41. Подробнее о деятельности благотворительных обществ см. в п. 2.3. диссертационного исследования.

Новыми для провинции формами гражданской активности и главной миссией женщин в условиях российской модернизации становится мобилизация ресурсов на попечение о больных и раненых воинах, а также поддержка дела развития народного образования. В первом случае женщины выступали субъектом общественной филантропической деятельности, а во втором выстраивались субъект-объектные отношения.

Реакцией на внешнеполитические вызовы становятся крепнущие патриотические идеи, поиск новых стратегий выживания. Такие идеи в российской провинции XIX столетия охватывают все большую часть населения. Отправной точкой в деле реализации русской женщины на общественном поприще становится Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: «Первый раз за все последнее время – русская женщина, тщетно бившаяся в охватывающем ее со всех сторон омуте ничегонеделания, почувствовала под ногами что-то твердое… Вышла на тяжелый путь, но все-таки путь…»[1]. Военные события не только подсвечивают негативные аспекты общественной жизни, но и создают условия для глубокого переосмысления моральных ценностей и обращения к нравственным образцам. В такие периоды усиливается потребность в героических поступках, самоотверженности и сострадании, которые становятся важными ориентирами в жизни общества. Рост количества жертв войны привел к всплеску «общественной инициативы по оказанию благотворительной помощи во всех регионах Российской империи и среди всех сословий»[2]. Так, в своем прошении о поступлении на курсы сестер милосердия крестьянская девица с. Соболевки Чембарского уезда Пензенской губернии У. И. Семина указала: «В виду настоящей войны противу турок я при сорокалетнем

[1] Немирович-Данченко В. И. Боевая Голгофа. Санкт-Петербург, 1911. С. 41.
[2] Белова Е. Е. Сестры милосердия в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 33.

возрасте и удовлетворительном здоровье желала бы составить некоторую пользу нашего Отечества – поступить в сестры милосердия»[1].

Пензенское управление Общества попечения о больных и раненых воинах начинает свою деятельность в октябре 1876 г. Его председательницей стала Л. А. Татищева[2]. 8 марта 1877 г. Пензенское управление опубликовало полный отчет о пожертвованиях в размере от 1 до 10 рублей (поступивших с 19 октября 1876 г.) с перечислением фамилий жертвователей без разделения на мужчин и женщин: из 290 учтенных в этот списке было 58 женщин, в том числе и М. М. Киселева и Л. А. Татищева (внесшие наравне с мужчинами по 10 руб.)[3]. Членские взносы уплачивались в продолжении первых четырех месяцев каждого года для действительных членов общества единовременный взнос составлял 200 руб. или ежегодный – 10 рублей; для членов-соревнователей – 25 или 1 рубль соответственно[4].

17 мая 1894 г. последовало открытие общины сестер милосердия во имя Св. Ольги Российского общества Красного Креста, под председательством Л. С. Протасьевой (урожденной Загоскиной). Товарищами председательницы стали действительные члены ОКК А. А. Вярьвильская и княжна А. Н. Максутова[5]. Число сестер милосердия в общине увеличилось с 5 (в 1894 г.) до 14 – в 1897 г. и 23-х сестер к н. 1911 г.[6]

Следующим направлением гражданского взросления провинциального общества становится солидаризация для решения проблем в сфере

---

[1] ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 17.

[2] Тюстин А. В., Шишкин И. С. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие. Т. 2. (М–Т). Москва, 2012. С. 199.

[3] ПГВ. 1877. № 29. 8 марта. С. 4; № 30. 10 марта. С. 3.

[4] ПГВ. 1877. № 143. 3 декабря. С. 7. Подробнее о деятельности Пензенского управления Общества попечения о больных и раненых воинах см. в п. 2.2. диссертационного исследования.

[5] Краткий исторический очерк Пензенского края. С. 98; Протасьева Любовь Сергеевна // Тюстин А. В., Шишкин И. С. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие. Т. 2. (М–Т). Москва, 2012. С. 124.

[6] Отчет Пензенской общины сестер милосердия во имя Св. Ольги, состоящей под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны за 1911 год. Пенза, 1912. 33 с.

образования как логическое продолжение просветительской парадигмы, освоить которую провинция еще не успела. В эпоху эмансипации подобная активность и ее протокольное оформление отражало потребность в усвоении новых массовых и демократических технологий социального взаимодействия, социальный запрос на развитие народного образования и культурно-просветительской деятельности.

Здесь также необходимо отметить инициативы первых леди российской провинции. Так, в 1882 г. в Пензе было учреждено отделение Русского музыкального общества, пользовавшегося покровительством императорской фамилии и получившего в 1873 г. статус «Императорского». Согласно уставу, общество было создано с целью «широкого распространения музыкального образования в России и развития музыкального вкуса в широких демократических массах»[1].

На местном уровне патронаж создания музыкальных классов (музыкального училища) Пензенского отделения стал неотъемлемой частью повседневности Л. А. Татищевой в 1881 –1884 г.[2] 11 ноября 1884 г. Татищева отказалась от обязанностей председательницы или директрисы отделения, объяснив свое решение занятостью в других проектах: по должности попечительницы Пензенской женской гимназии (устройство общежития) и председательницы комитета Общества поощрения трудолюбия в Пензе (ремесленная школа и мастерская), после чего деятельность музыкального училища была практически остановлена[3]. В 1901 г. отделение получает вторую жизнь. По инициативе Екатерины Николаевны Адлерберг, супруги А. В. Адлерберга (губернатора Пензенской губернии в 1898–1903 гг.),

[1] ГАПО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[2] Л. А. Татищева была утверждена почетным членом и председательницей Пензенского отделения Русского музыкального общества 26 декабря 1881 г. См.: ГАПО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
[3] ГАПО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 3. Л. 16–16 об.

избранной председательницей дирекции отделения, 8 сентября 1901 г. в Пензе вновь открываются музыкальные классы[1].

Гендерный состав участников добровольных ассоциаций в сфере образования отражает материальное и правовое положение женщин в российской провинции и закладывает прочное основание для формирования нишевого сегмента, ориентированного на принципы сотрудничества, а не соперничества с мужчинами. Первой (по времени основания) ассоциацией в этом ряду стало Общество вспомоществования нуждающимся воспитанникам 1-й мужской гимназии, учрежденное в 1874 г. Спустя три года, 21 мая 1877 г. был утвержден Устав Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам 1-й и 2-й женских гимназий[2]. В 1885 г. начинает свою деятельность «Общество вспомоществования ученицам Пензенских женских гимназий и прогимназий», в состав которого вошло 45 человек с уплатой членских взносов для действительных членов в размере от 3 до 15 руб., а почетных – от 30 до 60 рублей[3]. В общей сложности обществу удавалось аккумулировать и направлять на благотворительные цели от 1000 до 1500 рублей ежегодно: на денежные пособия, завтраки для бедных учениц, внесение платы за общежитие[4]. Почетными членами на протяжении многих лет существования общества оставались: В. И. Горяйнова, А. А. Оболенская, Д. К. Гевлич, А. Н. Бекетов, Н. Т. Евстифеев[5].

Женский состав Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Пензенской 1-й гимназии был представлен единственным почетным членом Е. А. Веденяпиной (участвовала вместе с мужем, П. Н. Веденяпиным), а также временными – А. П. Турбиной,

[1] В то же время в составе 27 действительных членов отделения встречаем только четырех женщин. См.: ГАПО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–3, 7 об.–8.
[2] Обзор Пензенской губернии за 1906 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1907. С. 47–48.
[3] ГАПО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1а. Л. 73 об.
[4] Доброва О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. С. 112.
[5] Там же. Пенза, 2007. С. 111.

Е. Н. Гладышевой, А. Е. Михалевской (из общего числа временных членов в 52 чел.)[1].

В составе Общества вспомоществования недостаточным воспитанникам Пензенского духовного училища, открытого 8 мая 1886 г., в числе 42 почетных членов помимо уездного предводителя дворянства, ректора семинарии и пр. встречаем М. Г. Медведеву и В. П. Юрганову, вклад которых составлял по 5 рублей; из 152 действительных членов: священников, диаконов, псаломщиков – 9 лиц женского пола: М. П. Тарловскую (пожертвовавшую 3 руб.), М. В. Сабурову, помещицу (3 руб.), Е. И. Маловскую, жену священника (1 руб.), Ю. Львову, жена дьякона (1 руб.), З. Н. Максутову, княгиню (3 руб.), Е. П. Максутову, княгиню (2 руб.), Е. П. Вотницкую (3 руб.), О. В. Белозерову (2 руб.), И. А. Бажанову (1 руб.)[2].

Пик «организационной горячки» в деле вспомоществования учащимся и учащим пришелся на конец 1890-х гг. К 1906 г. только в г. Пензе действовало 14 подобных ассоциаций[3]. Одним из крупнейших и значимых добровольных объединений в губернии стало Общество имени А. С. Пушкина взаимного вспомоществования учащимся и учившим, созданное в целях материальной поддержки нуждающихся воспитанников и учителей народных училищ, состоявших в ведении Министерства народного просвещения («в удовлетворении их материальных и духовных нужд»[4]). Согласно Уставу, утвержденному министром народного просвещения Н. П. Боголеповым в 1899 г., в состав ассоциации принимались действительные, почетные члены и члены-соревнователи. При этом

[1] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5903. Л. 5–5 об.
[2] Отчет по Обществу вспомоществования недостаточным воспитанникам Пензенского духовного училища за 1886 г. См.: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5903. Л. 12.
[3] Обзор Пензенской губернии за 1906 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1907. С. 47–48.
[4] ГАПО. Ф. 16. Оп.1. Д. 8. Л. 4.

гендерное равенство членов подчеркивалось отдельно: «обоего пола»[1]. Бюджет ассоциации формировался за счет внесения ежегодных членских взносов в размере 2 рублей, а также пожертвований, устройства публичных лекций, благотворительных спектаклей, концертов, вечеров и пр. Лица, внесшие единовременно 50 руб. или пробывшие в составе общества свыше 15 лет, считались пожизненными и освобождались от уплаты ежегодных членских взносов[2].

В состав правления Общества (по уставу формировалось из председателя и шести членов, избираемых общим собранием на двухлетний срок; по истечении года, половина членов правления переизбиралась) вошли две женщины: Л. С. Протасьева и П. П. Толузакова[3] (председателем Правления общества стал П. Ф. Орелкин, статский советник, назначенный в 1898 г. инспектором народных училищ Пензенской губернии, член Пензенского губернского статистического комитета и Ученой архивной комиссии, комитета попечительства о народной трезвости[4]; членами правления – С. И. Никольский, В. Н. Ладыженский, М. Н. Ягодинский, В. И. Никольский и В. И. Просвирнин). На момент учреждения в обществе состояло 142 человека, а к началу 1900 г. число членов выросло до 300, а к 1906 г. – до 620 человек. Членами-соревнователями общества стали граф А. В. Адлерберг и его жена Е. Н. Адлерберг[5]. Активная деятельность общества и покровительство во стороны губернских властей способствовали

[1] ГАПО. Ф. 16. Оп.1. Д. 8. Л. 3.
[2] Там же.
[3] Учительница 2-го мужского приходского училища, вошедшая в состав правления дополнительно к избранным, как представитель системы народного просвещения, кандидатура которого предлагалась директором народных училищ. См.: Доброва О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. С. 114.
[4] Тюстин А. В. Орелкин Петр Федорович // Пензенская энциклопедия. В 2-х т. Пенза, 2019. Т. 2. С. 103.
[5] ГАПО. Ф. 16. Оп.1. Д. 8. Л. 3; Доброва О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. С. 114–115, 119.

привлечению масштабных пожертвований. Так, в 1906 г. по духовному завещанию Е. Ф. Шаровой, обществу перешло здание по ул. Троицкой для устройства в нем общежития[1].

Активную поддержку обществу оказывало губернское земское собрание, выделявшее «из земских сумм денежное пособие» обществу. Земская помощь была столь существенной, что общее собрание членов общества 15 февраля 1909 г. принимает решение о внесении изменений в устав (о введении в состав правления представителя от губернского земства с правом решающего голоса «в случае ассигнования им пособия обществу»)[2].

К 1909 г. состав правления стал еще более демократичным по учету гендерного равенства членства общества: председатель – В. В. Вырубов, товарищи председателя: В. Н. Ладыженский и М. Н. Дружина, И. В. Автократов, А. А. Оппель, М. Н. Бартмер, С. М. Софронов, Б. И. Цилли, В. У. Бубнов и Н. Ф. Езерский; представитель от земств – В. И. Потулов; по назначению от дирекции народных училищ – Е. И. Горовая[3].

В общем потоке солидаризации необходимо выделить паттерны социального служения, переходные от традиционных корпоративных к индивидуальным инициативным и новационным по направленности действий. Так, родительский кружок для вспомоществования учащимся в уездном г. Мокшан был создан по инициативе княгини О. Л. Друцкой-Сокольнинской и под ее председательством в 1908 г. Ее супруг А. Д. Друцкой-Сокольнинский при этом был действовавшим уездным предводителем дворянства[4].

Таким образом, рост самосознания провинциалок вплоть до начала XX века происходил вне рамок феминистского движения. В частности, в словаре

---

[1] Отчет общества имени А. С. Пушкина взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Пензенской губернии за время с 1 августа 1905 года по 1 августа 1906 года. Пенза, 1906. С. 5.
[2] ГАПО. Ф. 16. Оп.1. Д. 8. Л. 13 – 13 об.
[3] Там же. Л. 7, 12, 19.
[4] ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона наиболее значительными объединениями женского движения были названы «Русское женское взаимно-благотворительное общество», «Общество сохранения здоровья женщин», «Российское общество защиты женщин» и «Общество попечения о молодых девицах» в Санкт-Петербурге.

В частности, в «Русском женском взаимно-благотворительном обществе», являвшимся еще и клубом, куда допускались исключительно женщины, насчитывалось 835 членов, действовали: общежития, очаги для детей, библиотека, литературно-музыкальный кружок, бюро трудоустройства, касса взаимопомощи[1].

Солидаризация женщин в профессиональной сфере прошла в своем развитии ряд этапов: «К женщинам-врачам, женщинам-дантисткам и женщинам-фельдшерицам присоединились за последнее время женщины-фармацевты», а также женщины, служившие в почтово-телеграфном ведомстве, на железных дорогах (на 1 января 1900 г. 24601 человек или 9,5 % всего числа железнодорожных служащих в России)[2].

В общем потоке женского движения нельзя игнорировать правительственные инициативы по улучшению «материальных и нравственных условий жизни женщин». Так, 13 января 1900 г. Министерство внутренних дел утвердило Положение о Российском обществе защиты женщин, созданного при поддержке правящей династии (председательствующая – Ее Императорское высочество – принцесса Е. М. Ольденбургская). Целью организации выступало устройство приютов Св. Магдалины и других учреждений, содействующих «предохранению девушек и женщин от опасности быть вовлеченными в промысел разврата и возвращению уже падших женщин к честной жизни»[3]. Сохранившаяся

[1] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XLa. Санкт-Петербург, 1904. С. 708.
[2] Там же. С. 707.
[3] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7246. Л. 1.

переписка между Департаментом полиции и канцелярией пензенского губернатора по поводу сбора сведений о местных учреждениях «того же характера» (циркуляр, рапорты и донесения; март – май 1900 г.) позволяет оценить значимость этого направления социальной политики и позицию местных властей в деле защиты физического и нравственного здоровья женщин. Так, пензенский полицмейстер обратил внимание на образование задолженности проституток содержательницам домов терпимости и отсутствие возможностей «честной» трудовой деятельности как факторы, препятствовавшие исправлению «падших» женщин. Деятельность Общества он оценил как весьма благотворную, особенно в деле создания в г. Пензе Рабочего дома для трудоустройства женщин, желавших «оставить развратную жизнь»[1]. Аналогичным было и мнение уездных исправников: «упомянутых обществ в уезде не имеется, но они желательны»[2]. В конце мая, отвечая на циркуляр Министерство внутренних дел, пензенский губернатор А. В. Адлерберг констатировал, что в пределах губернии подобные учреждения отсутствуют, но целесообразным было бы открытие в г. Пензе и Пензенской губернии рабочих домов с целью предоставления возможности возвращения «к честном образу жизни»[3].

Тем самым, губернская администрации засвидетельствовала полнейшее отсутствие ассоциаций, близких к феминистстким даже лояльной монархистской ориентации. Следует учитывать и объективно низкую долю «организованных» женщин по отношению ко всей численности женского населения и преимущественное представительство высших сословий и образованной публики – провинциальной интеллигенции. Но то же можно сказать и в отношении участия мужчин в разного рода общественных объединениях. Как отмечает Л. Хэфнер, даже в крупных урбанизированных центрах, например, в Казани с населением в 190 тыс. человек, в начале XX в.

[1] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7246. Л. 2–2 об.
[2] Там же. Л. 3.
[3] Там же. Л. 4

в составе клубов и обществ было учтено менее 5 % совершеннолетнего мужского населения города[1].

Единственным в губернии объединением в сфере профессиональной социализации беднейшего населения оставалось Общество поощрения трудолюбия ведомства Императорского Человеколюбивого общества (состоявшее под покровительством Марии Федоровны). В 1903 г. число членов Общества составляло 49 человек, в том числе: 1 почетный (протоиерей о. Иоанн Ильич Сергеев (Кронштадтский), 40 благотворителей и 8 сотрудников. Председателем комитета была избрана супруга губернатора А. И. Хвостова, попечительницами женской ремесленной школы оставались: Е. С. Солнышкина, Е. Н. Геннинг и М. И. Цветова, начальницей школы была Н.М. Железнова, но в целом, по гендерному составу общество нельзя назвать исключительно женским (27 членов или 55 % были лицами мужского пола)[2]. Цель занятий в Татищевской школе определялась тем, чтобы по окончании установленного пятилетнего курса «воспитанницы вынесли твердо усвоенное знание пройденного ими обучения и могли бы зарабатывать своими трудами средства к существованию». Здесь готовили швей, закройщиц, учительниц рукоделия, белошвеек и вышивальщиц. В 1903 г. численность воспитанниц школы составила 73 человека. При школе был разбит небольшой огород, обрабатываемый руками воспитанниц, действовали кулинарные курсы[3].

Первые признаки политизации женского движения в российской провинции относятся к 1890-м гг. Марксистские кружки с участием рабочих и учащейся молодежи стали действовать в Пензе с конца 1894 г. Так, социал-демократический кружок работал в мастерских Сызрано-Вяземской железной дороги. В числе наиболее активных участников названы

---

[1] Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (на материалах Казани: 1860–1914 гг.) // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 467, 494.
[2] ГАПО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2 об.
[3] Там же. Л. 2. Подробнее см. в п. 2.1.

Н. Р. Добронравов, Н. А. Нарадецкий, М. М. Корнильев, О. Тепловский, П. П. Крафт. Организация была разгромлена полицией в 1898 г., к этому времени в ее составе насчитывалось 44 члена. В этот же период в губернии действовал социал-демократический кружок «с целью подготовки молодежи к революционной деятельности». Его активными участниками были Л. Коршунова, К. Безруков, Ф. Бобылев, П. Народецкий, Л. Грушецкая, Е. Смирнова, Н. Добронравова. Они проводили «социалистическую пропаганду в селах Терновка, Аргамаковка, Рамзай, издавали рукописный журнал «Альманах»[1]. Отметим заметную доминанту фемининности в проявлениях антиправительственной оппозиционной активности. На активное участие женщин в революционном движении в России в свое время обратила внимание Бьянка Петров-Эннкер. Так, в народническом кружке Чайковского женщины составляли до 25 %. Боевые террористические организации партии эсеров в своем составе имели до 30% женщин, социал-демократов – 14–15%[2].

В 1890-е гг. Департамент полиции обнаружил «гимназисток» в составе «преступных сообществ среди рабочего класса» в Пензе[3]. Стало быть, для российской провинции главным очагом распространения радикальных идей стала учащаяся молодежь, особенно воспитанники специальных учебных заведений. В Пензенской губернии рост оппозиционной активности был отмечен в Духовной семинарии, Художественном училище[4] и Епархиальном женском училище. К концу XIX в. относится и появление первых ученических союзов. Так, в 1899 г. кружки самообразования, действовавшие в ряде учебных заведений г. Пензы (в духовной семинарии, в первой и

[1] Касимов А. С. Революция 1905 – 1907 гг. в Пензенской губернии // Пензенский край в истории и культуре России / Под общ. ред. О. А. Суховой. Пенза, 2014. С. 239.
[2] Петров-Эннкер Б. Женщины наступают: об истоках женской эмансипации в России // Отечественная история. 1993. № 5. С. 179.
[3] Малышева Н. В. Общественно-политическое движение учащейся молодежи провинциальной России в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998. С. 105.
[4] Там же. С. 118.

второй мужских, женской гимназий, фельдшерской школы, землемерного, реального и художественного училищ), интегрировались в «Союз объединившихся кружков». Целью ассоциации было определено саморазвитие и содействие просвещению народных масс. Отметим при этом, что движение учащейся молодежи основывалось на принципе гендерного равноправия / толерантности. В числе наиболее активных «кружковцев» встречаем: В. Карпинского, А. Добромыслова и М. Галахову (ученица фельдшерской школы) как организаторов «Кассы помощи революционному движению» – организационного центра «Союза объединившихся кружков» для ведения устной пропаганды и распространения нелегальной литературы[1].

В 1902 г., в связи с ростом протестных настроений студенческой молодежи и началом прокламационного периода в деятельности одной из наиболее радикальных политических организаций в российской истории – партии социалистов-революционеров – оппозиционная активность женщин оказалась в центре внимания местной администрации. Первые случаи массового распространения нелегальной печатной и рукописной продукции были зафиксированы в регионе зимой 1902 г., что подтверждается появлением систематической отчетности полицейских структур о распространении прокламаций и иных форм запрещенной литературы[2].

Вместе с тем очевидна определенная административная «пристрастность» по отношению к женщинам под влиянием уже сложившегося стереотипа «женщины-революционерки». Так, по данным губернской канцелярии, в 1902 г. в с. Лунино Мокшанского уезда заведующая второклассной женской церковно-приходской школой М. Ф. Диалектова и «проживавший у нее родной брат, уволенный за беспорядки бывший студент Юрьевского университета И. Ф. Диалектов»

[1] Малышева Н. В. Указ. соч. С. 126–127.
[2] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7419. Л. 34 об. См. также: Сухова О. А. «Общинная революция в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007. С. 79.

организовали кружок, в составе которого встречаем: помощницу заведующей Л. И. Гомерову, помощника начальника станции «Лунино» И. Ф. Кривцова, учителя Михайловской второклассной церковно-приходской школы А. М. Целебревского, учителя Нижне-Шкафтинской школы Ситникова и его сестру, бывшего воспитанника одной из пензенских гимназий В. Лялина. Вышеупомянутые лица якобы оказались причастны к распространению среди местного населения «изданий преступного содержания»[1]. В ходе последовавшего разбирательства Диалектова лишилась своей должности, хотя со слов свидетелей, ее преступные деяния состояли в организации в школе литературных вечеров со световыми картинами (на одном из которых она выступила в защиту Л. Н. Толстого, отлученного от Церкви) и в хранении произведения Н. Г. Чернышевского «Что делать?»[2].

В период Первой русской революции образ учительницы-революционерки-террористки закрепляется в массовом сознании на уровне мифа. Так, пензенский губернатор И. Ф. Кошко напишет в своих воспоминаниях: «В самый разгар у нас террора, когда каких-нибудь 3–4 головореза, объявивших себя социал-революционерами, считали возможным выносить и приводить в исполнение смертные приговоры, в г. Нижнем Ломове собралась тайная сходка таких революционеров и постановила меня убить. Для совершения убийства была назначена одна из земских учительниц, входивших в этот кружок, и она должна была явиться ко мне на прием просить, якобы, отдельный от мужа вид на жительство и в это время совершить убийство»[3]. Отметим при этом, что основанием для обращения к губернатору здесь в соответствии с мифом служит получение учительницей отдельного вида на жительство, а это являлось одним из требований женского движения в начале XX в.

---

[1] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7456. Л. 8–8 об.
[2] Там же. Л. 3 – 3 об., 7.
[3] Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора. (1905–1914 г.). Новгород – Самара – Пенза. Петроград, 1916. С. 146.

11 февраля 1905 г. пензенская полиция арестовала трех воспитанниц 2-й женской гимназии, принимавших участие в сходке учащейся молодежи на квартире Колобова на Покровской улице: Ревекку Эдуардовну Зейман, Антонину Кузминичну Медведеву и Наталью Андреевну Колобову. Донесение о политической неблагонадежности гимназисток было направлено в педагогический совет учебного заведения на следующий же день[1].

В октябре радикализация протестных настроений в ученической среде достигает своего апогея и выливается в забастовки учащихся. Явлением контркультурного порядка становятся волнения в духовных учебных заведениях, призванных утверждать и оберегать традиционные духовно-нравственные ценности. Так, 6 октября 1905 г. о прекращении занятий заявили учащиеся Духовной семинарии, 9-го – к ним присоединились воспитанницы пятого, шестого и седьмого классов епархиального женского училища. Епархиалки потребовали у начальства расширения программы, права поступления в высшие учебные заведения и свободного посещения увеселительных мест[2]. За участие в забастовке по решению епископа Тихона (Никанорова) было отчислено 139 учениц, обучавшихся в старших классах[3].

Воспитанницы женских учебных заведений приняли участие в массовой демонстрации, состоявшейся в Пензе в поддержку Высочайшего Манифеста 17-го октября 1905 г. Как отмечал в своем отчете пензенский губернатор, «18-го октября группа неблагонадежных лиц, подчинивших своему влиянию местную учащуюся молодежь и рабочих, собрав в г. Пензе тысячную толпу и прибыв с криками и пением «Марсельезы» к зданию театра, ворвалась в него и прекратила спектакль, а затем, на устроенном там

---

[1] Революционная борьба трудящихся Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Сб. документов. Пенза, 1955. С. 66.

[2] См.: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7585. Л. 7; Д. 7586. Л. 1. Отметим, что курс обучения в епархиальных училищах составлял 6 лет (в 7-м классе осуществлялась подготовка к званию домашней учительницы), что затрудняло поступление в высшие учебные заведения.

[3] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7586. Л. 1–3.

митинге, разные лица, придерживающиеся крайних воззрений, произносили зажигательные речи, направленные против правительства и существующего строя, а также производили сбор денег на оружие, для противодействия войскам и полиции»[1]. В годовщину событий в корреспонденции «Перестроя» сообщалось: «на другой день после манифеста была манифестация учащихся, ее разогнали, несколько десятков детей избили прикладами, ходили слухи о смертельных случаях»[2]. Возраст большинства потерпевших составлял 10–14 лет[3].

В 1907 г. «Пензенский союз учащихся» возобновил свою деятельность в целях саморазвития и обсуждения проблем общественно-политического строя на нелегальной основе. Спустя два года все руководство «Пензенского союза учащихся» было арестовано и осуждено к высылке на поселение в Сибирь. В числе ссыльных встречаем выпускницу женской гимназии Н. Сафонову[4]. Тем самым, женская протестная активность в провинции была представлена в русле общедемократического и революционного движений молодежи без ярко выраженной гендерной специфики. Основными требованиями молодежных объединений выступили: унификация программ частных и государственных учебных заведений; открытие доступа в университеты для выпускников специальных учебных заведений, в том числе духовных и учительских семинарий.

По обвинению в политической неблагонадежности и принадлежности к местной группе партии социалистов-революционеров, в конце декабря 1905 г. принято решение о высылке из г. Пензы в административном порядке девяти участников антиправительственной деятельности: бывших студентов: В. Д. Добромыслова, Н. И. Метальникова, А. К. Гарфа, бывших семинаристов: А. А. Архангельского, И. В. Пятнова, В. В. Бадулина, бывших

[1] РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 49. ЛЛ. 403–404.
[2] Перестрой. 1906. 17 октября. № 210.
[3] Малышева Н. В. Указ. соч. С. 180.
[4] Там же. С. 142.

сельских учительниц: Анны Константиновны Фадеевой (из мещан, 23 года), Антонины Васильевны Пятновой (дочь умершего псаломщика, 20 лет), Софьи Ивановны Разумовской (19 лет)[1].

Таким образом, реконструкция образа женщины-революционерки на материалах российской провинции дает следующие характеристики: русская, возраст – 19–23 года; православного вероисповедания; социальное происхождение: крестьянка, мещанка, из духовенства, дворянка; уровень образования – среднее, получение права на преподавание (учительницы). Словом, как правило, это – образованные горожанки, выходцы из семей с незначительными доходами (но вместе с тем достаточными для оплаты обучения в гимназиях), столкнувшиеся с блокировкой возможностей для личностного роста и профессиональной самореализации[2]. Помимо прочего, фактором возникновения русского революционного движения следует рассматривать аберрацию религиозности. Как отмечает О. А. Сухова, в силу укорененности и устойчивости религиозных ментальных структур происходит замещение прежнего идеала квазирелигиозными социально-политическими представлениями. Новой аскезой становится принесение жертвы во имя народа[3].

Так, 22 ноября 1905 г. Нижне-Ломовский уездный исправник сообщил в Пензенское ГЖУ, что в октябре 1905 г. сельская учительница в с. Старая Толковка Нижне-Ломовского уезда девица из мещан Валентина Алексеева Ермолаева с 30 минувшего октября в народном училище «почти ежедневно собирала на сходки местных крестьян и уговаривала последних немедленно

---

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 203. Д. 7084. ЛЛ. 1–3.

[2] М. В. Петайкина к активному спектру протестного движения относит сельскую интеллигенцию, и напротив, самой пассивной частью женской массы называет крестьянок, стремившихся лишь к достижению экономического благополучия. См.: Петайкина М. В. Становление женских социальных и политических движений в Саратовской, Самарской и Симбирской губерниях в начале XX века: 1900–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2009. С. 12–13.

[3] Сухова О. А. Революционный терроризм в России конца XIX – начала XX века: историография, методология, факты // Исторический вестник. 2012. Т. 2 (149). С. 142.

приступить к выборам в Государственную Думу, не ожидая распоряжения Правительства, затем советовала не слушаться ни в чем начальства, которое, по ее словам, должно быть выбрано народом, убеждала их защищать всеми силами лиц, пострадавших за политические преступления, и самовольно отбирать у владельцев их землю и поделить ее между собой»[1]. Ермолаева была арестована. И, хотя при обыске в доме учительницы была обнаружена запрещенная литература, за недостаточностью улик ее позже оправдали[2].

Приговором Саратовской Судебной Палаты, состоявшегося 9 ноября 1907 г., девицы: крестьянка с. Старое Акшино Инсарского уезда Анастасия Петрова Калинкина 23 лет и мещанка г. Пензы Анастасия Иванова Которова, 20 лет были признаны виновными в хранении с целью распространения «сочинений преступного содержания» и осуждены на 3 и 4 месяца заключения. В ходе операции по ликвидации местной группы социалистов-революционеров и социал-демократов было арестовано 14 человек. Обыски прошли в губернском центре. На квартирах Калинкиной и Которовой были обнаружены газеты («Искра», «Рабочий»), печатные прокламации («Солдатская памятка»), печатные, литографированные и гектографированные брошюры («К деревенской бедноте», «Русским солдатам от рабочих революционеров», «Проект программы партии социалистов-революционеров», «Социальная революция») и др.[3]

В книжном складе Пензенского губернского земства (на ул. Троицкой в Пензе) у заведующей складом мещанки Марии Александровны Аншелес, урожденной Зининой, было найдено 50 экземпляров брошюр «преступного

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 202 (7-е делопроизводство 1905 г.). Д. 6606. Ч. 1. Л. 1–6.
[2] В ходе проведенного дознания было установлено: В. Ермолаева, православная, дочь сельского учителя из мещан г. Пензы, в 1901 г. окончила 1-ю женскую гимназию. См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 202 (7-е делопроизводство 1905 г.). Д. 6606. Ч. 1. Л. 1.
[3] Там же. Д. 7081. Л. 3–9 об.

содержания» «О налогах», отпечатанных в Петербурге партией социалистов-революционеров» с датой на обложке «1906 год»[1].

9 января 1906 г. в ходе обыска на квартире по ул. Пешей г. Пензы, где проживали Василий и Михаил Сергеевичи Капелько, дворяне, 30 лет и их сестра Нина Сергеевна Капелько, дворянка, 22-х лет, был обнаружен гектограф и до 90 свеженапечатанных экземпляров воззваний РСДРП. Листовки планировалось распространить по городу в память о событиях 9 января 1905 г. «по случаю ожидаемых беспорядков». Впоследствии Н. С. Капелько по суду была оправдана, один из ее братьев, Михаил осужден на заключение в крепость на один месяц[2].

В начале 1910 г. Пензенским губернским жандармским управлением были получены сведения о проведении в школе с. Лебедевки Пензенского уезда «противоправительственных» собраний под руководством крестьян этого же села С. В. Арзенева и Е. И. Безяева и при «горячем участии» учительницы Н. А. Тассовой, 1882 г. рождения (принадлежавшей к социал-демократической рабочей партии). Начальник управления, полковник Мезенцев потребовал воспрещения для Тассовой жительства в пределах Пензенской губернии[3].

Возникновение движения «равноправок» в Пензе относится к 1905 г., ко времени организационного оформления Всероссийского союза равноправия (равноправности) женщин. Учредительное собрание союза было созвано 7–10 мая 1905 г. в Москве. На нем был утвержден Устав и выработана платформа съезда. От членов требовалось признание платформы и устава союза и внесение 1 рубля в год в кассу общества. Каждое отделение союза «пользовалось полной автономией в выборе деятельности, внутренней организации и в выборе партийной программы, если это не противоречило

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 202 (7-е делопроизводство 1905 г.). Д. 7081. Л. 9 об.
[2] Там же. Оп. 203. Д. 330. ЛЛ. 1–7.
[3] Там же. Оп. 207 (1910 год). Д. 1235. ЛЛ. 1–9.

принятой союзом платформы»[1]. К этому времени в 28 городах империи действовали группы, направившие своих делегатов на съезд.

2-й съезд делегатов Всероссийского союза равноправия женщин состоялся 8–12 октября 1905 г. в Москве в дни Всероссийской политической стачки. На съезде были представлены местные отделения городов: Бугульма, Вильно, Екатеринослав, Калуга, Одесса, Пенза, Петербург (два отделения), Рязань, Саратов, Смоленск, Тверь, Москва (семь отделений), Ярославль, Новгород, Псков, Ставрополь, Таганрог, Тула, Полтава (два отделения), Самара, Симферополь, Курск, Харьков, Киев, Кишинев. К этому моменту в России было создано 54 отделения, делегации 44-х из них приняли участие в съезде. Необходимо отметить радикальную позицию Пензенского отделения, поддержавшего требование бойкота Государственной Думы[2]. К весне 1906 г. в организации насчитывалось 78 отделений, объединивших 8 тысяч женщин[3]. В региональных отделениях в среднем насчитывалось до 70 членов[4]. Самые крупные в Москве (ок. 600 человек), в Санкт-Петербурге – 300 человек[5].

В отчете Пензенского отделения было сказано о разработке устава для местного отделения, о решении отзываться «на все выдающиеся события политической жизни каким-нибудь актом», о проведении сбора пожертвований в пользу забастовщиков на Путиловском заводе и местных предприятиях, а также сбора в пользу погорельцев. Сторонники Союза организовали кружок для изучения экономических и политических вопросов современной жизни, составлена библиотека по общественным вопросам, устроена лекция, «часть средств сбора с которой была передана «на

[1] ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 5. Л. 140–140-об.
[2] ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 5.
[3] Там же. Л. 116; История развития женского движения в России. Приложение к журналу «Союз женщин России». Краткий справочник. Москва, 2021. С. 20–21.
[4] ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 5. Л. 116
[5] Там же. Л. 140.

поддержку революционным партиям»[1]. Кроме того, был организован союз прислуги[2].

В конце 1908 г. под влиянием ряда причин Союз равноправия женщин распался[3]. Поволжские отделения Союза прекратили свою деятельность вместе с окончанием первой русской революции. Возродилось феминистское движение только в 1917 г.[4]

Новый этап в деятельности добровольных ассоциаций начинается в 1906 г. с появлением именного указа Правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах 4 марта 1906 г. В системе местного управления появилось новое ведомство – губернское по делам об обществах присутствие для «заведывания делами об открытии, регистрации, воспрещении и закрытии обществ и союзов»[5].

Под обществом понималось «соединение нескольких лиц с одной общей целью и выражающееся в повторных собраниях для обмена мыслей, в общей деятельности и в других внешних проявлениях единения»[6]. Общественные и частные благотворительные заведения было разрешено учреждать посредством пожертвований, при наличии необходимых на его содержание средств (ст. 442). Право утверждения уставов предоставлялось начальнику Главного управления по делам местного хозяйства (с представлением в Совет министров) (ст. 443). Устанавливались нормы

---

[1] ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 5. Л. 140.
[2] Там же. Л. 111.
[3] Юкина И. И. От дам-патронесс до женотделовок ... С. 468.
[4] Петайкина М. В. Становление женских социальных и политических движений в Саратовской, Самарской и Симбирской губерниях в начале XX века: 1900–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2009. С. 12.
[5] Именной указ Правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах 4 марта 1906 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5205/ (дата обращения: 28.05.2024).
[6] Временные правила об обществах и союзах // Роговин Л. М. Законы об обществах, союзах и собраниях: с разъяснениями Правительственного Сената и Министерства внутренних дел и Алфавитным предметным указателем. Санкт-Петербург, 1912. С. 3.

регулярной отчетности губернатора о состоянии благотворительных обществ (ст. 445)[1].

Принципиальное значение имело снятие ограничений для участия женщин в «обществах, преследующих политические цели»[2]. В то же время в разъяснениях к правилам указывалось, что «несовершеннолетние, а также учащиеся в низших и средних учебных заведениях» ни к образованию, ни к участию в обществах не допускаются. Студенты высших учебных заведений могли создавать и участвовать на определенных основаниях (утверждение устава советом университета; публичные собрания могли быть только учебного характера, частные собрания только для учащихся данного учебного заведения могли проводиться с разрешения администрации вуза)[3]. Кроме того, правила вводили уголовную ответственность за участие в объединении, созданном в целях «изменения образа правления или порядка наследия Престола или отторжения от России какой-либо части», в виде каторги сроком до 8 лет; а в сообществе, преследовавшем цель посягательства «на жизнь, здравие, свободу или вообще на неприкосновенность Священной Особы Царствующего Императора, Императрицы или наследника престола, или на низвержение Царствующего Императора с престола, или на лишение его власти верховной», – каторги без срока; за нарушение законодательства предусматривался арест на срок не свыше трех месяцев или штраф не свыше 300 рублей[4].

Участие провинциалок в революции 1905–1907 гг. послужило хорошей школой адаптации к современным формам гражданской активности и фактором тиражирования соответствующих практик. Наглядно это можно проследить на примере деятельности Общества взаимопомощи Нижнеломовского земства, открытого 5 февраля 1907 г. Членство в обществе

[1] Временные правила об обществах и союзах. С. 36–37.
[2] Там же. С. 10.
[3] Там же. С. 46–47.
[4] Там же. С. 64–65.

могли получить земские служащие, уплатившие взносы в 1 рубль. Общество оказывало материальную поддержку в виде ссуд и пособий, устройства дешевых квартир и пр., обеспечивало медицинскую и юридическую помощь, занималось устройством семейных вечеров, чтений и бесед[1]. В 1909 г. в Обществе состояло 113 человек, в том числе, 66 мужчин и 47 женщин[2]. Как можно заметить, доля женского участия была весьма ощутимой (41,6 %). По роду профессиональных занятий женский состав общества был представлен 2 служащими канцелярии управы, 39 учительницами, 5 фельдшерицами-акушерками и 1 акушеркой[3]. Расходы Общества заключались в выдаче пособий безработным и родителям на обучение детей[4].

К концу 1910 г. губернским присутствием было зарегистрировано 34 устава обществ на основании закона 4 марта 1906 г. Общее представление о публичном пространстве российской провинции позволяет получить таблица 4.

Таблица 4

Сведения об обществах, зарегистрированных Пензенским губернским по делам об обществах и союзах присутствием на основании закона 4 марта 1906 г.[5]

№ п/п	Название общества	Дата регистрации присутствием
1	Рузаевское вольное пожарное общество (Инсарский уезд)	28 сентября 1906 г.
2	Пензенское городское пожарное общество	18 ноября 1906 г.
3	Общество им. А. С. Пушкина взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Пензенской губернии	18 ноября 1906 г.
4	Общество им. М. Ю. Лермонтова в Пензе	16 декабря 1906 г.
5	Родительское общество вспомоществования	5 февраля 1907 г.

[1] ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 12.
[2] Там же. Д. 75. Л. 2; Доброва О.В. Указ. соч. С. 160.
[3] ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 75. Л. 2.
[4] Там же. Л. 2 об.
[5] Там же. Д. 89. Л. 12–12 об., 176–176 об.; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 67. Д. 35. Ч. 2а. Л. 22, 213, 303.

	нуждающимся ученицам 1-й частной гимназии в г. Пензе Е. А. Сердобольской	
6	Родительское попечительное общество при Пензенской 1-й женской гимназии	20 марта 1907 г.
7	Родительское общество взаимопомощи в деле воспитания и обучения детей при Пензенском реальном училище	7 апреля 1907 г.
8	Родительское попечительное общество при Пензенской 1-й мужской гимназии	5 мая 1907 г.
9	Общество Керенского родительского кружка	5 июня 1907 г.
10	Общества взаимной помощи лиц, проживающих в г. Пензе и принадлежащих к профессии официантов, и другой трактирной прислуги	2 октября 1907 г.
11	Общество Пензенского музыкально-драматического кружка	17 ноября 1907 г.
12	Пензенское Свято-Владимирское общество детского сада	16 февраля 1908 г.
13	Общество вспомоществования учащимся в пензенских городских приходских и начальных училищах	16 февраля 1908 г.
14	Мокшанский родительский кружок	26 апреля 1908 г.
15	Ссудо-сберегательная касса служащих в земских учреждениях г. Пензы и его уезда	8 июля 1908 г.
16	Общество музыкально-драматического собрания в г. Керенске	8 июля 1908 г.
17	Лунино-Трубетчинская пожарная дружина	28 октября 1908 г.
18	Родительское попечительное общество при Пензенской 2-й мужской гимназии	28 октября 1908 г.
19	Общество взаимопомощи врачебного, ветеринарного и фармацевтического персонала Пензенской губернии	28 октября 1908 г.
20	Оброчинское общество сельского хозяйства (Краснослободский уезд)	14 марта 1909 г.
21	Полибинское сельскохозяйственное общество (Чембарский уезд)	24 апреля 1909 г.
22	Родительское попечительное общество при Пензенской 2-й женской гимназии	2 июня 1909 г.
23	Пензенское общество засурских дачников	22 августа 1909 г.
24	Общества вспомоществования нуждающимся ученицам женских учебных заведений г. Инсара прогимназии и начальных училищ	20 ноября 1909 г.
25	Пензенское педагогическое собрание	12 января 1910 г.
26	Общество покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения г. Пензы	12 февраля 1910 г.
27	Пензенское общество содействия внешкольному образованию	6 апреля 1910 г.
28	Рамзайское общество трезвости (Пензенский уезд)	21 мая 1910 г.
29	Саранское медицинское общество	18 ноября 1910 г.
30	Нижнеломовский музыкально-драматический кружок	27 мая 1911 г.
31	Каменское Соединенное Собрание	27 мая 1911 г.

32	Кружок любителей драматического искусства в с Н. Пестровке, Городищенского уезда	27 мая 1911 г.
33	Общество Наровчатского родительского Кружка	9 июля 1911 г.
34	Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Краснослободской женской гимназии	14 декабря 1912 г.
	Профессиональные общества	
35	Общество винокуренных заводчиков Саранского уезда	28 августа 1906 г.
36	Пензенское вспомогательное общество торгово-промышленных служащих	28 августа 1906 г.
37	Общество взаимопомощи служащих Нижнеломовского земства в г. Нижнем Ломове	5 февраля 1907 г.
38	Пензенское профессиональное общество рабочих писчебумажной фабрики П.В. Сергеева	5 июня 1907 г.
39	Профессионального общества работников печатного дела	5 июня 1907 г.
40	Пензенское фельдшерско-акушерское общество	3 сентября 1912 г.

Данные таблицы свидетельствуют о расширении границ публичного пространства и вовлечении интеллектуальных сил уездных центров и даже отдельных сел; о появлении новых паттернов солидаризации (профессиональные общества). Так, в 1910 г. губернское по делам об обществах и союзах присутствие зарегистрировало устав «Пензенского фельдшерско-акушерского общества», изначально ориентированного на широкое представительство женщин[1].

Вместе с тем продолжали активную деятельность и ассоциации первой либеральной волны. Так, согласно отчету о деятельности Общества поощрения трудолюбия в г. Пензе, состоявшего под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны в ведомстве Императорского Человеколюбивого Общества, и находящихся в ведении Общества Татищевской женской ремесленной школы и отделения по раздаче работ бедным труженицам, численность объединения в 1909 г. составила 53 человека. Управлял делами Общества комитет, состоявший из: супруги губернатора М. С. Кошко, кандидатки в председательницы Н. А. Загоскиной, а затем С. Н. Тарсенко-Огрешковой; попечительниц: Е. С. Солнышкиной

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 67. Д. 35. Ч. 2б. Л. 133.

(попечительница мастерской), В. С. Якушовой (попечительница школы), Н. А. Ивановой (попечительница отделения по раздаче работ бедным труженицами); помощниц попечительниц: Н. М. Ходаковой, А. А. Фоминых и К. А. Ратцлер; членов-сотрудников: врачей И. И. Федорова и Н. Г. Соседова, архитектора В. И. Семечкина, Н. К. Юрганова, Н. С. Власкова, Ю. Б. Штюрмера, А. В. Циклинского, А. К. Берга, В. М. Терехина, А. Л. Лапиной, П. И. Цветаева. Казначеем Общества был Е. А. Эпиктетов, правителем дел П. А. Фоминых. Общество располагало каменным домом и неприкосновенным капиталом в 40500 руб., в том числе 20500 руб., переданных дочерью тайного советника Инсарского по завещанию ее отца и 20000 руб., завещанных покойной супругой тайного советника Лидией Арсеньевной Татищевой[1].

В числе почетных членов Общества, помимо М. С. Кошко, встречаем: жен прежних пензенских губернаторов: А. И. Хвостову, Н. Г. Александровскую. Действительными членами были пензенский губернатор И. Ф. Кошко, Е. Ф. Рудзевич, Ф. Н. Никулин, М. Н. Сазонова, М. Н. Щеткина, А. А. Вярьвильская, М. В. Лапина. В целом в Общество входило на разных условиях (члены-сотрудники, действительные члены, члены-благотворители, члены-соревнователи) 26 мужчин и 27 женщин[2].

В отчетном году здесь воспитывалось 70 девочек (средняя численность воспитанниц составляла 60 человек). Школа содержалась на проценты с завещанных капиталов (в совокупности до 1591 руб. 30 коп.), членские взносы (85 руб.), пожертвования, выручаемые от работ деньги, уплату за пансионерок от Городской Думы и частных лиц и на деньги, выручаемые от лотерей. Воспитанницы поступали в школу со свидетельствами об окончании приходских училищ и нигде не обучавшиеся. По сословиям учащиеся распределялись следующим образом: дворянского звания – 2 человека,

[1] ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 89. Л. 94–94 об.
[2] Там же. ЛЛ. 97–98.

почетного гражданства – 1 человек, мещанского – 25, крестьянского – 31 и чиновников –1[1].

Деятельность по раздаче работ «бедным труженицам» выражалась в изготовлении платья и белья из закупаемых Обществом материалов. В 1909 г. от 26 до 32 человек получили подобные заказы. Готовые изделия продавались затем в содержавшейся Обществом лавке на базаре. Доход Общества по данному отделению в 1909 г. составил 3836 руб. 67 коп., а расход – 3096 руб. 46 коп. За свою работу труженицы получили 608 руб. 99 коп., пособие им же по случаю праздников Св. Пасхи и Рождества Христова составило 146 руб. Периодически Общество распределяло заказы со стороны земства на больничное белье. Кроме того, Обществом производился еженедельный амбулаторный прием больных из тех же трудениц и их семей[2]. Общие доходы Общества составили 12091 руб. 94 коп., а расходы – 10 601 руб. 20 коп.[3] Качество изделий ремесленной школы было неоднократно отмечено похвальными отзывами на выставках, в том числе на: Санкт-Петербургской выставке изящных работ в 1889 г., Императорской Русской Технической выставке в Санкт-Петербурге в 1890 г., Всероссийской промышленно-хозяйственной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г., Всероссийской ремесленной Художественной выставке в Санкт-Петербурге в 1897 г., серебряной брошью на ремесленно-художественной выставке в Санкт-Петербурге в 1891 и т.д.[4]

Значительно выросло и представительство женщин в составе ассоциаций в сфере образования. Так, в 1910 г. в правление Попечительного Общества при Пензенской 2-й мужской гимназии, состоявшего из 25 человек, входили четыре женщины: Н. С. Рейшах-Рит (товарищ

[1] ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 89. ЛЛ. 94–95 об., 99 об. – 100.
[2] Там же. ЛЛ. 96, 101, 102 об.
[3] Там же. ЛЛ. 102 об., 104.
[4] Там же. ЛЛ. 106 об. – 107.

председателя), О. Ф. Булгакова, О. А. Кипарисова и Е. Н. Финогеева. Должность казначея Общества занимала А. С. Муратова[1].

Графиня Н. С. Рейшах-Рит возглавляла Родительское общество вспомоществования нуждающимся ученицам Пензенской женской гимназии, учрежденной Е. А. Сердобольской. В состав правления (27 человек) входило 14 женщин (51 %), в том числе: М. Н. Бартмер, Н. Э. Цегельская, А. Л. Федорова, А. С. Майчинская, Ф. М. Мачинская, Н. И. Тархова, Н. И. Тарасова, Л. Я. Окунева, А. И. Юганова, Е. И. Москвитина, М. Н. Ферапонтова, Е. Ф. Кузьмина, В. Л. Наумова, М. Д. Полякова[2]. Учредительница гимназии Е. А. Сердобольская состояла непременным членом (по преобразовании гимназии в «полноправную министерскую гимназию» в марте 1910 г. общим родительским собранием избрана пожизненным почетным членом Общества). В числе почетных членов, оказавших Обществу «особые услуги и содействовавших успеху его деятельности», встречаем: А. В. Умнову, Л. С. Казеева, графа Н. С. Рейшах-Рита, М. Н. Бартмер, М. В. Книжникова, М. П. Егорову, Н. Д. Казицина. Действительных членов в Обществе состояло 105 человек, из них не менее половины – женщины[3]. 26 августа 1909 г. при гимназии было учреждено общежитие для 8–12 девочек, летом была организована «летняя колония для слабых здоровьем девочек на хуторе почетного члена Общества Л. С. Казеева»[4]. Доход Общества за отчетный год составил 1418 руб. 12 коп., в том числе, за счет поступивших членских взносов – 213 руб.

Принятие указа 4 марта 1906 г. запустило процесс становления местных отделений Всероссийских политических организаций, а также профессиональных союзов. Следует учесть, что на этом направлении

[1] ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 89. Л. 155–155 об.
[2] Там же. Л. 165.
[3] Там же. Л. 169–169 об.
[4] Там же. Л. 170.

женское участие было минимальным[1]. Так, к 1 июля 1910 г. в составе 30 членов профессионального общества рабочих писчебумажной фабрики П. В. Сергеева в г. Пензе (учреждено в 1907 г.) числилась только одна работница, да и та в этом же году выбыла. В общей численности членов Вспомогательного общества торгово-промышленных служащих (действует с 1892 г.; имело отдел в г. Саранске) в 1910 г. из 357 действительных членов только трое представляли интересы женщин (по роду занятий – все они работали приказчиками)[2].

В 1914 г. в г. Пензе отмечена деятельность 6 богаделен, а также 13 обществ вспомоществования учащимся. В условиях начавшейся войны вновь было создано Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям[3]. В уездных центрах отметим деятельность Общества вспомоществования нуждающимся ученицам женской гимназии в г. Краснослободске (в городе насчитывалось 4 благотворительных общества вспомоществования нуждающимся учащимся)[4]. В общей сложности к 1917 г. в губернии действовало 362 общества (главным образом, кредитные товарищества и потребительные общества)[5]. Необходимо отметить и новую волну интереса к феминизму, спровоцированную войной, что перезапустило процесс организационного строительства женских организаций[6].

---

[1] Например, при создании отделения общества «Мирного обновления», зарегистрированного в Санкт-Петербурге. См.: ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11. Л. 1. На 31 августа 1907 г. в г. Пензе осуществляли свою деятельности четыре профессиональных союза: Вспомогательное общество торгово-промышленных служащих, профессиональное общество торгово-промышленных служащих, общество работников печатного дела, общество рабочих писчебумажной фабрики Товарищества П. В. Сергеева. См.: ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14. Л. 17 – 17 об.

[2] ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 75. Л. 8 об., 14 об.; Д. 117. Л. 9 об.

[3] Обзор Пензенской губернии за 1914 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1915. С. 47–51.

[4] Там же. С. 53.

[5] ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 910.

[6] Стайтс Р. Феминистское движение и большевики: Февральская и Октябрьская революции 1917 г. // Гендерная реконструкция политических систем. Санкт-Петербург, 2004. С. 302.

Имеются свидетельства о попытках закрепления в губернии объединений националистического характера. Так, в ноябре 1912 г. в адрес пензенского губернатора Анатолия Павловича Лилиенфельд-Тоаля поступило приглашение от председательницы Союза русских женщин М. Н. Дитрих. Мария Николаевна предложила губернатору вступить в члены Союза русских женщин, имевшего своей целью «поднятие благосостояния русского народа и поддержание его бытовых и национальных особенностей» и оказать содействие в распространении идей Союза на территории Пензенской губернии[1]. О том, что это приглашение было принято, свидетельствует получение Дитрих расписки о внесении членских взносов (в размере пяти рублей для мужчин и трех рублей для женщин)[2]. Планировалась установка книжных киосков Союза в Народных домах, распространение «полезных книг и брошюр», поддержка развития национальных ремесел (кустарного производства), создание отдела в губернии в виде мастерской для распространения знаний; открытие музеев и технических библиотек; организация лекций, концертов, литературных вечеров и пр., поездок и путешествий с научной и художественной целью[3].

В письме М. Н. Дитрих от 3 марта 1913 г. губернатор сообщил о получении Устава организации, но выразил сожаление, что «весьма ограниченное количество лиц» откликнулось на призыв к созданию отдела в Пензе, что выступило серьезным препятствием для продвижения идеи. В ответ на предложение о распространении открыток и значков Союза губернатор также ответил отказом, мотивируя свою реакцию тем что, в Пензенской губернии к тому времени проводилась «усиленная продажа

---

[1] Союз русских женщин был учрежден в 1907 г. в ответ на рост революционного движения как организация национально-монархического толка. 10 сентября 1912 г. был принят под Августейшее покровительство Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны. 16 декабря 1910 г. Союз был преобразован в «Союз Русских Женщин в помощь самобытному кустарному делу», председателем которого стала М.Н. Дитрих, возглавившая редакцию органа Союза журнала «Кустарь».

[2] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7966. Л. 1, 3.

[3] Там же. ЛЛ. 4–5, 13–13 об.

открыток, жетонов и знаков в пользу создания воздушного флота, планировалось устройство ежегодного сбора для Лиги по борьбе с туберкулезом, что делало любые дополнительные акции подобного порядка избыточными и несвоевременными[1]. В письме от 26 мая 1913 г. Дитрих написала о передаче ста экземпляров месяцеслова «царственные женщины Дома Романовых», оценив возможную продажу каждого в 50 к. Издание канцелярия губернатора разослала всем исправникам для распространения. Вырученные средства исправники направляли в адрес Союза русских женщин[2].

Трансформация дискурса фемининности фиксируется в периодической печати российской провинции, о чем свидетельствуют содержание и коннотация публикаций Пензенских губернских ведомостей. В частности, в январе-феврале 1913 г. «женскими темами» стали: пожертвование О. Т. Копыловой средств на содержание бесплатной кровати для неимущих больных в больнице Красного Креста[3]; проведение благотворительной елки в Ольгинском детском приюте трудолюбия (попечительница Е. С. Солнышкина)[4]; грядущее рассмотрение Государственным Советом вопроса о допущении женщин в число присяжных поверенных и об опыте других стран в этом отношении[5]; проект положения о высшем женском богословском педагогическом училище[6]; вопрос о борьбе за избирательное право женщин в Англии[7]; организация елки для учениц вновь открытого в память войны 1812 г. женского начального училища в г. Чембаре на средства попечительницы А. П. Украинцевой[8]; бедственное положение учительниц

[1] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7966. Л. 20–20 об.
[2] Там же. ЛЛ. 22–31.
[3] ПГВ. 1913. № 5. 6 января. С. 4.
[4] Там же. № 6. 8 января. С. 3.
[5] Там же. № 18. 20 января. С. 3. Вопрос о женщинах-адвокатах был определен как «гвоздь сегодняшнего газетного дня». См.: ПГВ. 1913. № 27. 29 января. С. 3.
[6] ПГВ. 1913. № 20. 22 января. С. 2.
[7] Там же. № 21. 23 января. С. 2.
[8] Там же. № 24. 26 января. С. 3.

приходских училищ[1]; заседание правления отдела Лиги для борьбы с туберкулезом (председательница попечительства о туберкулезных больных – А. К. Черепанова)[2]; скандальная акция лондонских суфражисток в садах Кью близ Лондона[3]; торжественное открытие и освящение больницы Красного Креста в г. Пензе[4]; вопрос о социальной защите материнства и детства[5]; 25-летие деятельности председательницы совета Киселевской богадельни А. С. Радищевой[6].

Вместе с тем редакционные отклики на злободневные темы российской печати отражают, по меньшей мере, недоумение масштабированием женского присутствия в публичной сфере. Так, в начале января 1913 г. корреспондент Пензенских губернских ведомостей посетовал, что целую неделю «со столбцов газет не сходят толки о съездах по женскому образованию и семейному воспитанию», как будто бы «вся жизнь в России замерла и все сосредоточилось только на этих двух-трех злободневных вопросах»[7]. Аналогичная эмоциональная окраска присутствует и в короткой заметке-реплике на публикацию в «Русской Молве»: «продолжает обсуждать вопрос о женщинах-адвокатах. От теоретических рассуждений она теперь

---

[1] ПГВ. 1913. № 29. 31 января. С. 4.
[2] Там же. № 32. 3 февраля. С. 3.
[3] Там же. № 34. 5 февраля. С. 3.
[4] В корреспонденции, занявшей пять полос номера, представлено детальное описание торжеств, дается перечисление участников: попечительница пензенской общины Л. С. Протасьева, ее товарищи – княжна А. П. Максутова и А. А. Варьвильская, настоятельница сестер милосердия З. Х. Альбрехт вместе с сестрами, супруга пензенского губернатора, и.д. начальника губернии с супругой, председатель Губернской земской управы Л. Н. Кугушев с супругой и т.д., характеризуется значение деятельности общины: «Дай Бог этому новому роскошному и полезному лечебному учреждению полного успеха, процветания и благой деятельности на пользу страждущего человечества». См.: ПГВ. 1913. № 36. 7 февраля. С. 3–4.
[5] ПГВ. 1913. № 39. 10 февраля. С. 2–3.
[6] Статья о чествовании А. С. Радищевой была включена в юбилейный номер Пензенских губернских ведомостей, посвященный памяти 300-летия царствования Дома Романовых. Обязательным (протокольным для высших должностных лиц) стало указание на присутствие жен высокопоставленных чиновников: «На богослужении присутствовали ... управляющий отделением Государственного банка М. Н. Рудзевич с супругой» и т.д. См.: ПГВ. 1913. Юбилейный номер. 21 февраля. С. 4.
[7] ПГВ. 1913. № 7. 9 января. С. 3.

перешла к историческим исследованиям. Должно быть, после исторических опытов последуют исследования археологические в области женского права»[1]. К концу 1913 г. коннотация существенно меняется: три полосы первой страницы издания были отведены обсуждению вопроса о женском профессиональном образовании: «Пенза, 4 декабря. Женское профессиональное образование», что безусловно можно рассматривать как официальную позицию газеты по женскому вопросу: «известие о внесении Министром народного просвещения на одобрение Совета министров проекта положения о женских профессиональных учебных заведениях будет встречено в провинции с большой радостью»[2].

Важной репрезентацией фемининности провинциального общества выступает процесс формирования революционных органов власти после крушения монархии в России. Так, 14 марта в Народном доме г. Пензы состоялась беспрецедентная политическая акция – было созвано совещание всех заведующих «казенными, общественными, сословными и частными учреждениями» для решения вопроса о народном представительстве в составе губернского исполнительного комитета. В числе 82-х приглашенных к согласованным действиям (губернский комиссар, пензенский городской голова, управляющий акцизными сборами Пензенской губернии, прокурор Пензенского окружного суда, начальник пензенской почтово-телеграфной конторы, заведующий Пензенской земской больницей и пр.) указано 6 женщин (руководители учебных заведений)[3].

Весной 1917 г. местные СМИ характеризовали участие женщин в общественно-политическом движении как один из значимых и равных потоков в общем ряду проявлений революционной активности профессиональных ассоциаций и социальных групп. Так, в статье о проведении первого праздника новой революционной России –

[1] ПГВ. 1913. № 5. 6 января. С. 3.
[2] Там же. № 318. 4 декабря. С. 1.
[3] ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10877. ЛЛ. 4–7.

Первомайской демонстрации – пензенские «Известия...» написали: «Манифестировали полки местного гарнизона, партия с.-р., с.-д., Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, шедший во главе манифестации, железнодорожные служащие, рабочие Сергеевской фабрики, театральные работники во главе с председателем совета старшин театра Белинского и распорядителем театра; манифестировали почтово-телеграфные служащие, *организации демократического союза женщин* [курсив авт. – Н.К.], учащиеся средних и низших учебных заведений города Пензы, дети рабочих, союз торгово-промышленных служащих, союз официантов, пекарей, булочников, рабочие воздухоплавательного и галетного заводов и много других»[1].

Таким образом, общая логика процесса женской эмансипации в российской глубинке демонстрирует переход от традиционных коммуникативных связей (по вертикали): центры метрополии – провинция (наиболее значимые инициативы солидаризации и гражданской активности суть прерогативы административной власти, реализуемые через индивидуальные стратегии социального служения супруги губернатора, что согласуется с ее социально-правовым статусом) к обществу массовой культуры, произраставшему из сонма ассоциаций (связи горизонтального порядка). Именно этот критерий следует взять за основу периодизации женского движения как важнейшего адаптационного ресурса российской провинции, выделяя конец 1860-х – 1905 гг. (формирование и апробация новых технологий коммуникации и соответствующих компетенций) и 1905–1917 гг. (время обособления фемининного спектра публичного пространства российской провинции). На первом этапе фиксируется эволюция социального запроса на социальное служение от попечения о пожилых и немощных к поддержке народного образования, главным образом среднего и профессионального. Блокировка возможностей для дальнейшего

[1] Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. 1917. № 2. 20 апреля (3 мая).

профессионального роста и социальной мобильности (при высоком уровне религиозности общества) послужила фактором политизации и радикализации движения в период Первой российской революции 1905–1907 гг.

ГЛАВА 2. ЖЕНСКИЙ ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

2.1. Образование для женщин и женские инициативы в сфере просвещения

Реализация первых проектов в сфере развития женского образования напрямую соотносится с эмансипацией благородного сословия и представлена созданием Смольного и иных институтов[1]. Но бесспорно решающие шаги в этом направлении были сделаны только во второй половине XIX в. День 19 апреля 1858 г. известный педагог и публицист В. Я. Стоюнин назовет выдающимся («крупным») фактом в истории образования русской женщины, откликом исключительного значения на сформировавшуюся потребность в русских семьях всех городских сословий к образованию девочек. В оценках Стоюнина гимназическое образование выступает фактором нравственного возвышения русской семьи, за чем неизбежно следовало бы «и усовершенствование общественной нравственности»[2].

Идея учреждения женских гимназий появилась у Н. А. Вышнеградского, профессора педагогики Педагогического института и инспектора Павловского женского института в 1857 г. 19 апреля 1858 г. было открыто всесословное четырехклассное женское училище в ведении учреждений императрицы Марии Александровны и нареченное ее именем. На момент открытия в нем уже числилось 162 воспитанницы, что подчеркивало острейшую потребность в образовании. Первые женские

[1] Овцын В. Развитие женского образования (исторический очерк). Санкт-Петербург, 1887. С. 25.

[2] Стоюнин В. Я. Образование русской женщины (По поводу двадцатипятилетия русских женских гимназий) // Исторический вестник. 1883. Т. XII. № 4. С. 125.

училища в губернских городах появились также в 1858 г. в Вильно, Ковно, Гродно и Минске[1]. Попечителем всех женских институтов выступил принц П. Г. Ольденбургский.

В 1860 г. последовало разделение подобных учебных заведений «на училища первого разряда с курсом, равным женским гимназиям и второго разряда, с курсом уездных училищ»[2]. В конце 1862 г., дабы отличить новый тип учебных заведений от прочих, в том числе и низших училищ, принято высочайшее разрешение именовать таковые учреждения ведомства императрицы Марии Александровны гимназиями. Спустя два года в империи насчитывалось уже 17 женских гимназий[3]. За первое десятилетие число гимназий увеличилось до 61, а число воспитанниц до 7412 человек (в том числе: 4008 дочерей дворян, 371 выходцев из семей духовенства, 2754 представительницы городских и 279 сельских сословий)[4].

Новое Положение о женских гимназиях и прогимназиях министерства народного просвещения было высочайше утверждено 24 мая 1870 г. и было дополнено важнейшим пунктом о возможности учреждения восьмого дополнительного класса с годичным или двухгодичным курсом обучения на звание учительницы, что было крайне важным для девушек из необеспеченных семей. Отметим всесословный и всеконфессиональный характер учебных заведений[5]. Прежде по «Положению» о специальных испытаниях от 22 апреля 1868 г. право получить звание домашних

---

[1] Стоюнин В. Я. Образование русской женщины... С. 136–138, 142.
[2] Овцын В. Развитие женского образования (исторический очерк). Санкт-Петербург, 1887. С. 25.
[3] Стоюнин В. Я. Указ. соч. С. 147.
[4] Овцын В. Указ. соч. С. 25.
[5] Положение о женских гимназиях и прогимназиях министерства народного просвещения от 24 мая 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXXV. 48406. С. 701, 705. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=934&regim=3 (дата обращения: 01.04.2024).

учительниц имели лица, окончившие полный курс в женских училищах первого разряда, при которых существовали педагогические курсы[1].

Большую часть гимназисток (в первое десятилетие свыше 50 %) составляли выходцы из дворянского сословия, что объяснялось запросом на получение профессионального образования и средств к существованию для мелкопоместных дворян, «лишившихся даровых доходов»[2].

Одновременно зарождается устремление женщин к высшему образованию: россиянки появятся на университетских лекциях, и произойдет это в 1859–1860-х гг. (в 1860 г. в российских университетах число вольнослушательниц на некоторых лекциях превышало число собственно студентов)[3]. Первой вершиной высшего профессионального образования, которой достигли женщины, станет медицина. В мае 1872 г. были учреждены курсы «ученых акушерок», позднее переименованные в «женские врачебные курсы»[4]. В годы Русско-турецкой войны 25 учащихся еще до окончания полного курса «добровольно отправились на театр войны, из них 20 – в действующую армию»[5]. Женщины, успешно выдержавшие установленные испытания на врачебных курсах, получали специальные знаки отличия с изображением букв Ж. В. («женщина-врач»), что подчеркивало исключительность и создавало определенный романтический ореол вокруг героинь новой эпохи. С 1879 г. женщины получили разрешение занимать места врачей в городских, земских и других общественных учреждениях[6]. В 1898 г., по данным Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и

[1] Стоюнин В. Я. Образование русской женщины... С. 150.
[2] Овцын В. Указ. соч. С. 25.
[3] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XIa. Санкт-Петербург, 1894. С. 869; Петров-Эннкер Б. Женщины наступают: об истоках женской эмансипации в России // Отечественная история. 1993. № 5. С. 176.
[4] Овцын В. Указ. соч. С. 29.
[5] Там же.
[6] Там же. С. 30.

И. А. Ефрона, в России, главным образом в городах, работало 546 женщин-врачей[1].

Идея организации высшего женского образования была вынесена на суд общественности и стала публичным достоянием в 1868 г. на съезде естествоиспытателей в Санкт-Петербурге: с письменным заявлением о необходимости решительных изменений к съезду обратилась известная российская журналистка и писательница Е. И. Конради. В скором времени последовало разрешение министерства просвещения на открытие вечерних женских курсов, получивших название «Владимирских» (1870 г., разместились в здании Владимирского уездного училища в Санкт-Петербурге). Аналогичные курсы появились в Москве («Лубянские курсы», «курсы профессора Герье»). Высшие женские курсы профессора К. Н. Бестужева-Рюмина открылись 8 сентября 1878 г. в задании Александровской женской гимназии в Санкт-Петербурге[2]. Вместе с тем несмотря на прогрессивность общественной инициативы[3], существовали серьезные дискриминирующие ограничения в праве женщин России на высшее образование: на курсы принимались постоянные слушальницы и вольнослушальницы, окончившие курс в гимназиях или в институтах ведомства Императрицы Марии или министерства народного просвещения (или в частных заведениях, но имевших права министерских), что понятно, но все поступавшие были обязаны предъявить свидетельство о получении

---

[1] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XIa. Санкт-Петербург, 1894. С. 888.

[2] Овцын В. Указ. соч. С. 33–35. В современной историографии датой открытия считается 20 сентября 1878 г. См.: Вахромеева О. Б. Духовное пространство университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: исследования и материалы. Санкт-Петербург, 2003. 253 с.; Ее же. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). Москва, 2018. 903 с.

[3] Современники особо подчеркивали, что «Русская женщина, вообще, всегда была прогрессивна, даже прогрессивнее женщин других государств». См.: Зинченко Н. Е. Женское образование в России. Исторический очерк. Санкт-Петербург, 1901. С. 2.

звания домашних учительниц[1]. Тем самым очевидна узкая направленность будущего трудоустройства выпускниц курсов.

В 1883 г. были учреждены педагогические курсы в ведении ведомства Императрицы Марии, имевшие два отделения: словесное (окончание которого давало право преподавать русский язык, словесность, педагогику, всеобщую историю и закон Божий) и физико-математическое (математика, русский язык и география)[2]. И только в 1902 г. в правительственных кругах приступили к разработке проекта положения о женских учительских семинариях. Проект создания нового типа учреждений профессионального образования с четырехгодичным сроком обучения, в котором могли бы обучаться воспитанницы с 14-летнего возраста, обсуждался в Министерстве народного просвещения до 1908 г., но так и не был принят[3].

Еще одним значимым достижением в деле развития женского образования в эпоху эмансипации стало возникновение массовой земской школы, появившейся в результате реализации Положения о начальных народных училищах (1864 г.). Положение регламентировало деятельность городских и сельских школ, получавших финансирование от казны и создаваемых за счет обществ и частных лиц, а также воскресных школ[4].

Характерной чертой начальной школы в России в рассматриваемый период была ее вариативность. В частности, к школам первой ступени относились одноклассные училища министерства народного просвещения

---

[1] Овцын В. Указ. соч. С. 38.

[2] Там же. С. 40.

[3] Паршина В. Н. Становление системы женского образования в России... С. 216.

[4] Положение о начальных народных училищах от 14 июля 1864 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Царствование императора Александра II. 1855–1864. Санкт-Петербург, 1865. С. 1226–1282. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/428535-1864-iyulya-14-polozhenie-o-nachalnyh-narodnyh-uchilischah#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 25.04.2025). В 1874 г. будет утверждено новое «Положение о начальных народных училищах», ужесточившее контроль над деятельностью школы со стороны правительственных ведомств. См.: Хвостова И. А. Начальное образование пореформенной России: законоположения 1864, 1869 и 1874 гг. // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 13. С. 26–31.

общего типа и для инородцев-нехристиан; земские и городские общего типа; земские национальные училища (для инородцев-нехристиан); городские общего типа; городские для инородцев-нехристиан; волостные и сельские общего типа; войсковые и казачьи; частные и удельные; фабрично-заводские; железнодорожные; ведомства Св. Синода; католические; протестантские и т.д. Вторая ступень начального образования – это двухклассные училища (министерские «образцовые» училища и пр.). Третью ступень составляли женские прогимназии, городские и уездные училища со сроком обучения от трех до шести лет[1].

Следует учесть, что в российской провинции в середине XIX века перспектива стремительного распространения массовой женской школы выглядела весьма туманной. По данным В. Н. Паршиной, за период с 1848 по 1856 г. число лиц женского пола – выходцев из государственных крестьян, окончивших курс сельских, городских и приходских училищ Пензенской губернии, увеличилось с двух до девяти, а всего было учтено 60 выпускниц (при общей численности женщин данной социальной группы в 232 226 человек к 1857 г.)[2]. И тем не менее женские инициативы в сфере образования не заставили себя долго ждать. Так, в 1864 г. в г. Наровчате домашней учительницей, вдовой коллежского секретаря Варварой Сорокиной, была открыта частная женская школа первоначального обучения[3]. Школа предполагала шестилетний срок обучения. В течение этого времени ученицы осваивали закон Божий и русский язык (обязательные предметы), а также русскую и всеобщую историю и географию, арифметику, чистописание, французский и немецкий языки, рукоделие; для желающих – музыка и танцы. Органы городского самоуправления также не чурались идеи женского

[1] Начальное народное образование в России. Статистические таблицы по уездам, городским поселениям и селениям империи / Под ред. Г. Фальборка и В. Чернолуского. Т. 1. Санкт-Петербург, 1900. С. V–VIII, 5.
[2] Паршина В. Н. Становление системы женского образования в России... С. 43–44.
[3] ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 681. Л. 1, 4, 6 об.

образования. В 1867 г. в Пензе была учреждена земская фельдшерская школа, в 1868 г. – земская повивальная школа. 20 сентября 1869 г. была открыта первая женская гимназия с трехлетним сроком обучения[1]. Первое женское училище (по Положению 1874 г.) в Пензе открылось 15 августа 1878 г. При этом необходимо учесть тот факт, что инициатива его создания принадлежала гласному Городской думы, присяжному поверенному И. М. Добровольскому[2].

Таким образом, первые признаки либерализации сферы образования в Пензенской губернии по причине узости материального обеспечения и явного недостатка кадровых ресурсов проявились лишь в начале 1870-х гг. И за период с 1865 по 1870 гг. сельскими обществами и земством было открыто всего 49 народных училищ[3]. По данным губернаторского обзора, в 1872 г. в регионе действовало 234 учебных заведения. При этом число учащихся мальчиков в 8,7 раз превосходило число девочек (10796 и 1248 соответственно). На 1000 жителей мужского пола приходилось 18 учеников, женского пола – 2 ученицы. В то же время в числе вновь открытых в 1872 г. 10 училищ встречаем 5 училищ для девиц духового звания. Система женских учебных заведений в регионе включала в себя: гимназию, прогимназию, 7 уездных и приходских училищ, 1 частный пансион, 4 народных школы при волостных правлениях и в селах, 6 женских духовных училищ. Стоит указать и 10 церковно-приходских школ, предназначенных для обучения детей обоего пола[4]. Следует также отметить, что на уровне среднего образования присутствовал паритет мужского и женского образования (по одной гимназии и прогимназии)[5].

---

[1] Памятная книжка Пензенской губернии за 1911–1912 гг. Пенза, 1911. С. 93.
[2] Паршина В. Н. Указ. соч. С. 61.
[3] Там же. С. 56.
[4] Обзор Пензенской губернии за 1872 г. С. 29; Ведомость № 8. О числе учебных заведений и учащихся Пензенской губернии за 1872 г.
[5] Обзор Пензенской губернии за 1872 г. С. 29.

В 1880 г. общее число учебных заведений в губернии составило 372, увеличившись, по сравнению с предшествовавшим годом на 9, в том числе были учреждены вновь: одно образцовое двухклассное училище, одно инородческое и два городских четырехклассных училища[1]. По гендерному признаку можно отметить существенный разрыв в уездных училищах и особенно в сельских школах, где учебные заведения для мальчиков численно преобладали. Так, в губернии действовали: 1 гимназия мужская, 1 женская, 2 прогимназии мужских, 2 женских, 4 городских четырехклассных училища, 22 уездных и приходских училищ для мальчиков, 12 таких же училищ для девочек, 1 приют для детей обоего пола, 3 частные школы (пансионы), 7 образцовых двухклассных училищ, 2 образцовых одноклассных, 5 инородческих училищ, 154 сельские школы для мальчиков, 8 таких же школ для девочек (в 19,3 раза меньше) и 133 для детей обоего пола, 1 школа при мастерской Общества поощрения трудолюбия в Пензе, 3 духовных уездных училища и 8 женских училищ для детей духовенства[2].

Число учащихся во всех учебных заведениях составило 22 428 человек, в том числе мальчиков – 19 142, девочек – 3286 человек (по отношению ко всем учащимся численность девочек не превышала 14,7 %). В частности, на 1000 жителей мужского пола приходилось 28 учеников, а на 1000 женщин – 4 ученицы, при расчете для сельского населении ситуация была еще более плачевной: всего 1 девочка на 1000 человек населения. Показатель доли учащихся обоего пола в отношении ко всему населению варьировался от 2,8 % – в Пензенском уезде, 2,6 % – в Нижнеломовском, до 0,9 % – в Инсарском уезде[3]. И тем не менее показательным фактом в отчете называлось опережающее увеличение числа учащихся девочек: в показателе прироста числа учащихся – 834 чел. девочки составили 363 – больше, чем во все

[1] Обзор Пензенской губернии за 1880 г. С. 93–94.
[2] Там же. С. 94, 104–105.
[3] Там же.

предшествовавшие годы[1]. Помимо этого, в губернии было учтено 73 татарских школы, в том числе 20 высших (медресе) и 53 нижних (мектебе) с числом учащихся 3380 человек, в том числе 2530 мальчиков и 850 девочек[2]. Отметим, что здесь разрыв в числе учащихся был намного меньше: в национальных школах девочек обучалось всего в три раза меньше, чем мальчиков.

Таким образом, блокиратором развития женской инициативы выступал низкий уровень грамотности населения. По данным Всеобщей переписи 1897 г., в Пензенской губернии в числе православного населения было выявлено 23,7 % грамотных мужчин и всего 6 % грамотных женщин; лиц, исповедовавших ислам – 18,7 и 11,1 % соответственно[3]. Ситуация менялась только относительно губернского центра: из 59 981 жителей г. Пензы (в том числе 30 314 мужчин и 29 667 женщин) грамотными были 17 133 мужчин (56,5 %) и 10 500 женщин (35,4 % от числа лиц женского пола)[4].

По сословиям данный показатель составлял: среди крестьянства 21,3 и 4 %, городских сословий – 58,8 и 35,6 %, духовного звания – 79,4 и 65,8 %, дворян – 76,9 и 53,8 %. Высшее образование имели лишь представители дворянского сословия (7,4 % у мужчин и 0,2 % у женщин), городские сословия (0,2 % у мужчин), среднее специальное у дворян – 3,5 и 0,5, духовного звания – 0,8 и 0,1, городских сословий – 1,3 и 0,2 % соответственно[5].

Абсолютные показатели численности грамотных по губернии составили: 166 930 мужчин и 48 635 женщин, неграмотных – 537 124 мужчин и 717 785 женщин; из числа грамотных прошли обучение в университетах и

---

[1] Обзор Пензенской губернии за 1880 г. С. 103.
[2] Там же. С. 94.
[3] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1-89] / под редакцией Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург, 1899–1905. XXX. Пензенская губерния. Санкт-Петербург, 1903. С. XIII.
[4] Первая Всеобщая перепись населения… С. 1, 60–61.
[5] Там же. С. XIV.

иных высших учебных заведениях – 462 мужчины и 16 женщин, в специальных или технических высших учебных заведениях – 124 мужчины и 1 женщина, в специальных средних – 830 мужчин и 132 женщины, в средних учебных заведениях – 5462 мужчины и 4262 женщины[1].

Следует обратить внимание и на гендерный аспект кадрового состава учащих. Так, в 1880 г. число учащих при начальных училищах, подведомственных училищным советам в Пензенской губернии, составило 917, в том числе: 238 почетных попечителей, 26 почетных попечительниц (1 женщина на 9 мужчин), 294 законоучителя, 282 учителя и 77 учительниц (1 женщина на 3,7 мужчин)[2]. Среднегодовой размер жалования учителя или учительницы в Пензенской губернии составлял 230 рублей (в зависимости от конкретного заведения сумма менялась от 150 до 400 рублей). Более высокую оплату труда получали учителя и учительницы Пензенского, Чембарского, Керенского и Мокшанского уездов – в среднем до 250 рублей в год[3].

Серьезной проблемой, обозначенной в отчетной документации, выступало выбытие учащихся до окончания срока обучения[4]. Так, в течение 1875–1884 г. число воспитанниц Пензенской женской прогимназии составило 552 чел., в том числе детей дворян и чиновников – 75, духовного звания – 22, городского сословия – 342, сельского сословия – 111, иностранцев – 2 чел. Выбыло по разным причинам – 361 человек, в том числе детей дворян и чиновников – 47, духовного звания – 9, городского сословия – 235, сельского сословия – 69, иностранцев – 1 чел., окончил курс 191 человек, в том числе детей дворян и чиновников – 28, духовного звания – 13, городского сословия – 107, сельского сословия – 42, иностранцев – 1 чел.[5] В этот же период в

[1] Первая Всеобщая перепись населения… С. 61.
[2] Обзор Пензенской губернии за 1880 г. С. 99.
[3] Там же. С. 113.
[4] Там же. С. 103.
[5] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5901. Л. 10 – 10 об.

Пензенской женской гимназии приступило к учебе 720 девочек (детей дворян и чиновников – 442, духовного звания – 52, городского сословия – 195, сельского сословия – 25, иностранцев – 26 чел.), а окончило курс 339 чел., в том числе: детей дворян и чиновников – 223, духовного звания – 38, городского сословия – 70, сельского сословия – 0, иностранцев – 8 чел.)[1].

Основной причиной выбывания контингента выступал низкий уровень материального благосостояния семей. Стоимость обучения в женских гимназиях на рубеже XIX – XX вв. была выше, чем в мужских, и составляла от 30 до 60 рублей в год (в зависимости от класса), в мужских – 50 рублей. К 1914 г. расходы на обучение выросли до 70 руб. в мужских и 50–90 рублей в женских (если изучались новые языки, вносилась дополнительно плата в 10 руб.)[2].

В обзорах Пензенской губернии, включённых в Приложение к Всеподданнейшему докладу губернатора, отдельное место занимало описание профессионального образования. Власти констатировали «крайне печальное состояние» ремесленного обучения в губернии[3]. Решение этой проблемы было предметом особого внимания пензенского губернатора А. А. Татищева. Благодаря его почину в 1870-х гг. при ряде городских училищ были открыты ремесленные классы (например, при Пензенском 1 приходском училище мальчики обучались сапожному, башмачному, токарному и столярному ремеслам; при Нижнеломовском городском четырехклассном – сапожному и переплетному и т.д. Такие классы также действовали при училищах в гг. Наровчате, Краснослободске, Чембаре, Инсаре, Мокшане)[4].

Открытие женской ремесленной школы, как упоминалось ранее, связано с именем его супруги, Л. А. Татищевой. По выражению

[1] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5901. Л. 15.
[2] Малышева Н. В. Указ. соч. С. 46.
[3] Обзор Пензенской губернии за 1880 г. С. 96.
[4] Там же.

А. В. Тюстина, «она первой из влиятельных и состоятельных женщин Пензы признала и озвучила идею ремесленного образования среди женщин»[1]. Поддержка этого начинания стала одной из первостепенных задач возникшего в Пензе 20 апреля 1873 г. «Общества поощрения трудолюбия». Татищева была утверждена в звании председательницы комитета Общества и попечительницы школы. Ближайшей исполнительницей ее распоряжений и наблюдательницей за ходом дел и порядком в школе и мастерской состояла в 1870-х гг. Каролина Андреевна Ратцлер в звании помощницы попечительницы.

В первые годы своей деятельности Общество сосредоточило свое внимание на развитии ремесленной школы. Мастерская для портних, состоявшая всего из двух мастериц, существовала при ней для обучения и практики учениц школы, в которую в течение 1873 г. поступила 41 девочка, в возрасте от 12 до 15 лет. Находясь целый день в заведении, ученицы школы, как равно и мастерицы, получали от Общества поощрения трудолюбия завтрак, обед и ужин, а беднейшие из девочек, не имевшие средств на одежду и обувь, снабжались и платьем. В школе преподавали: Закон Божий, начала письма, арифметики, счетоводства и пения в течение 2 часов ежедневно, остальное время предназначалось на занятие рукоделием[2]. Время пребывания в школе зависело от возраста, в котором поступила воспитанница в школу, и от ее способностей. Полный курс обучения составлял три года[3].

В 1873 г. на содержание школы и мастерской Общество привлекло 1450 р. 80 копеек. За девять месяцев было выполнено 345 заказов. В 1874 г. число учениц в школе увеличилось на семь, в мастерской осталось 2 мастерицы, но кроме них была нанята особая прачка, так как председательница комитета Татищева сочла необходимым иметь при

---

[1] Тюстин А. В. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие. Т. 2. (М–Т). Москва, 2012. С. 199.
[2] ПГВ. 1890. № 191. С. 3.
[3] Там же.

мастерской особое прачечное заведение, а вместе с тем оно давало возможность девочкам, в особенности белошвейкам или малоспособным к другим работам, получить соответствующие навыки[1].

Казна общества пополнялась за счет ежегодных членских взносов, пожертвований, сборов от спектаклей, концертов, доходов от сдачи в наем квартир в доме общества и выручкой за работы в мастерской и прачечной. Важность данной инициативы подчеркивали неоднократно бывавшие в школе высокопоставленные чиновники. Например, министр народного просвещения граф Д. А. Толстой, посетивший Пензу в 1877 году, писал в письме Л. А. Татищевой: «…докладывая Его императорскому Величеству о состоянии, в котором я нашел пензенское учебное заведение, я почел своею обязанностью довести до Высочайшего сведения о пользе, приносимой учрежденным Вами пензенским женским ремесленным училищем, и присовокупил то, что, по моему мнению, было бы весьма желательно, чтобы и другие губернские города последовали этому доброму примеру»[2].

В 1883 г. средства Общества увеличились случайным поступлением. Тайный советник Василий Антонович Инсарский – пензенский уроженец – по своему духовному завещанию пожелал обратить 20 тысяч рублей в вечный неприкосновенный капитал, чтобы ежегодные проценты от этого капитала обращались в пользу бедных города Пензы по усмотрению местного благотворительного заведения. Губернское правление передало сумму, заключенную в 5 % билетах, в Общество поощрения трудолюбия[3].

Л. А. Татищева скончалась 17 июня 1891 г. Согласно ее завещанию, на содержание именной ремесленной школы было передано 20000 рублей[4]. 25 января 1892 г. Пензенские губернские ведомости сообщили, что тайный

---

[1] ПГВ. 1890. № 185. С. 3.
[2] Татищевская ремесленная школа // ПГВ. 1895. № 53. Л. 4.
[3] ПГВ. 1890. № 187. С. 3.
[4] Отчет о деятельности состоящего под августейшим покровительством государыни императрицы Марии Федоровны Общества поощрения трудолюбия в г. Пензе за 1909 год. Пенза, 1910. С. 4.

советник А. А. Татищев прислал в распоряжение комитета первые 500 рублей – проценты от завещанного его супругой капитала[1]. После смерти Л. А. Татищевой на общем собрании членов общества, состоявшемся 21 мая 1892 г., председательницей комитета была избрана Любовь Ниловна Ознобишина, также стоявшая у истоков создания ремесленной школы[2].

Воспитанницы Татищевской ремесленной школе помимо программы начального народного училища обучались шитью и кройке платье и белья, вышиванию и другим рукоделиям. По окончанию пятилетнего курса, воспитанницы без труда устраивались в закройщицы и учительницы рукоделия, «менее же способные» могли пойти в услужение в частные дома.

В 1887 г. по отношению Комитета Учредителей Общества улучшения народного труда в память Царя-Освободителя Александра II канцелярия пензенского губернатора А. А. Горяйнова исследовала состояние профессионального образования городов и уездов. В губернском центре была отмечена деятельность училища садоводства (учрежденное в 1820 г.; исключительно мужское учебное заведение), Ремесленной школы Ф. Е. Швецова и Ремесленной школы «Общества поощрения трудолюбия», где обучалось 60 девочек – «дети бедных родителей»[3]. Уездные училищные советы в своих рапортах отчитались, что в их ведении «ни ремесленных, ни рукодельных отделений, курсов и классов» при городских, сельских и приходских мужских и женских училищах не имеется, за исключением г. Нижнего Ломова, где при четырехклассном земском училище действовала ремесленная школа[4].

Вместе с тем необходимо отметить частные инициативы. В ноябре 1887 г. в с. Никольском (Пестровка тож) Городищенского уезда княгиня Анна Александровна Оболенская открыла женскую школу для обучения

---

[1] ПГВ. 1892. № 20. С. 2.
[2] Там же. № 107. С. 3.
[3] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6027. Л. 144.
[4] Там же. Л. 131–142, 218.

девочек ремеслу и рукоделию, в которую на момент открытия было принято на полное содержание 29 воспитанниц, а также в качестве приходящих учениц (на два час в день) – 60 учениц Никольского начального училища. Курс обучения в школе был двухгодичным[1].

Экстраординарным событием в жизни провинциального общества стала организация публичной лекции Н. К. Корвин-Пиотровской, известной исследовательницы и популяризатора идеи распространения технических знаний, посвященной вопросам истории женского профессионального образования в европейских странах и в России: «Обзор женского технического образования». Местная печать оказала значительную информационную поддержку этому начинанию, опубликовав два анонса данному мероприятию с пространной предварительной характеристикой проблемы гендерного неравенства в вопросах профессиональной самореализации женщин. Лекция была проведена 23 октября 1892 г. в зале Дворянского собрания и привлекла «довольно много публики, особенно учащихся в средних учебных заведениях»[2].

Общее же число низших училищ всех ведомств и разрядов и частных училищ III разряда в Пензенской губернии, по данным на 1 января 1894 г., составляло: в уездах – 593, в городских поселениях – 63 (в г. Пензе – 20), в селениях – 530[3]. Проследим долевое участие государства, общества и Церкви в развитии народного образования. Так, в числе одноклассных училищ, действовавших в селах Пензенской губернии, было учтено 10 – правительственных, 327 – общественных и 181 училище Св. Синода[4].

---

[1] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6027. Л. 147.

[2] ПГВ. 1892. № 224, 225, № 227. 2 августа. С. 3.

[3] Начальное народное образование в России. Статистические таблицы по уездам, городским поселениям и селениям империи / Под ред. Г. Фальборка и В. Чернолуского. Т. 1. Санкт-Петербург, 1900. С. 26, 39, 53.

[4] Начальное народное образование в России. Статистические таблицы по уездам, городским поселениям и селениям империи / Под ред. Г. Фальборка и В. Чернолуского. Т. 1. Санкт-Петербург, 1900. С. 53.

В пореформенную эпоху сфера образования становится основной доминантой социального волонтерства и благотворительности (не только через участие в коллективных инициативах, но и через индивидуальные стратегии). Так, в 1863 г. М. М. Киселева пожертвовала в вечную собственность Пензенской епархии находившуюся на Лекарской улице принадлежавшую ей усадьбу с садом и большим каменным одноэтажным домом. Епархиальное училище было переведено в дом, пожертвованный Киселевой, 31 августа 1863 г. Это начинание встретило горячее одобрение на имперском уровне: в сентябре 1863 г. училище посетил обер-прокурор Святейшего Синода А. П. Ахматов[1]. В 1867 г. в училище воспитывались 54 девочки, общая сумма поступивших пожертвований в пользу Пензенского училища девиц духовного звания за вторую половину года составила 2 220 руб. 19 коп[2].

В декабре 1865 года Преосвященный Антоний выступил в Синоде со следующим докладом: «Долгом поставляю донести Святейшему Правительствующему Синоду, что, по исправлению в летнее время 1864 года одноэтажного каменного дома, пожертвованного училищу девиц духовного звания госпожою статскою советницею Марией Киселевой, в летнее время текущего (1865) года учрежденный мною временный комитет…занят был надстройкою над каменным этажом верхнего деревянного этажа и в нем зала для церкви. Дом покрыт железом, и верхний деревянный этаж обшит тесом; для церкви назначен поместительный на 150 человек зал. По устроении всех принадлежностей в доме, по проставлении церковном зале приличного иконостаса со святыми иконами и по приобретении богослужебных книг и всей необходимой утвари, необходимой для богослужения, Господь сподобил меня 24 октября с соборной братией и прочими

[1] Дворжанский А. И. История Пензенской епархии: Исторический очерк. Кн. 1. Пенза, 1999. С. 115.
[2] ПЕВ. Пенза, 1868. № 4. Ч.Н. С. 65.

священнослужителями освятить храм в честь Божией Матери «Всех скорбящих Радость»[1].

В апреле 1866 г. Мария Михайловна Киселева по предложению Его Преосвященства епископа Антония I приняла на себя звание попечительницы Пензенского училища девиц духовного звания. Мария Михайловна лично присутствовала на испытательных экзаменах в училище. Например, 27 июля 1868 г. «Киселева и несколько других знатных особ и почетнейших дам города Пензы»[2] находились при испытаниях в училище. По итогам «все бывшие на экзамене заявили, что успехи их (воспитанниц – *прим. Н. К.*) хороши и развитие вполне достаточно»[3].

В 1879 г. духовенство приобрело для епархиального училища новое здание – дом Панчулидзевой на Дворянской улице (сейчас ул. Красная, д. 62). В зданиях на бывшей усадьбе Киселевой было размещено Тихоновское духовное училище, переведенное в 1880 г. из Нижнего Ломова в Пензу[4]. Спустя десятилетие душеприказчица М. М. Киселевой, А. С. Радищева, выполняя волю умершей, продает большую усадьбу в центре города Пензенской епархии для постройки здесь нового здания Духовной семинарии[5].

Дополнительным адаптационным ресурсом женской эмансипации следует рассмотреть инициативы в сфере внешкольного образования[6]. В этом отношении отметим деятельность Серафимы Матвеевны Воскресенской,

---

[1] ПЕВ. 1866. № 8. С. 116.
[2] ПЕВ. 1868. № 16. С. 533.
[3] Там же С. 535.
[4] Головина А.Ф. Указ. соч. Москва, 2014. С. 112.
[5] Головина А.Ф. Указ. соч. Пенза, 2003. С. 55.
[6] По Положению о начальных народных училищах 1864 г. воскресные школы были отнесены к разряду начальных народных училищ и открывались на общих основаниях. Первая воскресная школа в Пензенской губернии была открыта при Пензенской гимназии 1 ноября 1860 г. См.: Паршина В. Н. Воскресные школы // Пензенская энциклопедия: [80-летию Пензенской области посвящается: в 2 т.] / редсовет: О. В. Ягов (предс.) [и др.]; гл. ред. А. Ю. Казаков. [2-е издание, уточненное и дополненное]. Пенза, 2019; 25 см. [Т]. 1: А–М, 2019. С. 248.

жены надворного советника, учредившей 21 января 1890 г. первую в регионе женскую воскресную школу для «лиц женского пола, не имевших возможности учиться в городских училищах»[1]. Школа открылась в г. Пензе в помещении 4 мужского училища на привлеченные общественные средства. Обучали здесь Закону Божьему, чтению по гражданской и церковной печати, письму и счету. В 1895 г. в школе обучалось уже 193 ученицы. За первые десять лет существования школы здесь получили элементарные знания 2230 женщин, в том числе 971 взрослых[2]. Популярность данного учебного заведения в городе была столь высока, что городским властям пришлось ввести возрастной ценз для приема учениц (с 15 лет) и ограничить число желающих поступить в школу (из-за недостатка помещений и нехватки педагогического персонала)[3]. Социальный состав учащихся отражает потребность в обучении беднейших горожанок – выходцев из мещанского сословия и крестьянства. Обращает на себя внимание и распределение учащихся по роду занятий[4]: в числе девушек и женщин, посещавших воскресную школу в 1890–1899 гг., большую часть составляли: домохозяйки, швеи, портнихи, пушницы (вязание пуховых платков) и папиросницы[5]. При школе действовало общество вспомоществования нуждавшимся ученицам, что объясняется крайне низким материальным достатком некоторых из них. Так, за 1902/1903 учебный год общество приобрело для 7 учащихся верхнюю одежду, для 13 – башмаки и валенки[6].

На протяжении всего существования воскресной школы количество преподающих здесь женщин преобладало над мужчинами. Успехи школы во

[1] ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 895. Л. 4.
[2] Паршина В. Н. Воскресные школы // Пензенская энциклопедия: [80-летию Пензенской области посвящается: в 2 т.] / редсовет: О. В. Ягов (предс.) [и др.]; гл. ред. А. Ю. Казаков. [2-е издание, уточненное и дополненное]. Пенза, 2019; 25 см. [Т]. 1: А–М, 2019. С. 248.
[3] ГАПО. Ф. 109. Оп. 1 Д. 382. Л. 1 об; Ф. 5. Оп. 1. Д. 7079. Л. 20.
[4] Собственно появление такого раздела в отчетной документации свидетельствовало о формировании социального запроса на образование женщин для успешной профессиональной самореализации.
[5] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7079. Л. 20.
[6] Паршина В. Н. Становление системы женского образования в России... С. 69.

многом связаны с деятельностью возглавлявшей заведение с 1891 года В. Н. Полумордвиновой. В 1903 г. при школе открывается отделение рукоделия по обучению женщин профессиональным навыкам в сфере кройки и шитья, вязания пуховых платков и плетения кружев. В начале XX в. аналогичные учебные заведения открываются в уездных центрах: в Мокшане и Саранске[1].

В 1895 г. общее число учебных заведений в губернии составило 773, а учащихся 43 132 человека, в том числе 35 617 мальчиков и 7515 девочек (17 %)[2]. За три последующих года доля учащихся девочек выросла до 19 % (48037 учащихся, в том числе 9299 девочек). Увеличилось и общее число учебных заведений – до 840[3]. Численность обучающихся девочек в средних учебных заведениях составила: в епархиальном училище – 338 учениц, в женской прогимназии – 266, в гимназии 555 учениц. Кроме того, лица женского пола были учтены в составе обучающихся Художественного училища: 32 ученицы при 82 учениках[4]. Емкость гимназического обучения в Пензенской губернии определяла крайне незавидное положение региона на карте народного просвещения в империи: здесь на одно среднее женское учебное заведение приходилось 490 тыс. человек населения, тогда как в Самарской губернии – 275 тыс., Симбирской – 255 тыс., Саратовской – 241 тыс., в Курской – 139 тыс., в Московской губернии – 76 тыс., в Петербургской губернии – 100 тыс.[5]

---

[1] Паршина В. Н. Там же. С. 72.

[2] Обзор Пензенской губернии за 1895 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1896. Ведомость № 10. О числе учебных заведений и учащихся в Пензенской губернии за 1895 г.

[3] Обзор Пензенской губернии за 1898 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1899. Ведомость № 1. О движении населения в Пензенской губернии за 1898 год.

[4] Обзор Пензенской губернии за 1898 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1899. Ведомость № 7. О числе учебных заведений и учащихся в Пензенской губернии за 1898 год.

[5] Женские гимназии и прогимназии министерства народного просвещения 1858–1905. Санкт-Петербург, 1905. С. 88–92.

Во второй половине XIX века в России ощущалась острая нехватка педагогических кадров. В Пензенской губернии было открыто несколько женских гимназий, где осуществлялась подготовка домашних учительниц. В губернском центре действовало 4 гимназии, причем две представляли собой частную инициативу. Другие располагались в Инсаре, Краснослободске, Нижнем Ломове. В 1914 г. в 14 женских начальных училищах, существовавших в г. Пензе, учительницами были в основном выпускницы женских гимназий[1]. В 1912 г. педагогическую подготовку прошли 47 воспитанниц, в 1915 г. гимназия подготовила 56 народных учительниц[2]. Народными учителями стали выпускницы гимназии: В. К. Дормидонтова, О. Г. Зотикова, Е. И. Цыбузгина, Н. В. Сердобольская, А. В. Вандышева, Н. П. Молебнова, Н. П. Делигенская и др.[3]

Из 98 выпускниц женского епархиального училища в 1895/96 гг. право на преподавание получили 37 человек. В тот же период из 272-х учительниц, состоявших в должности учительниц земских и министерских школ, 56 окончили епархиальное училище[4]. В 1911/1912 гг. учительницами в 160 министерских и земских школах, в 193 церковно-приходских также работали выпускницы епархиального училища[5].

В начале XX века в Пензе были учреждены частные женские школы С. В. Голубевой, В. А. Златомрежевой, М. В. Мордвиной, семиклассная частная женская гимназия Е. А. Сердобольской[6] и частная женская гимназия М. Ф. Мансыревой и Е. П. Шор[7].

Частную трехклассную женскую гимназию по адресу: г. Пенза, ул. Московская (Селиверстовская), в собственном двухэтажном кирпичном доме

---

[1] ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1402. Л. 22.
[2] ГАПО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 564. Л. 6; Д. 628. Л. 4.
[3] Пензенская энциклопедия / Гл. ред. К. Д. Вишневский. Москва, 2001. С. 470.
[4] Внутренние известия // ПЕВ. 1897. № 17. С. 365.
[5] Отчет о состоянии епархиального училища // ПЕВ. 1913. № 9. С. 307.
[6] ГАПО. Ф. 139. Пензенская женская гимназия Е. А. Сердобольской.
[7] ГАПО. Ф. 114. Пензенская женская общества преподавателей, учрежденная Е. П. Шор и М. Ф. Мансыревой.

открывает Евдокия Андреевна Сердобольская. К моменту своего закрытия частная женская гимназия Сердобольской была довольно крупным для того времени учебным заведением. В 1918 г. в ней обучались 356 девочек[1].

К началу XX в. прослеживаются заметные изменения в оценке эволюции социального статуса женщин. Об этом наглядно свидетельствует епархиальная периодика. Увеличение численности церковно-приходских школ (по Высочайше утвержденным Правилам 1884 г.) сделало профессию учительницы чрезвычайно востребованной и позитивно оцениваемой как со стороны Церкви, так и с позиции крестьянского сообщества. В 1902 г. в очерке по истории школы в с. Жабье Краснослободского уезда священник И. Голубинский отметил, что крестьянское сообщество с. Жабье сначала отнеслось с недоверием к основанию школы, но «последние два года с назначением учительницы Рунковой, доверие к школе восстановилось и все растет и растет, что ясно видно из количества учащихся в последние два года, в особенности девочек»; «доброе влияние школы сказалось уже в том, что она пробудила в крестьянском обществе сознание нужды обучить девочек»[2]. Мария Федоровна Рункова, окончившая курс Краснослободского двухклассного женского училища, получила свидетельство на звание учительницы и поступила в школу в 1899 г. С ее приходом в школе начались занятия по рукоделию. И если в первый год деятельности школы при 31 учащемся девочек не было вовсе, в 1886 г. в школе обучались 20 мальчиков и 1 девочка, то в 1899 – 27 мальчиков и 16 девочек, в 1900 г. – 32 мальчика и 15 девочек[3].

О признании важнейшей социокультурной миссии женщины – деятельности на ниве просвещения – говорят и некрологи, публикуемые в

---

[1] Макаркина О., Полосин Н. И. Из истории женского образования в Пензенской губернии // Краеведение. 1998. № 3-4. С. 66–68.

[2] Голубинский И. Историческая записка о Жабской церковно-приходской школе Краснослободского уезда // ПЕВ. 1902. № 11. 1 июня. Ч.Н. С. 464–467.

[3] Там же. С. 460–461.

местной печати. Пензенские епархиальные ведомости откликнулись на смерть старшей учительницы 4-го женского начального училища в г. Пензе Серафимы Григорьевны Зотиковой, дочери священника, одной из лучших выпускниц Пензенского епархиального училища в 1880 г., преставившейся в ночь на 23 апреля 1902 г.[1] По окончании курса Зотикова 22 года учительствовала в народной школе и приобрела «заслуженную известность». Описание траурных мероприятий, помимо прочего, позволяет реконструировать скрепы фемининности в публичном пространстве российской глубинки: «На отпевание покойной, 25 апреля, собрались в Николаевскую церковь отцы законоучители городских училищ во главе с местным отцом настоятелем, протоиереем И. А. Платоновым, все учителя и учительницы городских училищ и ученицы пяти городских женских школ... На гроб покойной возложено было шесть венков: «от любящих учениц» (два венка), «от сослуживцев», «от практикантов», «от городских учителей и учительниц» и «от родных»[2].

В первом десятилетии XX в. общий тренд на опережающий рост числа учащихся девочек еще более укрепляется. Так, в 1905 г. в губернском центре при двух мужских действовало две женских гимназии, частная гимназия Сердобольской, частное женское учебное заведение 1-го разряда, епархиальное училище. Добавим к этому списку женскую прогимназию в г. Саранске (открыта в 1875 г. по инициативе священника Саранской Троицкой церкви А. И. Масловского в составе трех, а затем четырех классов)[3]. Женщины также могли получить образование в фельдшерской школе, музыкальных классах и художественном училище. И если в мужских гимназиях обучалось 1060 человек, в женских число учащихся составляло

[1] ПЕВ. 1902. № 11. 1 июня. Ч.Н. С. 486.
[2] Там же.
[3] Обзор Пензенской губернии за 1905 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1906. С. 51. Полутина Е. В. Становление и развитие женского гимназического образования в городах мордовского края в конце XIX – начале XX в. // Интеграция образования. 2006. № 2. С. 60.

1562 человека[1]. Как отмечал в своих воспоминаниях Е. Ф. Кошко: «Пенза горделиво называла себя новыми Афинами по широкой постановке всех видов народного образования»[2]. В 1906 г. в 921 учебном заведении губернии обучалось 71 960 учащихся, из которых 51 609 человек мужского пола и 20351 – женского[3]. Тем самым за предшествующее десятилетие численность учащихся мужского пола увеличилось в 1,5 раза, а женского пола – в 2,7 раз.

В общем ряду правительственной реакции на рост женского образования отметим и практику повышения статуса учебных заведений (преобразование прогимназий в гимназии). Так, в 1902 г. было Высочайше утверждено мнение Министерства народного просвещения о преобразовании Пензенской женской прогимназии во 2-ю женскую гимназию с 1 июля 1902 года[4]. На этот момент в учебном заведении при 24 преподавателях обучалось 374 ученицы. Попечительский совет гимназии возглавил Н. Е. Бартлер, позже – А. Н. Никитин и А. Ф. Габленц[5]. В 1903 г. в новой гимназии был открыт 6 класс, через год – 7 класс, а в 1906 году – 8-й педагогический класс. Учебное заведение отличалось более демократичным составом учащихся: в 1917 г. здесь обучалось 15 дочерей потомственных дворян, 60 дочерей личных дворян и чиновников, 18 детей духовенства, 54 – почетных граждан и купцов, 260 дочерей мещан и цеховых и 260 детей крестьян[6].

Сфера профессионального образования для женщин в начале XX в. была представлена Татищевской школой, школой сельских повитух, Художественным училищем им. М. Д. Селиверстова, а также педагогическими классами при женских гимназиях и епархиальным

---

[1] Пензенская епархия. Историко-статистическое описание. С картою Пензенской губернии. Пенза, 1907. С. 43.
[2] Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора. (1905–1914 г.). Новгород – Самара – Пенза. Петроград, 1916. С. 156.
[3] Обзор Пензенской губернии за 1906 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1907. С. 54.
[4] ГАПО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 519. Л. 3.
[5] ГАПО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.; Д. 12. Л. 7.
[6] ГАПО. Ф. 104. Оп.1. Д. 494. Л. 4.

училищем в г. Пензе[1]. В 1906 г. число обучающихся в школе повитух составило 47 человек, в Художественном училищем им. М. Д. Селиверстова в числе учащихся было учтено 272 лица мужского и 28 женского пола[2]. При этом в действовавших в губернском центре Учительской семинарии, фельдшерской школе, на курсах бухгалтерии обучались исключительно лица мужского пола[3].

Женщины присутствовали в составе слушателей курсов Пензенского общества содействия внешкольному образованию, действовавшего в 1906–1912 гг. Так, в 1911/1912 гг. данные курсы посещали 105 лиц мужского пола и 23 женского (в возрасте 12-15 лет – 6 чел человек, 15-20 – 10 человек и 20-30 лет – 7 человек), получившие образование в церковно-приходских школах и городских училищах (по роду занятий: домохозяйки, портнихи, певчие, чулочницы)[4].

По данным 1913 г., на территории губернии действовали 8 женских гимназий (в том числе 4 – в уездных городах) с числом учащихся – 3454, 2 прогимназии (г. Наровчат и г. Керенск), епархиальное женское училище, женская школа Общества распространения профессионального образования. Профессиональное женское образование было представлено Татищевской ремесленной школой и школой сельских повитух (повивальная школа). Необходимо отметить, что учащиеся женского пола были учтены в Художественном училище им. Н. Д. Селиверстова (в этом году здесь

---

[1] Обзор Пензенской губернии за 1906 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1907. С. 53.

[2] Обзор Пензенской губернии за 1906 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1907. Ведомость № 15. О числе учебных заведений и учащихся в Пензенской губернии за 1906 г.

[3] Обзор Пензенской губернии за 1906 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1907. Ведомость № 15. О числе учебных заведений и учащихся в Пензенской губернии за 1906 г.

[4] ГАПО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

обучалось 19 девушек и 277 юношей)[1]. Всего на территории губернии действовало 1125 учебных заведений, в которых обучалось 97 859 учащихся, в том числе – 30 095 женского пола и 67 764 мужского (доля женщин в общем числе учащихся выросла до 30,8 %)[2].

Максимально демократичной по своему составу была повивальная школа. Так, в 1913 г. в повивальную школу было подано 88 заявлений о поступлении, в том числе 12 – из других губерний (Саратовской, Нижегородской, Тамбовской, Рязанской, Симбирской, Смоленской, Владимирской) от абитуриентов в возрасте от 17 до 28 лет (чаще 19–21 года)[3]. По социальному происхождению будущие повитухи распределились следующим образом: 30 мещанок, 33 крестьянки, 3 – из цеховых, 1 – из обер-офицерских детей, 3 – дети чиновников, 1 – вдова дворянина, 4 – представительницы духовенства, 1 – дочь личного почетного гражданина[4]. Обучалось в 1913 г. 49 учениц[5]. В 1915 г. число абитуриентов выросло до 113 человек[6]. Число учениц составило 43 человека[7].

В 1914 г. число женских гимназий в губернии выросло до 10 (одна – смешанного типа). В целом же число учебных заведений составило 1173 с 106 590 учащимися, из них 70 921 человек мужского пола и 35 669 – женского пола. Тем самым, по сравнению с 1872 г., число учащихся девочек в Пензенской губернии выросло в 28,5 раз, тогда как мальчиков – в 6,5 раз. Вместе с тем на фоне стремительного роста населения увеличение

---

[1] Обзор Пензенской губернии за 1913 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1914. Ведомость № 14. О числе учебных заведений и учащихся в Пензенской губернии за 1913 г.

[2] Обзор Пензенской губернии за 1913 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1914. Ведомость № 14. О числе учебных заведений и учащихся в Пензенской губернии за 1913 г.

[3] ГАПО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 17. ЛЛ. 1–12.

[4] Там же. ЛЛ. 1–12.

[5] ГАПО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 17. ЛЛ. 15–15 об.

[6] ГАПО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 19. ЛЛ. 1–17.

[7] Там же. ЛЛ. 24 – 24 об.

численности учащихся женщин почти полностью нивелировалось (всего 3,4 % от всей численности лиц женского пола)[1].

Женщины начали осваивать сферы образования, в которых они ранее не были представлены. Девушки появились в числе учащихся фельдшерской школы в г. Пензе: из 119 учащихся 30 – представительницы женского пола[2]. Данные о количестве учебных заведений и числе учащихся в них представлены в таблице 5.

Таблица 5

Число учебных заведений и учащихся в Пензенской губернии[3]

	1872 г.	1880 г.	1892 г.	1898 г.	1906 г.	1912 г.	1914 г.
Число учащихся	12041	22428	39161	48037	71960	90915	106590
в том числе: мужского пола	10796	19142	31434	38738	51609	60890	70921
женского пола	1248	3286	7727	9299	20351	30025	35669
Число учебных заведений	234	372	626	840	921	995	1173
в том числе: число гимназий мужских и прогимназий	2	3	3	3	3	5	6
женских гимназий и прогимназий	2	3	3	4	4	9	11

По подсчетам Н. В. Малышевой, с 1899 по 1914 г. количество общеобразовательных и специальных учебных заведений в губернском центре увеличилось с 14 до 18, а численность учащихся с 2385 до 5180, в том

[1] Обзор Пензенской губернии за 1914 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1915. С. 55–56.

[2] Обзор Пензенской губернии за 1914 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1915. Ведомость № 14. О числе учебных заведений и учащихся в Пензенской губернии за 1914 г.

[3] Подсчитано по: Обзорам Пензенской губернии за 1872, 1880, 1892, 1906, 1912, 1914 гг.; Полутина Е. В. Становление и развитие женского гимназического образования в городах мордовского края в конце XIX – начале XX в. // Интеграция образования. 2006. №. 2. С. 60 – 65.

числе мужского пола – с 1600 до 2625 (в 1,6 раза), а женского пола – с 785 до 2555 или в 3,25 раза[1].

В начале XX в. исследователи зафиксировали заметную демократизацию социального состава воспитанников средней школы. По данным Н. В. Малышевой, в 1907–1914 гг. доля выходцев из семей дворян и чиновников в мужских гимназиях сократилась с 39,6 до 32,5 %, в то время как в женских – с 32,0 до 21,7 %, и еще более значительно в частных учебных заведениях. Например, в женской гимназии Е. А. Сердобольской в Пензе данный показатель не превышал 12 %[2].

Серьезные подвижки в деле развития женского образования происходят в годы Первой мировой войны. Военный конфликт вызвал стремительный рост патриотических настроений и необходимость мобилизации всех ресурсов в целях национальной безопасности, что привело к утверждению гендерной толерантности и постепенному снятию ограничений в реализации гражданских прав для женщин. В июне 1915 г. по инициативе министра народного просвещения П. Н. Игнатьева Совет министров принимает постановление о разрешении зачисления женщин на свободные вакансии медицинского и физико-математического факультетов, медицинского факультета Саратовского и юридического факультета Томского университетов[3].

Для российской провинции откликом на социальный запрос становится развитие женского среднего (гимназического) образования. Большая часть из действовавших в регионе в 1915 г. гимназий была основана в первые десятилетия XX в. Отметим и утверждение общего тренда на уровне уездов, а также появление частных женских гимназий. В частности, в 1914 г. в г.

---

[1] Малышева Н. В. Общественно-политическое движение учащейся молодежи провинциальной России в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Среднего Поволжья): дис. … канд. ист. наук. Пенза, 1998. С. 36.

[2] Малышева Н. В. Указ. соч. С. 48.

[3] Иванов В. А. Высшая школа России в конце XIX – начала XX веков. Москва, 1991. С. 296.

Нижний Ломов статус гимназии получает прогимназия Добротиной, учрежденная ранее как частный пансион[1]. Данные о женских гимназиях в Пензенской губернии представлены в таблице 6.

Таблица 6

Женские гимназии Пензенской губернии в 1915 г.[2]

Города и селения	Год открытия	Год преобразования	Число параллельных классов	Число учащихся	Учащих	Средства содержания			Помещения
						Из	Прочие доходы	Всего	
г. Инсар Пензенской губернии женская гимназия	1906	1912	-	303	18	2704	15592	18296	городское, земское
г. Керенск Пензенской губернии женская прогимназия	1912	-	-	136	10	1578	9311	10889	земское
г. Краснослободск Пензенской губернии женская гимназия	1908	1911	-	323	18	1812	13410	15222	городское
г. Наровчат Пензенской губернии женская гимназия	1911	1914	-	91	10	-	5368	5368	наемное
г. Н. Ломов Пензенской губернии женская гимназия	1914	-	-	139	10	-	3975	3975	городское
г. Пенза женская гимназия №1 женская гимназия №2 женская гимназия с правом правительственной Сердобольской Е.А. частная женская гимназия Мансыревой и Шор	1870 1870 1904 1906	- 1902 1906 -	7 7 1 -	730 641 406 320	36 31 27 24	3000 5500 500 -	49357 28375 25600 18000	52375 33875 26100 18000	собственное наемное собственное наемное
г. Саранск женская гимназия	1875	1910	7	625	25	15000	25676	27176	городское
г. Чембар Пензенской губернии женская гимназия	1910	1913	-	272	18	-	16283	16283	городское

Таким образом, доступность образования для женщин выступала фактором исключительного значения, стимулировавшим рост социальной активности и общественной инициативы. В этом отношении Пензенская

[1] Открытие женской гимназии в Нижнем Ломове // ПГВ. 1914. № 155. С. 2.
[2] См.: Паршина В. Н. Указ. соч. С. 214.

губерния к началу реализации либеральных реформ представляла собой непаханое поле критического состояния. Вместе с тем низкий стартовый потенциал обеспечил стремительные и опережающие (по сравнению с учащимися мужского пола) темпы увеличения численности учащихся женщин, особенно заметные в первые десятилетия XX в.

Женская деловая и социально ориентированная инициатива в деле просвещения во второй половине XIX – начале XX вв. прошла в своем развитии путь от учреждения частных пансионов и ремесленных школ до проектов по созданию полноценных гимназий, что свидетельствует о становлении институциональной зрелости женского движения в российской провинции.

2.2. Трансформация дискурса фемининности в период военных конфликтов

В эпоху либеральных реформ второй половины XIX в. учредительный миф российской цивилизации «За Веру, Царя и Отечество», традиционно подпитывавший национальную идентичность, получил дополнительный импульс своего развития. В общем потоке эмансипации окрепло женское движение, отмечался масштабный рост социальной активности российских женщин гражданско-патриотической направленности, особенно ощутимый в годы военных испытаний.

Влияние военного фактора в повседневной жизни провинциалок проявляется посредством социально-политической коммуникации по вопросам организации рекрутских наборов и призывов новобранцев, мобилизационных кампаний, выполнения постойной и подводной повинности. По мнению П. П. Щербинина, собственно феномен женской «самодеятельности», гражданственности и самоорганизации мог реализоваться в традиционно-патриархальном укладе российской провинции

лишь в период войн и социальных катаклизмов[1]. Новый социальный статус «солдатки» давал женщине шанс «проявить самостоятельность, быть независимой», именно войны, массовые мобилизации мужчин, дефицит рабочей силы образовывали «лакуны», в которые «могли и прорывались возможности женской самореализации»[2].

Вместе с тем в условиях проявления глобальных вызовов и стремительного развития социальных технологий возрастает потребность в мобилизации ресурсов, форм и направлений сотрудничества и взаимопомощи, что стимулирует развитие социального волонтерства. Анализ деятельности подобных организаций в пореформенной России предоставляет ценные сведения о паттернах поведения различных социальных групп в эпоху ускоренной модернизации, раскрывая механизмы, которые способствовали адаптации общества к новым реалиям и укреплению его внутренней сплоченности. Ярким примером масштабного участия общества в деле социальной взаимопомощи является деятельность Российского Общества Красного Креста (РОКК). Интенсификации деятельности РОКК способствовало военное время, когда Общество «обеспечивало гуманитарную помощь военнослужащим и военнопленным, а также оказывало серьезную поддержку гражданскому населению, пострадавшему в результате военных действий»[3]. Распространение подобных социальных практик повлекло за собой открытие отделений на местах, обеспечило вовлеченность населения империи в работу РОКК и в мирное время.

---

[1] Щербинин П. П. «Военный фактор» в формировании гражданственности россиянок в 19 – начале 20 вв. // Женщина в гражданском обществе: Материалы VI конференции, посвященной теории и истории женского вопроса и женского движения / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. Санкт-Петербург, 2002. С. 98.

[2] Щербинин П. П. Там же. С. 99.

[3] Томан И. Россия и Красный Крест (1917-1945) = La Russieet la Croix-Rouge (1917-1945): La Russieet la Croix-Rouge (1917-1945): Красный Крест в революционном государстве. Деятельность МККК в России после Октябрьской революции 1917 г. 2. изд. Москва, 2002. С. 13.

Очевидным трендом пореформенной эпохи становится демократизация благотворительной деятельности: все более широкие массы населения находят свою «нишу» на ниве социальной помощи. Общественная благотворительность постепенно становится частью государственной системы социального обеспечения[1]. По всей стране возникают общины сестер милосердия, сочетавшие в себе традиции русской набожности и европейского гуманизма. Возникающие объединения продолжали традиции духовного подвижничества, исконные для русского общества[2].

Анализ деятельности РОКК позволяет сделать выводы об изменении роли женщин в России в пореформенный период. Участие в общественной деятельности, в частности, в работе таких организаций, как РОКК, дало женщинам разных сословий новые пути для самореализации, позволив им внести ощутимый вклад в общественную жизнь и развитие страны. Медицинское образование в этом ключе рассматривалось как средство изменения общественного статуса женщины, связанного с распространением гуманистических и либеральных идей[3]. Дело сестер послужило «убедительным примером того, какую важную роль может сыграть женский медицинский персонал в деле облегчения участи раненых на войне»[4]. Тем самым, появление профессии «сестра милосердия» послужило развитию российской медицины.

Новый формат «женской жертвенности» был осознан и представлен в российской публицистике уже современниками, непосредственными участниками Сербско-турецкой войны 1876–1877 гг. Так, Елена Осиповна

---

[1] Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX века). Санкт-Петербург, 2006. 648 с.

[2] Ковригина В. А. Здравоохранение // Очерки русской культуры XIX в. Т. 2: Власть и культура. Москва, 2000. С. 395–471.

[3] Косетченкова Е. А. Аспекты женского медицинского профессионального образования в России в конце XIX – начале XX в. // Фундаментальные исследования. Пенза, 2014. № 11–5. С. 1184.

[4] Соколова В. А. Организация общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста (1854–1918 гг.) // Клио. 2013. № 4 (76). С. 40–50. С. 42.

Лихачева (1836–1904), урожденная баронесса Косинская, жена известного общественного деятеля и журналиста В. И. Лихачева, в 1876 г. в качестве корреспондента «Отечественных записок» совершила поездку в Сербию с целью освещения конфликта от первого лица[1]. На протяжении 1876–1877 гг. она стала автором ряда критических статей, посвященных описанию положения русских добровольцев и организации благотворительной помощи[2]. Необходимо отметить, что случаи добровольчества со стороны русских женщин были распространенным явлением: представительницы разных сословий нередко тайком от семьи, на собственные средства отправлялись в Сербию. Так, в отряде княжны Н. Б. Шаховской было 30 сестер милосердия[3]. А в одном из писем русского добровольца А. Н. Хвостова говорится о существовании особой категории волонтерок, которую отличали: «протест и недовольство своим положением, масса ума, развитости, самостоятельности». Хвостов полагал, что они искали на войне лекарства от несчастной любви[4]. По всей видимости, основным мотивом русских волонтерок выступали не личные переживания, и в этом можно согласиться с А. С. Солоусовым[5], а самоидентификация себя как частного проявления мессианского имперского мифа о России, нового смысла аскезы как социального служения.

---

[1] Лихачева Е. О. Женщины в современной войне // Отечественные записки. 1871. Т. 194. № 2. С. 294–303; Ее же. Английская и русская благотворительность в Сербии (Письма из Белграда) // Отечественные записки. 1877. Т. 230. № 2. С. 275–285. Авторство Е. О. Лихачевой установлено С. С. Борщевским. См.: Борщевский С. С. «Отечественные записки» 1868–1884. Хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов, 1966. Позже Е. О. Лихачева получит известность как автор многотомного издания по истории женского образования в России с 1880 по 1903 гг. См.: Лихачева Е. О. Материалы по истории женского образования в России. Т. 4. (1856–1880). Санкт-Петербург, 1901.

[2] Солоусов А. С. К вопросу об участии русских женщин в Сербско-турецкой войне 1876–1877 гг. // Женщина в гражданском обществе: Материалы VI конференции, посвященной теории и истории женского вопроса и женского движения / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. Санкт-Петербург, 2002. С. 103.

[3] Солоусов А. С. Указ. соч. С. 104.

[4] Цит. по: Солоусов А.С. Указ. соч. С. 105.

[5] Солоусов А. С. Указ. соч. С. 105.

Призыв к единению и мобилизации всех социальных сил, освященный традицией духовно-нравственного служения и утверждением либеральных ценностей в русском общественном сознании, прозвучал на страницах провинциальной печати 12 апреля 1877 г. В телеграмме, перепечатанной из «Московский ведомостей» по случаю объявления войны Османской империи, с такой инициативой выступила «Ея Императорское Величество Государыня Императрица» Мария Александровна, высказавшая в рескрипте на имя Общества Попечения о Раненых и Больных Воинах «уверенность, что на всех краях нашего Отечества не оскудеют пожертвования на нужды больных и раненых воинов»[1].

Необходимо отметить, что идея создания местного управления Общества Попечения о Раненых и Больных Воинах утвердилась в октябре 1876 г. Информация о готовности к объединению была опубликована на страницах Пензенских губернских ведомостей. К этому времени действительными членами общества в Пензе уже состояли 33 человека, в том числе: А. А. Татищев, Л. А. Татищева, Р. К. Гельцер, В. С. Бекетова и др.[2] 19 октября 1876 г. в Губернаторском доме состоялось первое собрание членов местного управления Общества. Председательницей управления была избрана Л. А. Татищева, в деятельности управления с первых же дней принимала участие и М. М. Киселева. Общее число членов выросло до 51 человека[3].

Манифест о начале войны был обнародован в Пензе 18 апреля 1877 г. во время молебствия в Спасском Кафедральном соборе. Председательница местного управления общества Красного Креста Л. А. Татищева и член общества О. Д. Юматова организовали кружечный сбор («обошли

[1] ПГВ. 1877. № 44. 16 апреля. С. 4. Устав Общества попечения о раненых и больных воинах был утвержден императором Александром II 3 мая 1867 г. вскоре после ратификации Женевской Конвенции. Общество действовало под покровительством императрицы Марии Александровны.
[2] ПГВ. 1876. № 123. 16 октября. С. 5.
[3] ПГВ. 1876. № 125. 19 октября. С. 5.

молящихся одна с блюдом, а вторая с кружкой»). Присутствующие отнеслись к акции «в высшей степени сочувственно»: Л. А. Татищевой было собрано 197 руб. 61 коп., О. Д. Юматовой – 142 руб. 60 коп., итого 340 рублей[1].

Местная пресса оказала самую активную поддержку подобным начинаниям, на определенное время став рупором местного управления Общества Красного Креста. Здесь публиковались объявления о формировании в Пензе госпиталя на 200 человек, о том, что предстоят значительные по объему работы по шитью больничного белья и постельных принадлежностей. Посредством печати Л. А. Татищева приглашала «желающих оказать посильную услугу Обществу Красного Креста». С завидным постоянством публиковались объявления о приеме пожертвований на госпиталь с указанием адресов мест сбора. Имена дарителей публиковались в ведомостях «для всеобщего сведения»[2]. В частности, в апреле и мае газета сообщила о поступлении пожертвований на имя губернатора для передачи в местное управление Общества попечения о больных и раненых воинах из Мокшанского и Краснослободского Успенского женских монастырей[3].

В этом отношении Пензенские губернские ведомости воспроизводят летопись тиражирования практик социального служения. Так, 21 мая 1877 г. старший врач больницы губернского земства В. Д. Владимиров выступил на заседании управления общества с предложением открыть при больнице курсы «для подготовления лиц женского пола к правильному уходу за больными и раненными» и набрать 30 слушальниц. Это решение было встречено с воодушевлением и получило незамедлительную информационную поддержку[4].

---

[1] ПГВ. 1877. № 45. 19 апреля. С. 5.
[2] Там же. № 49. 28 апреля. С. 2.
[3] Там же. № 50. 30 апреля. С. 3; № 56. 14 мая. С. 4.
[4] Там же. № 60. 24 мая. С. 4.

Спустя несколько дней в газете было опубликовано объявление об открытии набора на курсы обучения сестер милосердия для «лиц женского пола всех христианских вероисповеданий, умеющих читать и писать по-русски и имеющих от роду от 20 до 45 лет». Отметим, что помимо заявления о желании «посвятить себя на служение обществу» от кандидаток требовалось предоставить удостоверение от полицейских властей о благонадежности («о несудимости и примерном поведении»); свидетельство мужа о его согласии «на принятие женой обязанностей сестер Красного Креста»; свидетельство о наличии прививки от оспы и документ, удостоверяющий возраст[1].

Социальный портрет желавших поступить в сестры милосердия позволяет составить делопроизводственная документация Общества Красного Креста, раскрывающая подробности набора на курсы. Так, из 55 просительниц[2] было отобрано 19 человек, предоставивших необходимые документы и владевших навыками чтения и письма («грамотных» или «плохо грамотных»), из которых к слушанию курсов приступило 16 женщин. Возраст слушательниц варьировался в диапазоне от 18 до 40 лет (от 20 до 30 лет – 8 человек). По своему семейному положению это были, в основном, девицы, 11 человек имели крайне скудное содержание и нуждались в пособии[3]. И только два человека предоставил документ о профессиональном образовании (Е. Н. Никифорова, 24 года и С. В. Попова, 27 лет). Так, С. В. Попова имела свидетельство акушерки от Императорского Казанского университета[4].

Отметим, что большинству просительниц было отказано по причине несоответствия условиям приема, причиной отказа чаще всего выступала неграмотность кандидаток. На этом основании вернули документы дочери

[1] ПГВ. 1877. № 62. 28 мая. С. 6.
[2] ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. ЛЛ. 59–60.
[3] Там же. Л. 58.
[4] Там же. Л. 29.

умершего дьячка Н. М. Богдановской, вдове, мещанке г. Наровчат М. Михеевой, солдатке А. И. Моргуновой, проживавшей в с. Большой Кавказ, вдове, солдатке Р. А. Башмачниковой, проживавшей в г. Наровчат и др.[1]

Местное управление обеспечило обучавшихся стипендией в размере 10 руб. на человека, а в дальнейшем слушательницам курсов, выдержавшим испытания, было назначено по 15 руб. в месяц содержания и 5 руб. 50 коп. столовых. Решение об официальном открытии курсов сроком обучения в 6 недель было принято постановлением Пензенского управления 5 ноября 1877 г.[2] Семь слушальниц, показавших удовлетворительные успехи, по рекомендации старшего врача были удостоены стипендии Управления в ноябре–феврале 1877 г. (Т. Мемнонова, М. Эпштейн, О. Пашкова, М. Пискунова, А. Тихомирова, С. Попова). Отметим, что на курсы был также зачислен и получал стипендию Михаил Вершинин[3]. Получившие прежде профессиональное образование были допущены к занятиям в хирургических отделениях госпиталей. 22 февраля 1878 г. комиссией Управления был проведен экзамен, по итогам которого в марте свидетельства на звание «сестры Красного Креста» получили 8 слушальниц курсов, на звание «санитара» – М. Вершинин. Всего же при Пензенском управлении Общества Красного Креста к 1878 г. состояло 17 сестер милосердия, в том числе одна – старшая, 2 были откомандированы в лазареты 159 пехотного батальона, 2 – местного батальона, 13 находились при больницах Красного Креста и губернского земства[4]. Таблица 7 характеризует социальное происхождение сестер милосердия и их возраст.

---

[1] Там же. Л. 10, 64.
[2] ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 61 об., 70.
[3] Там же. Л. 70 об., 83–85.
[4] Там же. Л. 84 – 84 об.

Таблица 7

Список на выдачу свидетельств от Пензенского Управления Общества Красного Креста в утверждении в звании «сестры Красного Креста» и «санитара»[1]

№п/п	Звание, имя, отчество и фамилия	Возраст, лет
7 марта		
1	Надежда Николаевна Иванова, из дворян, дочь коллежского асессора, девица	24
2	Татьяна Александровна Мемнонова, вдова коллежского секретаря	39
3	Ольга Ивановна Зверева, дочь священника, девица	25
4	Мария Михайловна Пискунова, дочь отставного унтер-офицера	21
5	Александра Ивановна Попова, купеческая дочь, девица	20
6	Марфа Ларионовна Эпштейн, вдова пензенского цехового	44
7	Михаил Григорьевич Вершинин, мещанин из г. Саратова	32
23 марта		
8	Елена Николаевна Никифорова, солдатская дочь	24
9	Ольга Федорова Пашкова, крестьянская девица	18

Следует отметить, что во время Русско-турецкой войны «Пензенские губернские ведомости» становятся массовым изданием, основным каналом распространения информации не только в городах, но и в сельской местности. С 1878 г., став ежедневной, газета составила реальную конкуренцию центральным изданиям. Вместе с газетами в виде приложений подписчикам в волостные правления высылались листки-приложения и карты со схемами военных действий. Свидетельством высокой потребности в информации были жалобы, что приложения не доходят до читателей[2]. В частности, во время посещения Лунинского волостного правления губернатор А. А. Татищев с удовлетворением отметил размещение на стене двух карт «Азиатской и Европейской Турций», полученных с Пензенскими губернскими ведомостями, и убедился, что крестьяне «в день получения

[1] ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 87 – 87 об.
[2] ПГВ. 1877. № 50. 30 апреля. С. 4.

Губернских ведомостей сходятся в волостное правление послушать, а грамотные и почитать новые сведения о войне и следить по картам, где что происходило»[1].

Ярким примером подвижнической деятельности становится участие супруги губернатора Лидии Арсеньевны Татищевой, известной в губернии благотворительницы и меценатки, возглавившей Пензенское отделение Общества попечения о больных и раненых воинах Красного Креста[2]. В мае 1877 г. Татищева пожертвовала 1000 рублей на нужды действующей армии, что «было доведено до сведения Августейшей покровительницы общества»[3]. Из означенной суммы 800 руб. предназначались на устройство временного госпиталя в г. Пензе, а 200 рублей – на пособия нуждающимся семействам нижних чинов, призванных на службу. Проявленная инициатива нашла поддержку в широких слоях населения: «Из Мокшана от г-жи Быстрениной получен тюк с корпиею и бинтами»; «от крестьян Мачинской и Студенской волостей Чембарского уезда получено 4 тюка с 1260 аршинами разного холста» для передачи в местное управление общества попечения о больных и раненых воинах[4].

Практики солидаризации и участия женщин, в первую очередь жен представителей имперской администрации были зафиксированы и на уездном уровне. Так, в корреспонденции из г. Городище отмечалось: «Не раз я был в церкви и всегда я видел исправника с кружкой в пользу Красного креста»; «Жена исправника пошла еще дальше: в базарный день вы встретите ее с кружкой Красного креста на площади»; «Почетную роль играет и жена

[1] ПГВ. 1877. № 56. 14 мая. С. 4.
[2] Сухова О. А., Паршина В. Н. Женское начало имперской модерности: благотворительность и социальное волонтерство в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. (на материалах Пензенской губернии) // «Женское наследие в культурах народов России и мира». Материалы XVII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Махачкала, 26–29 сентября 2024 г. / отв. ред. проф. Н.Л. Пушкарева; ред. проф. О. С. Мутиева, проф. Н. Н. Гарунова; сост. А. И. Громова, А. В. Жидченко: в 2-х ч. Москва, 2024. Ч. 2. С. 358–359.
[3] ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 38. Л. 1; ПГВ. 1877. № 57. 17 мая. С. 5.
[4] ПГВ. 1877. № 57. 17 мая. С. 5.

следователя: в ее дом сносится холст, нитки и корпии. Здесь, как и в доме исправника, все домашние заняты изготовлением и шитьем белья»[1].

Необходимо подчеркнуть, что все дамские инициативы изначально не позиционировались как противовес мужским начинаниям. В условиях военного конфликта проявилось скорее стремление к гендерному единению, равенству в участии. Так, в числе 54 жителей г. Керенска и Керенского уезда, вступивших в Общество попечения о раненых и больных воинах в качестве действительных членов с внесением не менее 10 рублей, встречаем 5 женщин: О. А. Броницкую, дочь дворянина; Е. В. Гартман, жену почетного гражданина; В. И. Казееву, жену купца 1-й гильдии Н. С. Казеева; Е. И. Хмырову, жену коллежского асессора; Е. И. Чубарову, жену штабс-ротмистра[2]. К 1 октября 1877 г. в составе 57 действительных членов значилась также С. Е. Жукова, «девица из дворян»[3].

11 сентября 1877 г. в Пензу в составе санитарного поезда из 23 вагонов прибыла первая партия из 130 больных и раненых воинов. В городе была организована торжественная встреча и молебен в присутствии губернатора, председательницы местного управления Л. А. Татищевой, членов общества врачей, сестер милосердия и «собравшейся многочисленной публики». Эмоциональным откликом на прибытие раненых стало решение об организации ежедневного дежурства в лазарете: «ввиду заявленного многими дамами Пензенского общества желания принять участие в ближайшем надзоре и уходе за больными и ранеными воинами Общество постановило учредить ежедневное дежурство из дам, установив каждодневное назначение их председательнице управления»[4].

Позже эта инициатива была оформлена как *дамский кружок* [курсив авт. – Н. К.] в составе 11 человек, включая саму Лидию Арсеньевну

---

[1] ПГВ. 1877. № 85. 21 июня. С. 5.
[2] Там же. № 78. 5 июля. С. 4.
[3] Там же. № 124. 20 октября. С. 6.
[4] Там же. № 108. 13 сентября. С. 3.

(Приложение 1). В ассоциации «почетных дам» состояли: жена поручика А. П. Полторацкая, дочь поручика М. Б. Полторацкая, вдова гвардии штабс-ротмистра С. В. Ранцева, дочь корнета Н. В. Караулова, вдова коллежского советника Н. Н. Борецкая, жена коллежского асессора, старшего врача Моршанско-Сызранской железной дороги М. Г. Васильева, жена поручика Л. С. Золотарева, жена штабс-капитана О. Ф. Шишко, дочь поручика В. А. Николаева, дочь статского советника С. В. Волкова, Л. М. Гуттер[1].

Необходимо отметить, что дежурство дам в больницах Красного Креста было учреждено в г. Пензе с момента прибытия раненых и больных («по начинанию председательницы местного управления Л. А. Татищевой»), поэтому, рассмотрев предложение Главного Управления от 24 сентября о поддержке инициативы Киевского местного управления о создании дамского кружка (на основании указания Августейшей покровительницы Общества Красного Креста на желательность возникновения обществ «по примеру Киевского дамского кружка» в других местах)[2], местное сообщество выразило солидарность и «оценивая вполне труды и заботы по устройству больницы председательницы местного Управления Л. А. Татищевой, единогласно избрали ее попечительницей своего кружка»[3].

Пензенские губернские ведомости опубликовали инструкцию распределения обязанностей волонтеров, расписание дежурств, отличительные знаки для участников (уставной знак Красного Креста на левом рукаве). Дежурства были назначены «с самого прибытия» раненых в две смены с 11 до 3 часов (С. В. Ранцева; Е. П. Канищева, М. А. Панчулидзева, Н. П. Микулина, В. Д. Летвинова, О. В. Летвинова, М. Г. Васильева, С. П. Микулина, М. А. Шторх, О. Ф. Шишко, Н. В. Караулова, Л. С. Золотарева), с 3 до 8 часов (В. А. Николаева, Н. Н. Борецкая, С. В. Волкова, Л. М. Гуттор, Р. К. Гельцер, С. Ф. Анненкова,

[1] ПГВ. 1877. № 118. 6 октября. С. 5; ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 22. Л. 14–14 об., 16.
[2] ПГВ. 1877. № 118. 6 октября. С. 4.
[3] ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 22. Л. 14–14 об.

М. П. Кликунова, С. Е. Николаевская, О. П. Елагина, М. Б. Полторацкая, А. П. Полторацкая, О. Ф. Шишко, М. А. Шторх)[1].

К осени значение подобных инициатив существенно выросло. Так, 23 октября 1877 г. в зале Пензенского городского общества состоялось экстренное собрание Пензенского Общества Красного Креста для решения вопросов об увеличении числа кроватей для раненых и больных воинов и о найме для этого помещения на средства общества, а также о производстве и поставке в действующую армию теплой одежды[2]. В начале ноября в г. Пензе были открыты еще два лазарета на 100 кроватей при 159 пехотном запасном батальоне[3].

Таким образом, Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала первым испытанием и одновременно мотиватором гражданской активности для женщин новой либеральной формации, выступивших медиаторами гражданского движения в помощь армии и Отечеству. Л. А. Татищева за свою деятельность по организации попечения больных и раненых воинов в августе 1878 г. была удостоена знака отличия Красного Креста первой степени[4].

Война с Османской империей показала необходимость квалифицированной медицинской помощи, поэтому после ее окончания Общество Красного Креста сфокусировало свое внимание на подготовке женского медицинского персонала. Это привело к увеличению количества общин сестер милосердия. Если с 1844 (дата возникновения первой общины, Свято-Троицкой) до 1876 года в Российской империи было создано 17

[1] ПГВ. 1877. № 118. 6 октября. С. 5.
[2] Там же. № 124. 20 октября. С. 8.
[3] Там же. № 134. 12 ноября. С. 8.
[4] ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 93. Л. 1.

общин, то с момента начала войны 1877–1878 гг. до 1903 года (принятие Нормального устава[1]) возникает уже 93 общины[2].

Пензенская община сестер милосердия была открыта 17 мая 1894 года председательницей местного управления Красного Креста Варварой Ильиничной Горяйновой. В. И. Горяйнова своей биографией пополняет ряд выдающихся женских портретов эпохи. Жена пензенского губернатора, Варвара Ильинична была почетным членом Общества, а также почетной попечительницей женской гимназии в Пензе[3].

Первоначально община располагалась в доме Бауера на Верхне-Пешей улице, а четыре года спустя переехала в двухэтажный каменный дом, купленный у господина Чемесова, с надворными постройками, большим участком земли и садом.

В 1896 г. община была принята под покровительство Императрицы Александры Федоровны с присвоением наименования «во имя Святой Великой княгини Ольги» в честь небесной покровительницы великой княжны Ольги Николаевны равноапостольной княгини Ольги, появившейся на свет в год основания Общины[4].

Бессменной председательницей совета общины с момента ее создания и до момента ликвидации в 1918 г. была Любовь Сергеевна Протасьева (урожденная Загоскина), состоявшая почетным членом Общества Красного Креста. Лично встречавшаяся в 1896 г. с императрицей Александрой Федоровной, Любовь Сергеевна была широко известна в публичном

---

[1] Нормальный устав общин сестер милосердия Российского Общества Красного Креста был Высочайше утвержден 13 мая 1903 г. Цель общины была сформулирована как «подготовка своего женского санитарного персонала для ухода за больными и ранеными как в военное, так и в мирное время». См.: Нормальный устав общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста: [утвержден 13 мая 1903 года]. Тобольск, 1903.

[2] Общины сестер милосердия Российской империи в 1844-1917 гг.: Энциклопедический справочник / Под общ. ред. свящ. А. В. Постернака. Москва, 2019. С. 79.

[3] Адрес-календарь служащих в Пензенской губернии за 1893 год: (приложение к Справочной книжке за 1893 г.). Пенза, 1893. С. 12, 35.

[4] См.: О наименовании Пензенской общины сестер милосердия «Община во имя Святой Великой княгини Ольги» // РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1896. Д. 10.

пространстве Пензенской губернии. Она состояла членом различных обществ вспомоществования, ей удалось добиться от Главного управления Российского Красного Креста денег на строительство больницы при Общине сестер милосердия на 40 мест, во время голода в Пензенской губернии в 1891–1892 гг. Протасьева открыла в Рамзае общедоступную бесплатную столовую[1]. Товарищами Председательницы стали действительные члены Общества Красного Креста А. А. Вярьвильская и княжна А. П. Максутова.

На момент основания в общине было 5 сестер милосердия, к 1 января 1897 г. число сестер увеличилось до 14, а к началу 1911 года в общине состояло уже 23 сестры милосердия (34 с испытуемыми)[2]. Эти данные не просто указывают на динамичное увеличение численности сестер милосердия, но и демонстрируют значительный рост интереса к сестринскому служению и расширение масштабов деятельности общины. Кроме того, данный тренд свидетельствует о растущем признании важности и значимости работы сестер в области медицинской помощи и социальной поддержки.

В первые годы сестры Пензенской общины трудились только в губернской земской больнице и в частных домах, что обеспечивало необходимую медицинскую помощь и уход на уровне региона. В дальнейшем сестры перенимали опыт работы в других общинах и осуществляли непосредственную практическую деятельность на местах сражений. Например, в 1897 г. сестры Софронова и Новосильцева проходили обучение массажу в Георгиевской общине в Санкт-Петербурге. 3 августа 1900 г. 5 сестер Пензенской общины, в том числе упоминаемая ранее старшая сестра Елена Софронова, были отправлены в Санкт-Петербург для

[1] Тюстин А. В., Шишкин И. С. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие. Т. 2. (М–Т). Москва, 2012. С. 124, 199.

[2] Отчет Пензенской общины сестер милосердия во имя Св. Ольги, состоящей под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны за 1911 год. Пенза, 1912. С. 4–5, 10, 12.

присоединения к отряду Георгиевской общины[1]. Из столицы отряд уже вместе с пензенскими сестрами направился в Одессу, а затем на пароходе «Царица» – в Порт-Артур для работы в больнице Красного Креста[2]. Финансовую помощь в командировании отряда оказало местное отделение Общества, затратившее на снаряжение и путевое довольствие 765 р. 2 к[3].

Во время Русско-японской войны Пензенская община приняла самое активное участие в деле служения раненым и больным воинам. В частности, 5 февраля 1904 г. в целях «усиления средств на организацию санитарного отряда» для отправки на Дальний Восток в здании Дворянского собрания А. С. Протасьевой, попечительницей Общины сестер милосердия, был устроен концерт. Зал для концерта был декорирован национальными флагами. В начале мероприятия прозвучал народный гимн, исполненный хором под управлением А. В. Касторского и военным оркестром. Сбор от концерта составил 741 руб. 57 коп. Протасьева высказала глубокую благодарность участникам концерта, типографии В. Н. Умнова, напечатавшей бесплатно афиши и программы, «и всей пензенской публике, чутко отзывавшейся на призыв о помощи нашим раненым воинам»[4]. Община сестер милосердия также проводила сбор пожертвований продуктами для больных и раненых в военное время. От населения принимались консервы, стерилизованные овощи, сгущенное молоко, кофе, чай, сахар, какао, шоколад, крупы. Был развернут госпиталь на 100 кроватей в г. Пензе[5].

---

[1] Отчет Пензенского местного управления Российского общества Красного креста за 1900 год. Пенза, 1901. С. 6.
[2] Общины сестер милосердия Российской империи в 1844–1917 гг.: Энциклопедический справочник / Под общ. ред. свящ. А. В. Постернака. Москва, 2019. С. 413.
[3] Отчет Пензенского местного управления Российского общества Красного креста за 1900 год. Пенза, 1901. С. 6.
[4] ПГВ. 1904. № 40. 11 февраля. С. 2.
[5] Там же. № 63. 5 марта. С. 1.

Отряд из 15 сестер и 4 волонтерок в развернувшийся госпиталь на 200 кроватей в Нерчинске был отправлен 24 марта 1904 г., спустя год, 7 марта 1905 г. на Дальний Восток выехал второй отряд из 4 сестер и 2 волонтерок[1].

Волонтерка Екатерина Владимировна Левитская, причисленная к числу сестер Пензенской общины, была направлена в Харбин и назначена патроном 20-го сводного госпиталя, состоявшего из 6 бараков по 125 человек каждый[2].

Следуя традициям участия женщин в оказании помощи раненым и больным воинам в период Русско-турецкой войны, 4 февраля 1904 г. по инициативе супруги губернатора Анны Ивановны Хвостовой[3] (Приложение 2), в г. Пензе был организован дамский комитет в составе 25 человек для изготовления белья и других вещей для госпиталя, устраиваемого местным управлением Красного Креста. Два раза в неделю по средам и воскресеньям в Губернаторском доме собирались дамы, желавшие принять участие в работе по изготовлению белья. Можно было брать работу на дом с тем условием, чтобы подготовить необходимое в срок для снабжения санитарного отряда, готовившегося отправиться на Дальний Восток[4]. На первое собрание дамского комитета собралось до 70 дам. Шитье белья производилось и в мастерской Татищевской женской ремесленной школы, а также в женской гимназии. Прием денежных и материальных пожертвований «для надобностей военного времени» производился в канцелярии губернатора, а

---

[1] Отчет Пензенской общины сестер милосердия во имя Св. Ольги, состоящей под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны за 1911 год. Пенза, 1912. С. 11–12.

[2] Общины сестер милосердия Российской империи в 1844-1917 гг.: Энциклопедический справочник / Под общ. ред. свящ. А. В. Постернака. Москва, 2019. С. 413.

[3] Хвостова Анна Ивановна (1866–1938), жена губернатора Пензенской губернии С. А. Хвостова (губернатор Пензенской губернии в 1903–1906 гг., стал случайной жертвой террористического акта на даче П. А. Столыпина). Имела 8 детей. Младший – Димитрий – родился в 1905 г. Поддержала инициативу своих предшественниц и приняла самое деятельное участие в акциях социального волонтерства и попечительства в годы Русско-японской войны, активно включилась в деятельность Общества поощрения трудолюбия; в марте 1904 г. утверждена в должности попечительницы Пензенской 1-й женской гимназии. См.: ПГВ. 1904. № 60. 2 марта. С. 3. После революции 1917 г. эмигрировала, но в 1923 г. вернулась в Россию, была репрессирована и расстреляна в 1938 г.

[4] ПГВ. 1904. № 33. 4 февраля. С. 3.

также по определенным местам (собственные дома и квартиры, здания земской больницы, 1-й и 2-й женских гимназий, Татищевской школы здании ученой архивной комиссии и пр.) членами дамского комитета[1]. К 18 февраля 1904 г. пожертвования в дамский комитет от разных лиц составили свыше 4000 рублей[2]. Аналогичные акции проводились и за пределами губернского центра. Так, 6 февраля 1904 г. любители драматического искусства провели благотворительный спектакль в помещении земской школы с. Иссы Инсарского уезда. На нужды войны было собрано свыше 40 рублей[3].

В рамках распространения заказов на изготовление белья для госпиталя 19 февраля 1904 г. председательницей Общества поощрения трудолюбия А. И. Хвостовой был реализован новый социальный проект – раздача работ на дом нуждавшимся женщинам: «В день открытия раздачи работ собралось очень много желающих получить [заказ – Н. К.]»[4].

В ноябре 1904 г. А. И. Хвостова, председательница дамского комитета, телеграфировала Главнокомандующему и начальнику санитарной части действующей армии об отправке комитетом вагона теплых вещей и белья[5]. Денежные пожертвования, поступившие в адрес дамского комитета в феврале–декабре 1904 г., составили 11 408 руб. 20 коп.[6] В качестве частного примера приведем инициативу земского начальника и населения 1-го земского участка Наровчатского уезда, которое «вследствие приглашения своего принести посильную лепту на снабжение теплой одеждою доблестных войск, сражающихся с японцами», собрало 526 руб. 30 коп. деньгами и вещами 24 пары валеных сапог, 1 полушубок, 1 пиджак, 3 рубахи, 2 кальсон, 6 пар варег и 4 пары носков. На собранные средства было закуплено 63

[1] ПГВ. 1904. № 35. 6 февраля. С. 3.
[2] Там же. № 49. 20 февраля. С. 3.
[3] Там же. № 39. 10 февраля. С. 3.
[4] Там же. № 49. 20 февраля. С. 3.
[5] Там же. № 310. 9 ноября. С. 3.
[6] Там же 04. № 356. 25 декабря. С. 3.

меховых полушубка, 42 пары валеных сапог и 48 аршин серого сукна. Все пожертвованное было направлено в распоряжение дамского комитета[1].

11 октября 1904 г. был организован дамский комитет в г. Нижнем Ломове для изготовления теплых солдатских вещей для действующей армии по почину Настоятеля Нижнеломовского Казанского монастыря. До 1 ноября было собрано 698 руб. 70 коп. От игуменьи Нижнеломовского женского монастыря поступило 80 пар чулок, 10 пар перчаток; от госпожи Фибих – 10 фланелевых рубашек; от г-жи Поповской – 10 фланелевых рубашек; от П. Т. Камендровской – 12 рубашек; от г-жи Лысковцевой – 10 рубашек; от жителей уезда холст и сукно. Пожертвования собирались в помещении уездной земской управы и на квартире Е. Н. Ягодинской[2].

Военные конфликты формировали особый экстремальный фон фемининности и служили фактором экстраординарного значения. В период войны и после ее окончания происходила актуализация одной из социальных ролей – солдатки, жены героя или безвестной жертвы войны. Войны эпохи модерна внесли серьезные изменения в повседневные практики солдаток, превратив их в акторов публичного пространства, вступавших во взаимодействие с губернскими и имперскими властями, с земским и городскими управами как получатели пособий, как глав хозяйств, заменивших ушедших на фронт мужчин, и т.д.

Так, в эпицентре событий по увековечиванию подвига В. Т. Рябова, одного из первых героев Русско-японской войны, оказалась его вдова Афимья и четверо малолетних детей. Коммеморативные практики сразу же приобретают стихийный и публичный характер. Первая панихида по «расстрелянному японцами на разведках в Манчжурии» Рябову состоялась 28 сентября 1904 г. в его родном с. Лебедевке Пензенского уезда[3]. На панихиде присутствовали жена, дети и родители героя, инспектор народных

[1] ПГВ. 1904. № 308. 7 ноября. С. 3.
[2] Там же. № 310. 9 ноября. С. 3.
[3] ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1146. Л. 23.

училищ П. Ф. Орелкин, учащиеся и учительница Лебедевского начального училища, в котором обучался покойный[1]. 3 октября «по почину директора народных училищ» Н. В. Автократова в Лебедевке состоялась еще одна панихида, в которой приняли участие: инспектор народных училищ П. Ф. Орелкин и начальница 1-й женской гимназии В. А. Николаева. По окончанию литургии в храме состоялось крещение дочери Рябова, родившейся уже после смерти отца. Восприемниками новорожденной стали П. Ф. Орелкин и В. А. Николаева[2]. Начинается сбор средств на поддержку семьи героя и строительство школы-памятника в Лебедевке. В числе активных жертвователей встречаем и В. А. Николаеву как актора региональной публичной сферы[3].

Бедственное положение вдов ратников вынуждало их (пусть и опосредовано в силу неграмотности) вступать в диалог с губернским начальством для удостоверения статуса «пропавшего без вести», чтобы получить основания для начисления пособия. Так, Анисья Трофимова Елкина, солдатка д. Овчарной Нижнеломовской волости того же уезда в январе 1907 г. обратилась к губернатору с просьбой о выдаче удостоверения о том, что ее муж, Ф. С. Елкин, считается без вести пропавшим. Свое обращение Елкина обосновала желанием снова выйти замуж, «потому что жить мне не при чем и средств к прокормлению себя никаких не имею и надел земли мужа моего общество от меня отняло»[4]. Важно учесть, что при отсутствии сведений о ратниках, не вернувшихся с войны, пособие их вдовам не назначалось.

Обращения солдаток порождали переписку канцелярии губернатора с Главным штабом и командованием воинских подразделений, где служили

---

[1] Власть и общество Пензенского края в XIII – XXI вв.: исторические аспекты территориальной интеграции и формирование региональной идентичности / под общ. ред. О. А. Суховой: монография. Пенза, 2024. С. 302.
[2] ПГВ. 1904. № 285. 15 октября. С. 1.
[3] Власть и общество Пензенского края... С. 305–306.
[4] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7728. Л. 15.

ратники, на предмет статуса военнослужащего. Так, в декабре 1906 г. солдатка Акинья Петрова Клокова, проживавшая в д. Рябкинский завод Краснослободского уезда, написала (продиктовала за неграмотностью) губернатору об отсутствии сведений о своем муже – рядовом 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Василии Федорове Клокове. Далее последовал запрос губернатора в Главный штаб и командиру 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. В ходе переписки выяснилось, что вся полковая документация была утеряна в период сражений. Единственным подтверждением факта службы были приказы за 1904 г., из которых следует, что В. Ф. Клоков служил в данном формировании во время осады Порт-Артура. Этот ответ и был «объявлен» солдатке[1].

В феврале 1907 г. солдатке Матрене Васильевой Нестеркиной за пропавшего без вести в «минувшую войну» мужа, унтер-офицера Ф. В. Нестеркина, проживавшего в с. Сузгарье Инсарского уезда[2], была назначена пенсия в 36 руб. в год, что было крайне недостаточным для содержания двух малолетних детей. В силу этого обстоятельства она решила обратиться к губернатору за помощью: «За время того, как муж мой поступил на войну у меня оставалось семь человек малолетних детей, при всем моем бедном состоянии наверное благоугодно было богу, а более всего от холода и голода на детей моих постигла болезнь и в короткое время померли пять человек»[3]. Расходы на лечение и похороны лишили Нестеркину «последнего достояния». Местное сельское и волостное начальство отказало ей в выдаче продовольственного хлеба и ссуды на обсеменение двух душевых наделов. Ее обращение к земскому участковому начальнику также осталось без внимания. В поисках мужа Матрена лично обращалась в «один

[1] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7728. Л. 1–5.
[2] 21 февраля 1905 г. Ф. В. Нестеркин получил ранение и был отправлен в госпиталь, но обратно в полк не прибыл и позднее был снят с учета как без вести пропавший. См.: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7728. Л. 18.
[3] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7728. Л. 20 об.

из московских Комитетов», где ее перенаправили к губернатору, что и объясняет происхождение пространного прошения с рассказом о бедственном положении семьи. Надо отметить, что прибавки к пособию Нестеркина так и не добилась[1].

После окончания военного конфликта Община сестер милосердия участвовала в борьбе с эпидемиями в Пензенской и соседних губерниях. В 1911 г. началось строительство собственной больницы, которая дала бы «возможность значительно расширить дело помощи больным и поставить на надлежащую почву подготовку сестер милосердия»[2]. Оборудование больницы при Общине, по словам Л. С. Протасьевой, было «заветным желанием Совета», а оказавшему помощь в этом благом начинании Председателю Главного Управления Д. Р. Вилькену «Пензенская Община останется вечно благодарна»[3]. Больницу планировалось построить на Дворянской улице, а на торжественную закладку прибыли начальник губернии, городской глава, общественные деятели и много публики.

Подобно тому как пензенские сестры милосердия командировались в соответствии с общественным запросом, Пенза также нуждалась в помощи сестер других общин. Причиной этому служили эпидемии тех или иных болезней, волны которых возникали на фоне голодных неурожайных лет. Так, в двух уездах Пензенской губернии в начале 1909 г. распространяется эпидемия сыпного тифа. В виду этого по ходатайству Земской управы, для организации помощи в борьбе с эпидемией в феврале в Пензу были командированы «два врачебно-санитарных отряда»[4]. Такие отряды, как правило, состояли из врачей и сестер милосердия, а финансирование на их

---

[1] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7728. Л. 18–22 об.

[2] Отчет Пензенской общины сестер милосердия во имя Св. Ольги, состоящей под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны за 1911 год. Пенза, 1912. С. 7.

[3] Там же. С. 12.

[4] Отчет Пензенского местного управления Российского общества Красного креста за 1909 год. Пенза, 1910. С. 3.

организацию и снабжение медикаментами выделялось Главным управлением. В составе командированных в Пензу отрядов прибыли врачи Л. А. Ландау и Л. И. Ляховский, а также восемь сестер милосердия Елизаветинской общины: П. А. Петрова, М. И. Попова, М. Н. Аргатюк, Н. В. Погорецкая, А. М. Назарова, А. Ф. Лебедева, И. Ф. Ляпери и Н. А. Руднева[1].

Врачи и сестры трудились в лазаретах и временно устроенных бараках под флагом Красного Креста в селах Саранского и Чембарского уездов Пензенской губернии. Помимо исполнения разных обязанностей (дежурство в лазарете, аптеке, прием амбулаторных больных, ведение хозяйственной части), сестры неоднократно командировались в разные селения для помощи больным на дому. Оставшиеся после расформирования отряда предметы снаряжения (медикаменты, припасы, белье и проч.) были переданы в Пензенскую общину сестер милосердия.

С 1912 по 1918 гг. Община осуществляла подготовку сестер на специальных курсах, а в 1913 г. вступила в строй собственная больница на 40 мест. В годы Первой мировой войны 133 сестры, в том числе военного времени и запаса, оказывали помощь в пензенском лазарете Всероссийского земского союза, земской больнице, на железнодорожном эвакуационном пункте. В то же время сестры работали в госпитале общины РОКК имени великого князя Михаила Александровича, Сердобском лазарете, в лазаретах Москвы, Варшавы, Екатеринбурга, Вольского кадетского корпуса в Саратовской губернии, в полевых подвижных госпиталях и военно-санитарных поездах. 17 апреля 1915 года был утвержден знак Пензенской общины сестер милосердия, который носился на муаровой ленте черно-

[1] Отчет Пензенского местного управления Российского общества Красного креста за 1909 год. Пенза, 1910. С. 4.

оранжево-белого цвета. Его удостаивались сестры, безупречно прослужившие в общине не менее 5 лет[1].

С началом Первой мировой войны 23 июля 1914 г. возрождается к жизни и добровольная ассоциация чрезвычайного порядка – Пензенский дамский комитет под председательством супруги губернатора Константции Христиановны Лилиенфельд-Тоаль[2] (Приложение 3). Уже 27–28 июля 1914 г. Пензенский Дамский комитет для оказания помощи воинам и их семьям провел акции кружечного сбора, собрав средства в 2151 руб. 25 коп. Постоянный сбор пожертвований комитет проводил ежедневно в доме губернатора[3].

Кроме того, 14 сентября 1914 г. Пензенские губернские ведомости сообщили об открытии Пензенского губернского отделения Комитета ее императорского высочества великой княгини Елисафеты Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Председателем отделения стал пензенский губернатор А. П. Лилиенфельд-Тоаль[4].

Постепенно основной функционал по организации помощи раненым солдатам, поступавшим в губернию, переходит к Пензенскому Губернскому Комитету Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. Председателем комитета был избран князь Л. Н. Кугушев. Земцы обеспечивали организацию всей текущей работы лечебных учреждений: создание лазаретов, патроната, эвакуационных пунктов, пунктов питания, заготовка медикаментов, обучение медицинского персонала, в том числе

[1] Общины сестер милосердия Российской империи в 1844–1917 гг.: Энциклопедический справочник / Под общ. ред. свящ. А. В. Постернака. Москва, 2019. С. 413–414.

[2] Константция Христиановна Лиленфельд-Тоаль, как и ее супруг, пензенский губернатор А. П. Лиленфельд-Тоаль (1910–1914 гг.) были членами Общества Красного Креста Комитета Пензенской Общины сестер милосердия.

[3] См.: ГАПО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 1; ПГВ. 1914. № 193, 194; Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн.1: 1914–1916 / Отв. сост. В. В. Кондрашин. Прага, 2014. С. 80.

[4] ПГВ. 1914. № 241; Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн.1: 1914–1916. С. 119.

сестер милосердия (Приложения 4–9), обеспечение питанием, одеждой и топливом. Первоначально в Пензенскую губернию планировалось направить до 3000 раненых воинов[1]. О том, что комитет использовал опыт женского волонтерства, полученный в периоды предшествовавших военных конфликтов, свидетельствует таблица 8.

Таблица 8

Количество и размещение раненых и больных воинов в Пензенской губернии на 31 октября 1914 г.[2]

Местоположение лазаретов	**Занято мест**	**Приготовлено мест**
Пенза		
Дворянское Собрание	0	100
Дом Грошева	0	100
Лазареты Пензенского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза помощи раненым воинам, в том числе:	1008	1113
Лазарет № 1 (больница Красного Креста)	*58*	
Лазарет № 2 (Дом Красного Креста на ул. Лекарской)	*34*	
Лазарет № 3 (семинарское общежитие)	*285*	
Лазарет № 4 (1-я мужская гимназия)	*344*	
Лазарет № 5 (Губернская Земская больница)	*6*	
Лазарет № 6 (Дом Губернатора)	*31*	
Лазарет № 7 (Кисилевская богадельня)	*9*	
Лазарет № 8 (переселенческий пункт)	*78*	
Лазарет № 9 (Дом Подтоптаной)	*76*	
Лазарет № 10 (Дом Дворянского Собрания)	*87*	
Мужской монастырь	6	6
Женский монастырь	17	17
Архиерейский сад	29	29
Итого по Пензе	**1060**	**1365**
В уездах		
с. Лунино	25	25
с. Грабово	20	20

[1] Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны: моногр. / С. В. Белоусов, О. А. Сухова, С.О. Юдин; под общ. ред. О. А. Суховой. Пенза, 2015. С. 288–290.

[2] ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10380. Л. 122. Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны: моногр. / С. В. Белоусов, О.А. Сухова, С.О. Юдин; под общ. ред. О.А. Суховой. Пенза, 2015. С. 292.

г. Саранск	3	199
с. Ромодановка	6	15
Пайгармский монастырь	0	100
с. Федоровка	0	6
с. Рамзай	0	30
с. Оленевка	16	16
ст. Рузаевка	0	100
Итого	**70**	**511**
В отдаленных местах	325	832
ВСЕГО	**1455**	**2708**

В частности, в первые же дни войны Пайгармский Параскево-Вознесенский женский монастырь пожертвовал в пользу Красного Креста 1000 рублей, подготовил лазарет на 25 больных и раненых воинов с содержанием и оборудованием за счет монастыря. 27 октября 1914 г. в г. Пензе состоялся съезд настоятелей и настоятельниц монастырей Пензенской епархии, по решению которого были увеличены взносы от монастырей на содержание церковных школ, открыты церковно-приходские школы с приютами для приема детей из осиротевших семейств, актуализированы традиционные формы социального служения: сбор пожертвований, организация лазаретов, «личные труды» по уходу за ранеными, изготовление необходимого для лазаретов белья[1]. Женские обители командировали на курсы сестер милосердия своих представителей: Пензенский женский монастырь – 15 сестер; Керенский Тихвинский женский монастырь –16 сестер; Виргинский – 2 сестры; Краснослободский, что на Флегонтовой горе – 7 сестер; Чуфаровский – 3 сестры[2]. В 1915 г. Пайгармский монастырь отвел для лазарета еще один дом для размещения 25 раненых в д. Быковке. Нижнеломовский Успенский женский монастырь отвел помещение для размещения 125 человек нижних чинов запасного

[1] Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн.1: 1914–1916. С. 128–129. ПГВ. 1914. № 22. 16 ноября. С. 941–942.
[2] Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн.1: 1914–1916 / Отв. сост. В. В. Кондрашин. Прага, 2014. С. 125.

батальона, пожертвовал для них 200 фуфаек и 100 пар теплых портянок и чулок[1]. За особые труды по социальному служению 1916 г. настоятельница Параскево-Вознесенской женского монастыря Инсарского уезда игуменья Евпраксия была награждена золотой с бриллиантовыми украшениями медалью на Андреевской ленте; казначей обители, монахиня Мария – наперсным крестом[2].

28 апреля 1915 г. состоялось торжественное открытие лазарета в Мокшанском Казанском женском монастыре. Здесь были размещены 25 раненых воинов[3]. При Керенском Тихвинском женском монастыре в течение 1915 г. действовал лазарет, открытый на собственные средства монастыря. Для ухода за ранеными в городских лазаретах командировано 14 сестер обители, убрано монастырскими средствами 10 десятин хлеба в хозяйствах призванных на войну лиц, пожертвовано на нужды войны 300 руб. золотом и т.д.[4] Всего с начала войны и по 1 января 1915 г. пожертвований от церквей, монастырей и духовенства поступило 21829 руб. 51 коп.[5] В 1915 г. на территории Пензенской епархии действовало 770 приходских попечительских советов, оказывавших меры социальной поддержки семействам лиц, призванных на войну[6].

Были зафиксированы и частные инициативы. Так, помещица О. П. Логвинова в своем имении в с. Шеине Керенского уезда оборудовала госпиталь на 40 раненых и полностью финансировала его содержание[7]. В общей сложности, по состоянию на 1 января 1916 г. по губернии числилось 69 лазаретов при 2922 койках. В Пензе находилось 10 лазаретов с общим

---

[1] Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн.1: 1914–1916. С. 169. ПЕВ. 1915. № 6. 16 марта. Часть неофициальная. С. 234–235.
[2] ПЕВ. 1916. № 10. 16 мая. Часть неофициальная. С. 379.
[3] Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн.1: 1914–1916. С. 200. ПЕВ. 1915. № 12. 16 июня. Часть неофициальная. С. 480–482.
[4] ПЕВ. 1916. № 5. 1 марта. Часть неофициальная. С. 203–204.
[5] ПЕВ. 1915. № 6. 16 марта. Часть неофициальная. С. 234.
[6] ПЕВ. 1916. № 5. 1 марта. Часть неофициальная. С. 203.
[7] ПГВ. 1914. № 261. 6 октября. С. 2.

числом коек – 1014 и 3 лазаретных отделения на 80 коек; в уездах функционировали 59 лазаретов на 1093 койки[1].

Городскими лазаретами с момента их открытия до 1 января 1916 г., было принято 14519 человек, выписано – 13697; в уездные лазареты поступило 8313 человек, из них выписалось – 6776. На оказание помощи больным и раненым за первые два года войны было привлечено более 1 млн., 960 тыс. руб., в том числе: из Главного Комитета Всероссийского Земского Союза поступило более 1 млн., 750 тыс. рублей (ежемесячно по 75 тыс. руб.); пожертвования составили около 100 тыс. руб., ассигнования земских управ – также около 100 тыс. руб.[2] Всего в годы Первой мировой войны в Пензе действовало десять лазаретов Пензенского комитета Всероссийского городского союза помощи раненым и больным воинам[3].

На средства ассоциаций в годы войны содержались детские приюты, богадельни, питательные пункты, дешевые столовые, хлебопекарни, бюро труда и пр.[4]

По мере втягивания России в военный конфликт и приближения гуманитарной катастрофы происходило масштабирование практик солидаризации в направлении создания ассоциаций социально-политического партнерства, инициатив местного самоуправления и далее независимых общественных организаций. Так, по телеграмме председателя Комитета великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий А. Б. Нейдгардта от 24 июля 1915 г., пензенскому губернатору А. А. Евреинову надлежало незамедлительно открыть пензенское отделение и пригласить в его состав «духовенство, дворянство, купечество, самоуправления, учреждения и

---

[1] Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны: моногр. / С. В. Белоусов, О. А. Сухова, С. О. Юдин; под общ. ред. О. А. Суховой. Пенза, 2015. С. 298.
[2] Там же. С. 299.
[3] См., в частности: фонды 92, 93, 94, 95, 96 ГАПО.
[4] ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–32.

благотворителей *обоего пола* [курсив авт. – Н.К.] всех вероисповеданий и национальностей»[1]. Губернатор по должности занял пост председателя комитета, товарищем председателя был избран губернский предводитель дворянства, действительный статский советник В. Д. Бибиков. В числе членов комитета мы обнаруживаем лишь одну женщину – супругу губернатора Ольгу Иосифовну Евреинову[2].

Помимо Татьянинского комитета в регионе действовал Пензенский губернский комитет помощи беженцам (созданный на базе губернской земской управы) под руководством председателя управы, князя Л. Н. Кугушева. В структуру комитета входило «исполнительное бюро», объединившее деятельность 10 комиссий, одну из которых – «по заготовке белья и одежды» – возглавила О. И. Евреинова[3].

Наконец, в Пензенском общественном комитете помощи лицам, пострадавшим от войны (под председательством присяжного поверенного Е. В. Титова), в составе Распорядительного бюро из 10 человек была только одна женщина – М. К. Путилова. О. А. Любенкова стала единственной представительницей слабого пола в Комитете помощи русским беженцам под председательством А. И. Попова, директора Пензенского отделения Торгово-Промышленного Банка[4].

В состав Пензенского педагогического комитета помощи пострадавшим от войны (председатель – директор реального училища Г. Г. Ягдфельд) вошли начальницы женских учебных заведений: В. А. Николаева, В. В. Беляева, Е. А. Сердобольская, М. Ф. Мансырева, а

---

[1] Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн.1: 1914–1916. С. 201.

[2] Личный состав Комитета ее императорского высочества великой княжны Татианы Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий и его местных отделений : (составлен к 1 мая 1916 г.). Петроград, 1916. С. 45.

[3] ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–3 об.; 10; 26–30.

[4] ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 об. – 28.

также многие преподавательницы учебных заведений, что свидетельствует о гендерном паритете в провинциальной системе образования[1].

Исключительно женской организацией в годы Первой мировой войны был Пензенский дамский комитет, председательницами которого по сложившейся традиции становились жены губернаторов: сначала Констанция Христиановна Лилиенфельд-Тоаль, а затем Ольга Иосифовна Евреинова. В состав правления комитета вошли лучшие представительницы региональной элиты: В. А. Аксенова, Е. Н. Бибикова, О. В. Бржезицкая, М. С. Гросицкая, А. Ф. Гельпей, И. А. Иванова, М. Н. Колюбакина, Ф. Л. Павлова, Е. А. Плотникова, Е. Ф. Рудзевич, С. Ф. Свинухова, Е. С. Солнышкина, В. М. Толстая, А. А. Фоминых, Н. М. Ходакова, Е. Д. Чучкевич, Л. А. Шапошникова, Е. К. Штукенберг и Е. В. Щепетильникова[2].

Отметим также, что в уездных центрах были созданы земские комитеты помощи беженцам, в пределах уездов – волостные и сельские попечительства, но здесь представительство женщин было минимальным, за исключением Рузаевского комитета, в составе которого встречаем М. Н. Фокину, А. Н. Емельянову, В. Я. Дикареву, Е. В. Борисову (из 12 членов и руководящего состава)[3].

Вместе с тем адаптационные практики, имея общую природу происхождения, проявлялись в разных формах: с одной стороны, аскезы и принесения «жертвы»; с другой – в форме массовой стихийной агрессии. Феноменом, рожденным экстремальной повседневностью первого глобального военного конфликта, становятся «бунты солдаток» – массовые и стихийные проявления культуры женского сопротивления. Действительно, в первые же дни войны в действующую армию было мобилизовано около 2,5

[1] ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.
[2] Там же. Л. 28 об. – 29.
[3] Там же. Л. 29 об. – 30.

млн человек или 14 % трудоспособного мужского населения[1]. На введение запрета на продажу вина призывники откликнулись погромами казенных винных лавок, вовлекая в этот процесс все население деревни, включая женщин и детей обоего пола[2]. Указание на массовое участие женщин в выступлениях, спровоцированных в том числе отсутствием информации о содержании семей военнослужащих или о несвоевременной выдаче пособий семьям солдат, плохо коррелируется с констатацией пассивности крестьянок[3].

В период Первой мировой войны солдатки оказались в эпицентре сопротивления землеустроительным работам, проводившимся в рамках аграрной реформы[4]. Основным мотивом протестных настроений выступало ущемленное чувство социальной справедливости и защита интересов семьи в отсутствии значительной части мужчин. По данным А. М Анфимова, в Пензенской губернии к лету 1917 г. осталось без работников 29,2 % крестьянских хозяйств[5]. Так, в октябре 1916 г. в с. Курташки Краснослободского уезда известие о проведении землеустроительных работ и межевания земли для выделения отрубных участков послужило поводом к массовым беспорядкам со стороны солдаток: «…бабы-солдатки и мальчишки от 12 до 15 лет выбили окна у выделяющихся вышеназванных крестьян, растащили соломенную крышу с одной кладовой, развалили печь в бане и поломали фруктовый сад, причинив убытку до 300 рублей»[6]. Основным

---

[1] Беркевич А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. Москва, 1947. Т. 23. С. 13.

[2] Сухова О. А. «Общинная революция в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007. С. 213–217.

[3] Петайкина М. В. Становление женских социальных и политических движений в Саратовской, Самарской и Симбирской губерниях в начале XX века: 1900–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2009. С. 13, 17.

[4] Сухова О. А. Указ. соч. Пенза, 2007. С. 225.

[5] Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917) / А. М. Анфимов. Москва, 1962. С. 189.

[6] ГАРФ. Ф. 102. 4-е Д-во. 1916. Оп. 125. Д. 49. Ч. 1. Л. 1–1 об.

требованием погромщиц стал запрет на выдел земли в отсутствии мужчин. Отмену землеустроительных работ по выделу отрубов (29 ноября 1916 г.) следует рассматривать как признание «женского» фактора роста погромных настроений в империи[1].

Следует отметить, что образы солдатки и солдата станут доминирующими в городской повседневности, основой для формирования эмоционального фона переживаний экстремального бытия. Так, в начале января 1916 г. пензенский крестьянин В. А. Мишнин запишет в своем дневнике: «Встаю в 10 часов. Иду к Петропавловской. Обедня уже на исходе. Одни солдаты и женщины»[2].

Феномен «бабьего бунта» не отменяет массового характера патриотического движения в женской среде. Даже в мае 1917 г. на пике роста антивоенных настроений в Петрограде проходили и патриотические митинги. На одном из них 21 мая 1917 г. Мария Леонтьевна Бочкарева призвала женщин России подать пример самопожертвования. Как отмечает Р. Стайтс, в ту же ночь в женский батальон записались 1500 женщин, на следующий день пришло еще 500 человек[3].

Примером выбора маскулинного варианта служения выступает биография Марии Владиславовны Лысовой (в замужестве Михно), пензенской дворянки и землевладелицы, получившей в 1913 г. в приданое небольшое имение в 315 десятин при с. Дубенском Загоскинской волости Пензенского уезда. Венчание М. В. Лысовой и И. С. Михно состоялось 16

---

[1] Сухова О. А. «Общинная революция в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007. С. 226.

[2] Мишнин В. А. «Такое ведь счастье, остаться в этой гигантской войне живым». Дневник солдата. 1 октября 1915 г. – 29 января 1918 г. // Земство (Пенза). 1995. № 2. С. 109.

[3] Стайтс Р. Феминистское движение и большевики: Февральская и Октябрьская революции 1917 г. // Гендерная реконструкция политических систем. Санкт-Петербург, 2004. С. 306.

октября 1913 г. в Введенской церкви г. Пензы[1]. После свадьбы молодожены намеревались остаться в Пензенской губернии, но в августе 1914 г. штабс-капитан И. С. Михно отправился с полком на фронт, где вскоре был тяжело ранен. После ранения он вернулся домой к жене, но 19 ноября 1914 г. скончался. Похоронен Михно на Митрофаниевском кладбище г. Пензы. Спустя несколько дней после похорон Мария стала матерью. И тем не менее молодая вдова обращается к Великой княжне Ольге Николаевне, шефу Третьего гусарского Елизаветградского полка с просьбой о зачислении в это воинское подразделение добровольцем[2]. Просьба ее была удовлетворена, и с весны 1915 г. Мария Михно сражается на фронтах Первой мировой войны в 5-м эскадроне гусарского полка. За годы войны Мария получила два Георгиевских креста. В ноябре 1917 г. она вернулась на родину[3]. Впоследствии Мария Михно (во втором браке – Захарченко) вступила в Добровольческую армию А. И. Деникина, а после эмиграции – в боевую организации генерала А. П. Кутепова (в Париже, 1923 г.). Погибла во время выполнения задания на территории СССР в июне 1927 г.[4]

В общей сложности, по мнению Джейн Макдермид и Анны Хиллар, в составе вооруженных сил Российской империи в период Первой мировой войны находилось до 5 тысяч женщин[5].

Таким образом, волна патриотических настроений, охватившая российское общество с началом Первой мировой войны, способствовала расширению масштаба и демократизации благотворительной деятельности. Это нашло свое выражение в деятельности РОКК и его местных отделений.

---

[1] Рассказова Л. В. Беспрерывный подвиг. Биографический очерк-исследование о М. В. Захарченко. Москва, 2008. С. 44.
[2] Там же. С. 48.
[3] Там же. С. 57.
[4] Рассказова Л. В. Захарченко Мария Владиславовна // Пензенская энциклопедия. В 2-хт. Т. 1. Пенза, 2019. С. 440.
[5] McDermid J., Hillyar A. Women and work in Russia, 1880–1930: a study in continuity through change. London; New York, 1998. P. 140.

Особое место в работе РОКК отводится женщине, принявшей на себя роль активной жертвовательницы и квалифицированной сестры милосердия.

Личный пример нравственного служения, демонстрируемый провинциальной политической и социальной элитой, стал эталонным образцом поведения в период социальной трансформации пореформенной эпохи. Провинциальные дворянки, принимая на себя инициативу в организации социальных программ и помощи нуждающимся, активно формировали новую норму духовно-нравственного служения (аскезы). Их действия способствовали формированию общественного понимания и принятия идеалов самопожертвования и заботы о ближнем. Эти женщины занимались не только организацией благотворительных акций, но и внедрением эффективных практик по социальной помощи, создавая тем самым основу для новых социальных стандартов.

Вместе с тем Первая мировая война оказалась беспрецедентным в истории вызовом для социальных институтов и практик адаптации. Экстремизация повседневности способствовала росту радикальных настроений и деструктивной социальной активности, фемининный спектр которой оказался ярко выраженным и проявился в движении солдаток, защищавших свою семью и хозяйство в отсутствие мужей.

2.3. Практики социального и духовно-нравственного служения в российской провинции

Частная и общественная благотворительность[1] как безвозмездная инициативная помощь нуждающимся, выстроенная на прочном фундаменте

[1] С. В. Пашенцева определяет благотворительность как «нравственно обусловленную, гуманистически ориентированную деятельность единичных или социально организованных субъектов». Предметная область благотворительной деятельности измеряется совокупностью потребностей человека в социальной, бытовой и культурно-

православной идентичности, стремлении к эталонам жертвенности и аскезы, в период либеральных реформ 1860-х – 1870-х гг. вступает в новый этап своего развития. В условиях эмансипации специфика феминности, априори предполагавшая высокую адаптивность и заботу о других[1], незамедлительно вызвала стремительное тиражирование практик социального и духовно-нравственного служения женщин. По мнению А. Линденмайер, именно эта ниша дала доступную и социально поощряемую возможность русской женщине стать актором гражданского общества. Комплекс добродетелей, предположительно присущих только женщинам, – сострадание, смирение и, прежде всего, служение другим – узаконил их переход от частной жизни к жизни общественной[2].

После принятия Положения о губернских и уездных земских учреждениях, а также Городового Положения, определивших одним из направлений деятельности общественного управления устройство и материальное обеспечение богаделен и больниц[3], существенно изменились нормативно-правовые основы благотворительной деятельности[4]. Приказы общественного призрения были упразднены, а реализация функции социального обеспечения была возложена на земские учреждения и учреждения городского самоуправления. Право частных лиц и общественных объединений регламентировалось требованиями утверждения Устава Министерством внутренних дел, а также предоставления ежегодной

образовательной сферах. См.: Пашенцева С. В. Правовой статус и структура женских благотворительных обществ России конца XIX – н. XX века. Москва, 1999. С. 5.

[1] Савелова М. А. Маскулинность и феминность как ключевые категории гендерной теории // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2011. № 5–6. С. 43–47.

[2] Lindenmeyer A. Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762–1914 // Sings: Journal of Women in Culture and Society, 1993. Vol. 18, Nr. 3. P. 586.

[3] ПСЗ. 2 изд. Т. 45. № 48498.

[4] Правовая регламентация социального попечительства в XIX в. осуществлялась в рамках Устава об общественном призрении. См.: Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1915 года / Россия. Законы и постановления. Петроград, 1915. Т. 13: Устав об общественном призрении. 1915.

отчетности[1]. Вместе с тем действовавшее законодательство не определяло системы контроля и ответственности должностных лиц за ненадлежащее или неисполнение ими служебных обязанностей, что обеспечивало факультативный (необязательный) характер социального призрения. С другой стороны, решение многих вопросов требовало обращения к властям, в том числе имперского уровня. В целом, исследователи отмечают несовершенство и даже неудовлетворительное состояние законодательства Российской империи в области благотворительности[2].

Следует отметить, что первый шаг в деле раскрепощения инициативы социального служения сделала Русская Православная Церковь, что особенно ярко проявилось в генезисе женских общин. Первые женские монастыри появляются на территории Пензенского края еще в XVII в., например, Богородице-Одигитриевский Инсарский, Печерский девичий монастырь в г. Инсаре, Покровский женский, Рождественский Починковский – в г. Краснослободске, Успенский Троицкий в г. Троицке. Однако в 1764 г. в русле насаждения секуляризационной модели государственно-конфессиональных отношений данные обители были упразднены[3]. Пореформенный же период отмечен существенным ростом женщин-монахинь и, соответственно, женских монастырей. При этом все религиозные общины начинали свою деятельность как богадельни[4]. Так, Чуфаровский Троицкий общежитийный монастырь с 1868 г. именовался богадельным домом, а с 1877 г. общиной. Был утвержден монастырем в 1885 г. Аналогичной была ситуация и с Краснослободским Успенским монастырем,

---

[1] Устав о общественном призрении // Свод Законов Российской империи. Т. XIII. Санкт-Петербург, 1892.

[2] Пашенцева С. В. Правовой статус и структура женских благотворительных обществ России конца XIX – начала XX века. Москва, 1999. С. 18, 45.

[3] О Пензенских монастырях, существующих и упраздненных // ПЕВ. 1902. № 12. 16 июня. Ч.Н. С. 494–495, 502, 504.

[4] Гусева Т. М. Женские монастыри как центры духовной культуры Мордовского края // Центр и периферия: культура российской провинции / отв. ред. и сост. Т. М. Гусева. Т. 7 (124). 2008. С. 84.

основанным «под именем богадельни», а потом общины и монастыря[1]. Тем самым спецификой создания женских общин становится их благотворительная (призренческая) направленность. Здесь появляются больницы, не уступавшие своим оснащением земским медицинским учреждениям, открываются медицинские курсы и т.д. Так, в отчетной документации по Пензенской епархии за 1898 г. сообщалось, что Пензенский, Ковыляевский и Керенский женские монастыри содержали «в устроенных при них больницах 58 лиц», обители Краснослободского уезда – Успенский, Чуфаровский Троицкий монастыри, Городищенского – Шиханский Покровский монастырь (частью на средства княгини Оболенской) призревали 163 лица[2].

В начале XX в. в губернии в общей сложности действовало 13 женских религиозных общин, в том числе: Пензенский Троицкий монастырь (основанный в 1690 г.); Шиханский Покровский монастырь в Городищенском уезде (основанный как община в 1890 г.); Параскево-Вознесенский (Пайгармский) общежитийный монастырь в Инсарском уезде (первоначально – община; 1865 г.); Знаменский женский монастырь при с. Ключищах Инсарского уезда (1883 г.); Керенский Тихвинско-Богородицкий общежитийный монастырь в г. Керенске (1851 г.); Краснослободский Успенский общежитийный монастырь в г. Краснослободске («основан под именем богадельни в 1810 г., потом общины, в 1861 г. был возведен в монастырь»); Ковыляйский Троицкий общежитийный монастырь в Краснослободском уезде («возник в 1862 г. в виде богадельни, с 1865 г. именовался общиной, а в 1875 г. возведен в монастырь»); Александровский, что на Флегонтовой горе монастырь Краснослободского уезда («возник в виде богадельни в 1889 г., обращен в общину в 1896 г. и возведен в монастырь в 1901 г.»); Мокшанский Казанский общежитийный монастырь в

[1] Пензенская епархия. Историко-статистическое описание. С картою Пензенской губернии. Пенза, 1907. С. 307, 311.
[2] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1405. Л. 10–10 об.

г. Мокшан (1861 г.); Нижнеломовский Успенский общежитийный монастырь в г. Нижний Ломов, («утвержден общиной в 1849 г.); Тихвинский общежитийный монастырь при д. Куриловке Саранского уезда («с 1860 г. именовавшийся Серафимовской общиной, в 1890 г. возведен в монастырь») Чуфаровский Троицкий общежитийный монастырь в с. Чуфарове Саранского уезда («с 1868 г. именовавшийся богаделенным домом, с 1877 г. общиной, утвержден монастырем в 1885 г.»), Зиновская Рождество-Богородская община в Саранском уезде (1903 г.)[1].

Формы общественного призрения и типы благотворительных учреждений в доиндустриальную эпоху окончательно сложились в первой половине XIX в. В числе закрытых форм призрения исследователи называют сиротские дома, приюты, дома умалишенных, больницы и богадельни. К открытым же относились: выдача ссуд, денежных пособий, раздача милостыни, вещевая, продуктовая помощь и пр.[2] В пореформенную эпоху наблюдается смещение приоритетов от призрения немощных к поддержке дела образования. Так, в 1854–1859 гг. при женской духовной богадельне в Казанской церкви было отведено помещение для обучения девочек духовного звания[3]. Как отмечает Т. М. Гусева, в середине XIX в. в женских монастырях появились первые школы, а к началу XX столетия наличие школы становится неотъемлемой практикой монастырского социального служения. Самым крупной «школой-церковью» в Пензенской губернии являлся Пайгармский Параскево-Вознесенский женский монастырь, возникший на базе общины, созданной при деятельной поддержке М. М. Киселевой. 16 сентября 1864 г. на имя Антония, епископа Пензенского и Саранского, поступило прошение от круга благотворителей: статской

[1] Пензенская епархия. Историко-статистическое описание. С картою Пензенской губернии. Пенза, 1907. С. 304–311.
[2] Разуваева Н. А. История российской благотворительности во второй половине XIX – начале XX вв.: По материалам Пензенской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. С. 49.
[3] Памятная книжка Пензенской губернии за 1911–1912 гг. Пенза, 1911. С. 90.

советницы Марии Михайловны Киселевой и государственных крестьян сел Болдова и Мордовской Пишли Инсарского уезда: В.И. Губкова, П. и Д. Костиных, Н. М. Росланкина, а также отставного унтер-офицера С. А. Захарова о получении разрешения на открытие женской общины на отмежеванной лесной даче, с ярмарочным на ней местом, при деревне Пайгарме, где издавна была устроена часовня с иконой Святые мученицы Параскевы, что «с особенным благоговением» почитается всеми православными, и «куда является очень много богомольцев из разных мест» (ныне – с. Пайгарма Рузаевский район Республики Мордовия). В итоге Киселева приобрела 20 десятин, Губков 16 десятин, а в общей сложности пожертвования составили 46 десятин земли. Перспективы развития обители жертвователи связывали с получением дохода от организации ярмарки в месте обустройства общины «в девятую пятницу по пятидесятницы», а также с возведением на реке Пайгарме мукомольной мельницы[1].

Высочайшее соизволение об учреждении Параскево-Вознесенской женской общины под ведением духовного начальства последовало 19 июня 1866 г[2]. Насущной проблемой стало возведение храма. Строительные материалы были пожертвованы Марией Михайловной, и уже 11 сентября 1866 года впервые раздался звон церковного колокола. Статус общежительного женского монастыря община получила в 1884 г[3]. В течение всей своей жизни Мария Михайловна делала пожертвования этой обители[4].

Структура учреждений социально-благотворительного служения Параскево-Вознесенского женского монастыря включала в себя больницу, четыре школы, приют для крестьянских девочек, интернат для дочерей священников и богадельню. Кроме того, монастырь выделял значительные

[1] РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 1062. Лл. 1–2 об.
[2] Там же. Л. 15.
[3] Попов А. Е. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии. Пенза, 1896. С. 254.
[4] Дорофеева Т. Г. Мария Михайловна Киселева. Подвиг беззаветного служения // Annali d’Italia. 2022. № 31. С. 91.

средства на поддержку воспитанников в земских благотворительных учреждениях[1].

В 1884 г. церковно-приходские школы действовали в семи женских монастырях (см. таблицу 9).

Таблица 9

Ведомость о числе девиц духовного звания сиротствующих и бедных родителей, обучающихся в училищах, учрежденных при женских обителях Пензенской епархии. 1884 г.[2]

№	Наименование обители	Обучается	Численность сирот
1.	Пензенский Троицкий женский монастырь	13	13
2.	Мокшанский Казанский женский монастырь	9	9
3.	Керенский Тихвинский женский монастырь	6	6
4.	Краснослободский Успенский женский монастырь	6	6
5.	Нижнеломовский Успенский женский монастырь	7	6
6.	Краснослободский Троицкий женский монастырь	4	4
7.	Параскево-Вознесенская женская община	3	3

В 1914 г. только в школе-приюте при Пайгармском женском монастыре содержалось 70 девочек-сирот. В приюте воспитанницы обучались грамоте в программе церковно-приходских школ и рукоделию[3].

В голодные годы монастыри оказывали масштабную продовольственную помощь (открывались столовые, осуществлялась раздача хлеба). Так, Параскево-Вознесенский женский монастырь с октября 1891 г. по январь 1892 г. ежедневно кормил от 60 до 100 человек «наиболее нуждавшихся крестьян из соседних деревень». При Пензенском женском

[1] Гусева Т. М. Указ. соч. С. 84.
[2] ПЕВ. 1884. № 2. 15 января. Отдел официальный. С. 7.
[3] Обзор Пензенской губернии за 1914 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1915. С. 52.

монастыре кроме приюта для детей была также открыта столовая на 25 человек[1]. За период с 15 марта по 1 июня, когда столовые при монастыре были закрыты из-за эпидемии сыпного тифа, в Параскево-Вознесенской обители получало питание 196 человек взрослых и детей из Пайгармы (74 человека), Быковки – 23, из д. Могилевки – 51 человек, из дд. Усада, Труслай и Красного Болота – 48 человек. Кроме того, монастырь раздал свыше 1300 пудов хлеба нищим[2].

Традиционные формы монастырской благотворительности включали в себя, как правило, богадельню, сиротский приют и больницу для местного населения[3]. Помимо того, благотворительность в среде духовенства осуществлялась через создание епархиальных, а затем церковно-приходских попечительств, действовавших на основе Положения «О призрении бедных духовного звания» 1823 г. и Положения о церковноприходских попечительствах от 2 августа 1864 г.[4] Выборные благотворительные общественные организации – церковно-приходские попечительства – учреждались общим собранием прихожан на определенный срок. Временем становления приходских попечительств в Пензенской епархии исследователи называют 1868 г.[5] В 1895 г. в губернии действовало 141 попечительство (в то время как количество приходов превысило 1000), а к 1900 г. число попечительств возросло до 282[6]. Вместе с тем следует признать, что фемининное начало приходских попечительств было представлено единичными случаями, как правило, в объединениях губернского центра (например, в составе попечительства пензенской Николаевской церкви,

[1] ПГВ. 1892. № 3. 5 января. С. 3.
[2] Там же. № 144. 9 июля. С. 3.
[3] Гусева Т. М. Указ. соч. С. 84.
[4] Пашенцева С. В. Правовой статус и структура женских благотворительных обществ России конца XIX – начала XX века. Москва, 1999. С. 11.
[5] Кошелева А. И. Гласность и Церковь: православное духовенство Пензенской и Самарской епархий пореформенного периода. Москва, 2024. С. 223.
[6] Догаева В. П. Буржуазно-либеральные реформы 1860–1870-х гг. в Пензенской губернии // Пензенский край в истории и культуре России / под ред. О. А. Суховой. Пенза, 2014. С. 144–145.

почетными членами которого состояли губернатор и вице-губернатор, а также «несколько дам»[1].

В 1890-е гг. новой формой благотворительности для женских монастырей стала поддержка Православия в Святой Земле и русского паломнического движения. Обители приняли активное участие в создании и деятельности регионального отдела Российского Императорского Православного Палестинского общества. Настоятельницы всех женских монастырей стали членами-сотрудниками ассоциации (пожизненно), пожертвовав единовременно по 200 руб. Заявления о вступлении в общество (в отделения поддержки Православия в Св. Земле и пособия русским паломникам) были направлены на имя председателя Пензенского отдела, епископа Павла (Вильчинского) от настоятельницы Краснослободского Успенского женского монастыря игуменьи Евстолии 16 августа 1894 г.; настоятельницы Керенского Тихвинского женского монастыря игуменьи Анастосии 22 августа 1894 г.; настоятельницы Краснослободского Троицкого женского монастыря игуменьи Феофании 11 ноября 1894 г.; настоятельницы Нижнеломовского Успенского женского монастыря игуменьи Евпраксии 9 августа 1895 г.; настоятельницы Куриловского Тихвинского женского монастыря в Саранском уезде игуменьи Рафаилы 5 февраля 1896 г.; настоятельницы Мокшанского Казанского монастыря игуменьи Таисии 16 июля 1896 г.; настоятельницы Шиханского Покровского женского монастыря в Городищенском уезде игуменьи Леониды 24 октября 1896 г.; настоятельницы Чуфаровского Троицкого женского монастыря Саранского уезда игуменьи Евгении (ранее состояла в звании действительного члена с ежегодным взносом); настоятельницы Краснослободского Успенского женского монастыря игуменьи Евагрии 18 января 1897 г.; настоятельницы Тихвинского общежитийного монастыря Саранского уезда игуменьи

[1] Кошелева А. И. Указ. соч. С. 224.

Серафимы 8 октября 1897 г.; настоятельницы Мокшанского Казанского женского монастыря игумены Маргариты 28 ноября 1898 г.[1]

Настоятельница Параскево-Вознесенского женского монастыря Инсарского уезда игуменья Евпраксия прислала единовременный взнос по званию пожизненного действительного члена 500 руб. 30 октября 1895 г. 1 ноября «за выражение религиозно-благоговейного почитания ею Святых Мест Палестины и сострадательного сочувствия к нуждам тамошних православных христиан» Павел ходатайствует перед Советом о причислении ее к званию и «выдаче знака и диплома»[2].

Для верующего человека XIX века паломничество в Палестину было не просто путешествием, но актом глубоко личного, мистического приобщения к священной истории, способом утвердить свою веру через прямой контакт с ее истоками. Именно поэтому участие в поддержке Русской Палестины, строительстве храмов, приеме паломников и сохранении святынь воспринималось не как светская деятельность, а как форма молитвы, как продолжение собственного духовного пути.

Жертвования на Святую Землю стали еще одной страницей подвига служения М. М. Киселевой. С глубокой искренностью и преданностью она рассматривала возможность личного присутствия на Святой Земле как долг перед верой и обществом. В письме к Обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву от 14 августа 1884 года она откровенно признается: «Я всегда любила святые места Иерусалима и желала туда ехать и быть полезной, сколько будет мне возможно»[3]. Это не просто эмоциональное высказывание – в нем выражается типично православное мироощущение, где любовь к святым местам соединяется с готовностью к служению и жертве.

Деятельность Киселевой в Русской Палестине становится продолжением ее глубоко религиозного образа жизни и благотворительной

[1] ГАВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 1. Д. 725. Л. 30, 48, 92, 116, 150, 163, 185, 186, 232; Д. 726. Л. 44.
[2] Там же. Л. 99.
[3] РГИА. Ф. 759. Оп. 33. Д. 1803. Л. 6–7 об.

миссии в России. Посредством щедрых пожертвований на нужды Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, поддержки паломников, участия в работе Императорского Православного Палестинского Общества она воплощала в жизнь идеал православной женщины, соединяющей личную веру, общественную ответственность и духовное подвижничество. Таким образом, ее отношение к Святой Земле отражает не только личные религиозные чувства, но и стремление включить российское общество – особенно провинциальное – в общее пространство православной исторической памяти и культурной преемственности.

В истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме участие М. М. Киселевой прослеживается еще с 1850-х гг.[1], но наиболее ярко ее мемориальное присутствие и потенциал подвижничества раскрываются в конце 1870-х – 1880-е гг.

В этот период интересы России и Русской Православной Церкви на Ближнем Востоке представлял выдающийся религиозный и общественный деятель – архимандрит Антонин (Капустин). Его дневник, названный исследователями уникальным «памятником русской духовной автобиографической литературы», представляет собой подробную хронику повседневной жизни начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме[2]. В нем запечатлены ежедневные служебные и бытовые практики, в которых простота изложения не умаляет глубины смысла и значимости происходящего – напротив, делает его особенно ценным для понимания духовного климата эпохи. Записи, охватывающие период с 1853 по 1894 годы, отражают напряженную и многогранную деятельность архимандрита: от укрепления присутствия России в Святой Земле до сохранения исторической памяти и консолидации православных на основе общего

[1] Бутова Р. Б., Лисовой Н. Н. Формирование сакрального пространства Русской Палестины (по материалам дневника Архимандрита Антонина Капустина) // Религии мира. История и современность. 2012. Т. 2010. С. 367.
[2] Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1881. Москва, 2011. С. 12.

духовного и культурного наследия. Рубежами сакрального проектирования Антонина становятся Порог Судных Врат на Крестном пути, Русская Свеча на Елеоне, дуб Мамврийский в Хевроне, «приют Закхея» в Иерихоне, дом праведной Тавифы в Яффе, православный «Горний Град Иудов» в Айн Кареме[1].

Дневник архимандрита Антонина не только документирует события, связанные с Русской Духовной Миссией на Святой Земле, но и раскрывает тонкие механизмы включения российской провинции в широкое церковно-мемориальное пространство империи. Через описания взаимодействия с представителями провинциального дворянства и духовенства дневник фиксирует, как региональные благотворители – в том числе женщины, такие как Мария Михайловна Киселева – становились полноправными участниками и зачастую инициаторами новых форм православного служения и церковной дипломатии. Присутствие Марии Михайловны в текстах Антонина повторяется с выразительной ритмичностью: его краткие, лаконичные упоминания, нередко окрашенные легкой иронией и свободные от традиционных риторических украшений, превращаются в особый рефрен, подчеркивающий как ее деятельную вовлеченность, так и уважение автора. Эти скупые, но выразительные строки обретают весомость именно благодаря своей простоте и становятся своеобразным маркером признания роли провинциальной женщины в великом деле духовного служения и национального присутствия на Святой Земле. Так, за 1881 г. Антонин запишет: «Отношение в консульство о киселевских деньгах» (13 января)»; «Г-жа Богданова с 100 р. от М. М. Киселевой» (7 июня); «Уж не написать ли М. М. Киселевой, чтобы церковь-то строила на нашем русском месте?... Недолго думая, присел к столу и стал строчить ябеду в Пензу, что продолжалось до самого обеда» (23 июня); «встретил Ханна-Хури с

[1] Бутова Р. Б., Лисовой Н. Н. Указ. соч. С. 525.

киселевским золотом» (30 октября)[1]. Как отмечают Н. Н. Лисовой и Р. Б. Бутова, подготовившие издание дневника, речь здесь идет о капитале, пожертвованном М. М. Киселевой на нужды бедных Иерусалимского Патриархата, проценты с которого ежегодно поступали в миссию.

Известно также, что Киселева завещала 50 тыс. рублей Православному Палестинскому Обществу и капитал в 100 тыс. рублей для оказания помощи православным бедным в Болгарии, Греции, Палестине.

На Святой Земле на средства М. М. Киселевой возводится «храм Спасителя на горе Свержения в Назарете (освящен митрополитом Назаретским Нифонтом 15 мая 1880 г.)». Это был храм «необычной архитектуры – без купола с плоской крышей и большим крыльцом на двух колоннах перед входом, куда ведут с двух сторон лестницы, с богатым интерьером, полностью вызолоченным иконостасом»[2]. Мария Михайловна пожертвовала 5000 рублей в виде вечного вклада на нужды этого храма. Этот капитал неприкосновенно хранился в Императорском Православном Палестинском Обществе, которое было обязано ежегодно выдавать проценты с вклада в размере 205 руб. 20 коп Назаретскому митрополиту[3].

Позднее, в 1884–1885 гг., при посредничестве А. Д. Богдановой, паломницы и благотворительницы, проживавшей в Иерусалиме, Мария Михайловна принимает деятельное участие в строительстве нового греческого храма во имя пророка Елисея (освящен Патриархом Иерусалимским Никодимом 5 марта 1886 г.)[4]. Упоминает Антонин и пензенских поклонников, совершавших паломничества на Святую Землю: «Пензенский купец-поклонник, знающий словцо элемент, и, видимо, из

[1] Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1881. Москва, 2011. С. 25, 110, 117, 184.
[2] Дорофеева Т. Г. Мария Михайловна Киселева. Подвиг беззаветного служения // Annali d'Italia. 2022. № 31. С. 91.
[3] РГИА. Ф. 799. Оп. 4. Д. 1315. Л. 12, 12 об.
[4] Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1881. Москва, 2011. С. 225, 228.

путных людей, не в роде упомянутого москвича Наумова»[1]. Очевидно, что приведенная реплика содержит уже привычную для дневника отсылку к «пензенскому» опыту православной благотворительности.

На настоящий момент известно лишь одно описание пребывания пензяков на Святой Земле. Определенная традиция популяризации свидетельств и практик пребывания в местах нахождения христианских святынь формируется с момента зарождения епархиальной периодики, в которой существовали даже специальные паломнические отделы. В Пензенских епархиальных ведомостях ментальный отклик российской провинции на проблему сохранения духовного родства с истоками христианского мира в авторстве Петра Архангельского увидел свет в 1898 г. Здесь представлен личный опыт паломнической поездки к Святым местам Востока в 1895 г., оформленный в виде проповеди-обращения к местному духовенству[2].

Значение пожертвований М. М. Киселевой подчеркнуто в корреспонденции архимандрита Антонина «Из Иерусалима. От Иерусалимской Духовной миссии» (1875). Отмечая завещанные во «благо Святой Земли» «боголюбивыми душами» процентные капиталы, он в первую очередь упоминает о самых масштабных вложениях – в 25 тыс. рублей – статской советницы Марии Михайловны Киселевой, «возымевших начало» в десятилетие его руководства миссией, в 1865-1875 гг[3]. Часть средств, поступивших от Киселевой, предназначалась для раздачи милостыни от имени Русской Духовной Миссии. Первоначально «милостынные выдачи» в виде одного-полутора пиастров раздавались страждущим еженедельно по воскресеньям. Антонин сетует, что в 1880 г. из-за обесценивания медных

[1] Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1881. Москва, 2011. С. 196.
[2] Архангельский П. О паломничестве духовенства к св. местам Востока // ПЕВ. 1898. № 17. С. 621–634.
[3] Архимандрит Антонин (Капустин). Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции 1866–1891. Москва, 2010. С. 211.

денег регулярность раздач пришлось сократить до 1 раза в три недели, чтобы собрать нужное количество разменной монеты[1].

Упоминаемое Императорское Православное Палестинское Общество возникло при настоятельной поддержке обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, видевшего цель учреждаемого общества в облегчении путешествия русских паломников в Палестину. С 1882 по 1889 оно именовалось Православным Палестинским Обществом, а впоследствии получило статус Императорского[2], оказавшись под покровительством и при руководящем участии правящей династии Романовых[3]. Сама идея о его создании возникла у Великого князя Сергея Александровича после посещения в 1881 году Святой Земли. Он и был избран первым председателем Общества.

В первый год деятельности Общества Мария Михайловна Киселева пожертвовала 1000 рублей на обеспечение его деятельности[4]. Она стала первой из Пензенской губернии, вступившей в ряды ИППО. В Отчете, зачитанном 2 декабря 1882 г. секретарем Общества М. П. Степановым говорилось: «Первоначальная деятельность Православного Палестинского Общества должна была выразиться прежде всего во внутреннем его устройстве и затем в наибольшем распространении знакомства с ним, на что пришлось употребить летние месяцы. Плодами этой последней деятельности мы только теперь начинаем пользоваться. Число лиц, выразивших желание быть причисленными к Обществу, доходит ныне до 172, цифра же денежных пожертвований дошла до 8635 рублей. Из среды светских лиц, выказавших особенно теплое сочувствие Обществу, нельзя не упомянуть о генерал-

[1] Архимандрит Антонин (Капустин). Из Иерусалима. С. 211.
[2] Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 15 сентября 1889 г. № 103. Ст. 858. С. 2038–2039.
[3] Горайко А. В. История Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского Общества: 1893 год, предоткрытие. К 130-летию создания Пензенского отдела ИППО // ППС. 2023. С. 179–197.
[4] ПЕВ. Часть неофициальная. 1885. № 4. 15 февраля. С. 3.

майоре Владимире Васильевиче Валошинове, принесшем первый дар Обществу, и о Марье Михайловне Киселевой, имя которой так знакомо всем бедствующим православным на Востоке. Да поможет нам Господь Бог в деле, которое мы начали во имя Его»[1]. В 1885 году на воззвание Совета Православного Палестинского Общества о пожертвованиях на Святую землю Преосвященный Антоний (Николаевский) написал резолюцию: «До настоящего времени, не имея в виду никаких пожертвований от жителей Пензенской епархии, исключая госпожи Киселевой, … поставляю обратить внимание… на нужды этого Общества»[2]. М. М. Киселева была избрана действительным членом ИППО 18 октября 1884 г. и была удостоена серебряного знака этого Общества. Императорское Православное Палестинское Общество увековечило память о выдающейся благотворительнице Марии Михайловне Киселевой на мемориальной Доске Александровкого подворья в Иерусалиме[3]. Отметим, что местный отдел в Пензе был открыт 30 января 1894 года[4].

Деяния М. М. Киселевой вдохновили пензенских благотворительниц последовать ее примеру. Пензенские дворянки А. Д. Богданова и Л. И. Сушкова, имевшие на Святой земле собственные дома, жертвовали на местные нужды.

Итак, Мария Михайловна Киселева заняла особое место в истории формирования Русской Палестины, благодаря своей неустанной благотворительной деятельности, направленной на укрепление духовного присутствия России на Святой Земле. Ее многочисленные пожертвования на нужды Русской Духовной Миссии, поддержка бедных Иерусалимского

---

[1] Отчет Православного Палестинского Общества за 1882–1883 год. Санкт-Петербург, 1883. С. 1–7.
[2] «Россия в Святой Земле». Москва, 2000. С. 607, 608.
[3] Головина А. Ф. Указ. соч. Москва, 2014. С. 105.
[4] Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского Общества в 1895-1896 году // СИППО. Август 1896 г. Санкт-Петербург, 1896. С. 409; Открытие отдела Императорского Православного Палестинского Общества в Пензе // ПЕВ. 1894. № 5. Часть неофициальная. С. 204–207.

Патриархата, участие в строительстве храмов отражают ее целенаправленное стремление не просто помогать, а участвовать в строительстве сакрального пространства, связанного с истоками христианской традиции.

Влияние Киселевой не ограничивалось только финансовыми вложениями. Она стала воплощением нового типа благотворительницы – глубоко религиозной, активной, стратегически мыслящей женщины, для которой поддержка Святой Земли была продолжением ее миссии в России. Ее деятельность вдохновила других на аналогичные поступки и участие в жизни Святой Земли.

Отдельной страницей вписаны в биографию выдающейся землячки дела по устройству монастырей и храмов. Первым опытом подобного участия для Марии Михайловны стал двухэтажный теплый пятиглавый Троицкий храм, возведенный над могилой Александра Григорьевича Киселева в Спасо-Преображенском монастыре. Архимандриту Павлу, настоятелю монастыря, было предписано «отвести место для сего храма, на плане монастырском обозначенное, и споспешествовать храмосоздательнице в сем богоугодном деле»[1]. Храм имел обширную библиотеку, множество икон в серебряных вызолоченных окладах, богатую ризницу, дорогую церковную утварь, в большой части пожертвованную самой Киселевой; в церковной библиотеке насчитывалось до 120 наименований книг. В отчете о состоянии Пензенской епархии за 1862 год Антоний (Смолин), епископ Пензенский и Саранский, называл Троицкую церковь «замечательной»[2].

На средства Марии Михайловны был возведен придельный храм во имя святых мучеников Евлампия и Евлампии с южной стороны Спасского кафедрального собора. Он примыкал к Екатерининскому приделу собора, в котором был захоронен святитель Иннокентий, известный Марии Михайловне при жизни, и глубоко почитаемый местными верующими. К

[1] ГАПО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 4. Л. 32 об.
[2] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 108. Л. 14.

могиле епископа Иннокентия стекались множество богомольцев, которые не помещались в маленьком склепе. Горожане просили у епископа Григория благословения на устройство часовни при входе в склеп. Григорий строительство часовни разрешил, но Киселева, приняв на себя все расходы, выстроила небольшую придельную церковь. Закладка церкви состоялась 18 мая 1880 г.[1]

Мария Михайловна пожертвовала немалые средства на восстановление Воскресенской церкви в Черкасской слободе г. Пензы. Этот храм считался памятником древности и в нем более трехсот лет находилась древнейшая икона Спасителя, почитаемая местными жителями чудотворной[2]. В 1859 г. при обследовании церкви Воскресенской были обнаружены трещины в сводах и арках, представляющие опасность. Клировые ведомости повествуют о деятельной заботе госпожи Киселевой о местной святыне: «В 1874 году за ветхостью трапезы в ней, была запечатана и назначена к сломке. Трапеза и колокольня которой были разобраны, но в 1883–1884 годах стараниями и собственными средствами госпожи Киселевой настоящая сия церковь возобновлена, а трапеза и колокольня заново выстроены и так же каменными; 1885 года по ходатайству той же Киселевой церковь снова открыта с особенным причтом. Церковь сия теплая»[3]. Проявила заботу Киселева и о причте церкви, пожаловав «проценты с двух государственных 4% непрерывно-доходных билетов с капитала, каждый по три тысячи, положенных госпожой Киселевой 1885 года марта 15 дня за помин Александра и Марии, родителей, родственников, убиенных на брани и всех православных христиан»[4].

Таким образом, Киселева не просто внесла вклад в развитие Русской Палестины; она сформировала образец поведения, в котором сочетаются

---

[1] Головина А. Ф. Указ. соч. Москва, 2014. С. 67.
[2] Там же. С. 70.
[3] ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2700. Л. 115.
[4] Там же. Д. 2448. Л. 179, 170 об.

православная вера, гражданская ответственность и личное духовное служение.

Формирование традиции создания светских женских ассоциаций филантропической направленности в России относится к началу XIX в., что обусловлено ростом национального самосознания в эпоху Отечественной войны 1812 г. Первой женской организацией для достижения общественных целей Е. С. Шумигорский называет Императорское Женское Патриотическое Общество (1812 г.), созданное в Петербурге «кружком» дам из «высшего общества» под председательством кн. В. А. Репниной. Целью ассоциации было «вспоможение разоренным в ужасный и славный 1812-й год бедным семействам и воинам»[1]. В 1812 г. под названием «Благодетельного общества» Высочайшим рескриптом было утверждена деятельность объединения, позднее получившего наименование Императорского Человеколюбивого Общества[2]. Главным попечителем общества на момент его открытия стал статс-секретарь, князь А. Н. Голицын, а впоследствии сложилась традиция возлагать функционал попечительства на Санкт-Петербургского митрополита. Женщин в составе действительных и почетных членов общества не числилось[3]. Вместе с тем деятельность общества была направлена непосредственно на защиту интересов женщин. Так, в 1817 г. на средства Совета Императорского человеколюбивого общества (основано в 1816 г.) в Санкт-Петербурге были основаны «четыре опыта для призрения и воспитания малолетних бедных девиц, из которых впоследствии образовались так называемые девичьи школы». В том же году было открыто

[1] Шумигорский Е. С. (1857-1920). Императорское женское патриотическое общество (1812-1912). Санкт-Петербург, 1912. С. 6–11.
[2] Исторический очерк Совета Императорского человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений / Сост. В. Троицкий. Санкт-Петербург, 1898. С. 1.
[3] Исторический очерк Совета Императорского человеколюбивого общества. С. 71–77.

заведение для призрения увечных и неизлечимых женщин на 12 кроватей, а в 1823 г. – Дом убогих, где содержались лица обоего пола[1].

К концу века Императорское человеколюбивое общество располагало 210 заведениями, расположенными в двух столицах и 25 в других пунктах империи, в том числе: 57 учебно-воспитательных, в которых призревалось свыше 5500 сирот и детей бедных родителей, 63 богадельни (около 2000 пожилых и увечных обоего пола), 32 дома бесплатных и дешевых квартир, 7 народных столовых, 6 заведений, обеспечивших работой боле 1000 тружеников обоего пола, 19 медицинских учреждений и 26 комитетов, обществ и пр., помогавших бедным пособиями деньгами, платьем и обувью[2].

В губерниях «попечительные о бедных комитеты» первоначально появились в Казанской – в 1816 г., Московской – в 1818 г., Воронежской – 1818 г. и Уфимской – 1819 г. губерниях[3]. В 1874 г. в Казани при местном попечительстве о бедных было учреждено Женское благотворительное отделение, а также хозяйственно-рукодельная школа для девочек, «учрежденная Дамским отделением комитета». В Воронеже Женское благотворительное отделение при Комитете появилось в 1866 г., а в числе его инициатив – создание бесплатных квартир для престарелых и немощных женщин, которые в 1878 г. были преобразованы в Женскую богадельню[4].

В структуре женских благотворительных ассоциаций исследователи выделяют: общества общей благотворительной направленности (Русское женское взаимно-благотворительное общество и пр.); общества взаимопомощи женщин; общества по оказанию врачебной помощи; общества

[1] Исторический очерк Совета Императорского человеколюбивого общества. С. 15.
[2] Там же. С. 58–59.
[3] Там же. С. 17.
[4] Там же. С. 39.

«нравственной направленности»; общества по оказанию помощи в вопросах трудоустройства; общества по поддержке материнства и детства[1].

В данном контексте вновь необходимо упомянуть М. М. Киселёву, одним из наиболее значимых социальных проектов которой стало открытие богадельни в г. Пензе с целью поддержки «обоего пола немощных людей всякого сословия, по старости или болезни не могущих добывать себе дневное пропитание»[2].

Впервые идея создания богадельни упомянута в духовном завещании Александра Григорьевича, засвидетельствованном Московской Гражданской палатой 18 августа 1847 года[3]. По воле завещателя в распоряжение Марии Михайловны поступали имения в следующих губерниях: Московской, Подольского уезда, с. Матвеевское и д. Столбищево; Владимирской, Судогодского уезда, с. Иваново; Пензенской, Инсарского уезда, с. Бестужевка и д. Хованщино; Нижегородской, Арзамасского уезда, деревни Новоселки и Долговка; Саратовской, Аткарского уезда, д. Якобьевка и Петровского уезда, сельцо Дертевка и сельцо Загоскино; Казанской, Спасского уезда, с. Короваево и деревни Хлебодаровка и Матвеевка; Оренбургской, Мензелинского уезда, д. Крутогорка. Во всех перечисленных имениях числилось 1 308 душ и 13 441 десятина земли[4]. Однако несколько упомянутых имений находились в залоге. После их выкупа распорядительнице (*М.М. Киселевой* [курсив авт. – Н.К.]) вверялось учредить «в г. Пензе богадельню для людей всякого звания, но преимущественно воинских чинов»[5].

---

[1] Пашенцева С. В. Правовой статус и структура женских благотворительных обществ России конца XIX – начала XX века. Москва, 1999. С. 32.
[2] Слово при гробе кавалерственной дамы Марии Михайловны Киселевой, сказанное 9 декабря в Пензенском Кафедральном Соборе // ПГВ. 1887. № 267.
[3] РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 3.
[4] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3298. Л. 5.
[5] РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 3

Непосредственная работа над созданием богадельни началась лишь в 1852 г. (после уплаты долгов). Для размещения богадельни Киселевой была приобретена большая усадьба по улице Верхней Пешей (сейчас ул. Куйбышева). Положение о богадельне было Высочайше утверждено 29 мая 1856 г.[1] По данному Положению попечительницей и начальницей богадельни назначалась сама Мария Михайловна, а после ее смерти права и обязанности переходили к Пензенскому губернскому предводителю дворянства[2].

Стремясь как можно скорее исполнить волю покойного супруга, Мария Михайловна впредь до окончания строительства и полного оборудования помещений этого заведения открыла 13 сентября 1856 г. приют для бедных в собственном доме на Лекарской улице (сейчас ул. Володарского).

Здание богадельни было окончено ещё через три года, и отделение богадельни учреждено 13 сентября 1859 г. На территории усадьбы по Верхней-Пешей улице находились: каменный трехэтажный дом для помещения призреваемых и церкви с подвальным этажом при нем и отдельным каменным одноэтажным флигелем для кухни, для помещения причта церквей богадельни – каменный двухэтажный флигель и для помещения смотрителя – каменный одноэтажный флигель. Во дворе, позади дома, были возведены все необходимые хозяйственные службы: кухня, два ледника каменные, коровник, конюшня, амбар, каретный сарай, деревянная баня с прачечной и прочие служебные помещения[3].

Примерные расчеты на ежегодное содержание заведения составили 3696 руб. Компенсация затрат предполагалась за счет недвижимых имений (согласно завещанию по 3 руб. сер. с души, 3924 руб. ежегодно) и процентов с составленного для заведения капитала в 78 руб. (по 4%, 3120 руб. в год). В

[1] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3298. Л. 13–14 об.
[2] РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 11 об.
[3] Головина А. Ф. Великая благотворительница. Москва, 2014. С. 38.

дальнейшем предполагалось, что на содержание богадельни будет оставаться сумма в 3348 руб. на непредвиденные расходы[1].

В общем виде данные о предполагаемых доходах и расходах представлены в таблице 10.

Таблица 10

Примерное исчисление доходов и расходов Пензенской Киселевской богадельни[2]

Доходы	
Сбор с крестьян, полагая по 3 руб. с ревизской души, а со всех 1308 душ.	3924 руб. сер.
Процентов с денежного капитала в 78 тыс. руб. сер. (считая по 4%)	3120 руб. сер.
Расходы	
На содержание правления, по штату	1001
На пищу призреваемых, полагая по 12 руб. сер. На каждого, а на всех 70 чел.	840
На одежду, белье и обувь им полагая по 10 р. на чел., а на всех 70 человек.	700
На разные хоз. вещи	50
На медикаменты	115
На погребение умерших	30
На принадлежности для богослужения и церкви	130
На отопление	360
На освещение	70
На ремонт дома	100
На страхование дома	200
Не непредвиденные мелочные расходы	100
	3696 р. Остаток: 3348 р.

[1] РГИА. Ф.759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 3-4.
[2] Приводится по: РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 26 об.

Кроме того, согласно Положению «для усиления средств» к содержанию богадельни принимались пожертвования вещами и деньгами[1]. К 1885 г. средства заведения состояли из капитала, заключающегося в процентных билетах на сумму 534 012 руб. 85 коп. (доходность составляла 26243 руб. 35 коп. в год) и прибыль с 54 душ крестьян, не вышедших на выкуп и обязанных платить оброк по 162 руб. в год. Всего доход Киселевской богадельни в 1885 г. составил 26405 руб. 35 коп.[2].

Официальное открытие богадельни состоялось 13 сентября 1859 г. по совершении Божественной литургии в присутствии Преосвященного архиепископа Пензенского и Саранского Варлаама в присутствии исправляющего должность гражданского губернатора, вице-губернатора, действительного статского советника Александра Алексеевича Борзенко, а также других представителей высших губернских властей[3].

В числе 33 призреваемых женщин, принятых в сентябре 1859 г., 11 человек или 33 % составляли мещанки, 3 или 9 % – представительницы дворянского сословия и столько же дочери или жены священнослужителей, 6 или 18 % солдатки, 10 человек или 31 % были выходцами из крестьян. Возраст нуждавшихся в опеке колебался от 20 до 115 лет[4].

При богадельне на втором этаже была устроена Церковь Спаса Нерукотворного Образа, которая была освещена 9 ноября 1858 г. В храме была богатая ризница, ценные иконы в дорогих серебряных и вызолоченных окладах.

Богадельня была принята под непосредственное покровительство императрицы Александры Федоровны и причислена к Ведомству учреждений императрицы Марии со штатом призреваемых в 70 человек[5].

---

[1] РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 9 об.
[2] Там же. Оп. 42. Д. 951. Л. 2.
[3] Там же. Оп. 21. Д. 1716. Л. 65.
[4] Там же. ЛЛ. 73–74 об.
[5] Головина А. Ф. Указ. соч. Пенза, 2003. С. 18.

Согласно Положению, старшему в роде Киселевых мужского пола присваивалось с Высочайшего утверждения звание почетного попечителя богадельни. Первым ее почетным попечителем стал генерал-адъютант, генерал от инфантерии граф Павел Дмитриевич Киселев[1].

Для содействия попечительнице под ее председательством избирался совет из 4 лиц по ее выбору. В том числе двух дворянского и двух купеческого сословия[2]. В первый попечительский совет вошли: дворяне коллежский советник Николай Иванович Чарыков и коллежский асессор Петр Сергеевич Ларионов, купцы 3-й гильдии Федор Иванович Финогеев и Антон Андреевич Андреев[3].

Присутствовать на заседаниях Совета по приглашению попечительницы дозволялось почетным членам: пензенскому епархиальному архиерею, гражданскому губернатору и губернскому предводителю дворянства. Совет собирался один раз в месяц или чаще по приглашению председательницы и решал все дела большинством голосов. В случае равенства, перевес мнения стороны, с которой согласна председательница[4]. Состав попечительского совета был утвержден императрицей Марией Александровной 20 октября 1859 года. С 1876 г. Пензенским губернским предводителем дворянства и почетным членом Совета Пензенской Киселевской богадельни с перерывом из-за участия в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. являлся коллежский регистратор Охотников[5].

Посылая проект Положения о богадельне графу П. Д. Киселеву, Мария Михайловна писала: «Верьте, граф, что женщина не сотворена управлять [делами], со всеми добрыми ее желаниями быть полезной, я это чувствую

---

[1] Головина А. Ф. Указ. соч. Москва, 2014. С. 38

[2] РГИА Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 12; РГИА. Ф. 759. Оп. 33. Д. 1803. Л. 6–7 об. Письмо Марии Михайловны Киселевой Константину Петровичу Победоносцеву (Пенза, 22 мая 1885 года)

[3] ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3298. Л. 26.

[4] РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 12 об.

[5] Там же. Оп. 1. Д. 3908. Л. 1–2 об.

вполне, и ежели…она поставлена в это положение, она не на своем месте, особенно я, которая имела умного, доброго и благороднейшего мужа, который был для меня вторым провиденьем, стало быть, он был главою всего. Вот четыре с половиной года я не могу привыкнуть к новом моему назначению. Все приказы его для меня свежи, и я не ленюсь заниматься делами, они нас с ним соединяют»[1].

С целью расширения деятельности богадельни на собственные средства Марии Михайловны было выстроено второе здание со стороны ул. Дворянской. Работы по возведению сооружения начались в 1876 г., а официальное открытие состоялось 15 октября 1881 г.[2] Открытие второго отделения позволило увеличить число призреваемых вдвое.

Усадьбы отделений, как между собой смежные, составляли в общем одно целое. Новое здание представляло собой каменный двухэтажный дом с подвальным этажом и с отдельным каменным одноэтажным флигелем для кухни. На территории усадьбы были организованы все необходимые бытовые условия: имелась столовая, деревянная на каменном фундаменте баня с прачечной, каменные и деревянные постройки для разного рода служб и отдельно от прочих строений два летних деревянных барака для жизни призреваемых.

В каменных домах богадельни, кроме палат и комнат определенных для размещения призреваемых и служащих, имелась для особых столовая палата с отдельным при одной из них помещением для кубовой; две особых палаты для помещения отдельно недужных и слабых призреваемых от остального мощного состава, а именно в доме по Верхне-Пешей улице – для мужчин и в доме по Дворянской – для женщин; в доме по Верхне-Пешей улице также имелись: одна комната для помещения архива Канцелярии Правления богадельни, одна комната для хранения бельевого и одежного

[1] РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 264. Л. 3, 3 об.
[2] РГИА. Ф. 759. Оп. 1 Д. 23. Л. 17.

имущества и в доме на Дворянской улице – одна комната для заседаний Совета богадельни.

В новом здании богадельни на каждом этаже располагалось по четыре больших комнаты выстой 6 арш., и все они были на одну сторону – на юго-восток, с другой стороны шел коридор, окна которого выходили на Дворянскую улицу; в юго-восточной стороне здания были расположены: черная лестница, приемный зал, квартира сторожа и другие помещения. На западной стороне находилась парадная лестница (в середине здания), комната для швейцара и комнаты для прислуги. Оба этажа северо-восточной части построенного здания отводились под домовую церковь; для приходящих был устроен отдельный вход со стороны Дворянской улицы[1]. В храме хранился серебряный ковчег с частицей мощей святого великомученика Пантелеимона[2]. Эта великая святыня была прислана М. М. Киселевой со Святой Горы Афон[3].

Штат богадельни был утвержден в составе 15 чел., на содержание которых отводилось 1001 руб. Все сотрудники, кроме врача, обеспечивались квартирами непосредственно в богадельне (см. таблицу 11).

Таблица 11

Примерный штат Пензенской Киселевской богадельни[4]

	Число лиц	Содержание в год
Смотритель, он же эконом	1	230 руб. сер.
Ему же на канцелярские расходы		25
Надзирательница	1	72
Врач	1	115
Священник	1	110

[1] ПГВ. 1876. № 136. 16 ноября. С. 7.
[2] ГАПО. Ф. р-2106. Оп. 1. Д. 45. Л. 19.
[3] Головина А. Ф. Указ. соч. Москва, 2014. С. 50.
[4] Приводится по: РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 37.

Причетник	1	70
Писец	1	60
Швейцар	1	44
Истопник	1	44
Дворник	1	44
Сиделка	1	25
Кухарок	3 по 34 р.	102
Прачек	2 по 30 р.	60

Целью учреждения Киселевской богадельни было предоставление безвозмездно призрения всем нуждающимся лицам без различия сословия, вероисповедания и пола. В Отчетах о деятельности богадельни упоминаются два типа призрения:

а) с предоставлением призревающемуся в богадельне помещения, пищевого довольствия, одежды и обуви;

б) с предоставлением вне богадельни месячины деньгами или натурой в припасах пищевого довольствия.

Как упоминалось выше, всего в обоих зданиях имелось места на 140 призреваемых (кроватей на 40 мужчин и 100 женщин). Тем не менее, ежегодно в богадельне призревалось до 200 человек[1]. Большая часть призреваемых по данным на 1897 г. являлись крестьянами, что составляло 47,5%, 20% – мещане, 19% – воинские, остальные относились к гражданскому или духовному званию, 2,5% составляли дворяне[2]. В частности, 4 чел. дворянского сословия, 13 чел. гражданских званий, 5 духовных, 31 чел. – воинских, 34 чел. мещан, 73 крестьянина[3]. Сводные

[1] РГИА. Ф. 759. Оп. 34. Д. 160. Л. 5.
[2] Коблова Н. А., Колпакова О. В., Сухова О. А. Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XX вв.: на примере деятельности М. М. Киселевой // Былые годы. 2023. № 18 (4). С. 1809-1817. С. 1812.
[3] РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 26.

данные о количестве призреваемых в Киселевской богадельне представлены в таблице 12.

Таблица 12

Численность призреваемых Пензенской Киселевской богадельни во второй половине XIX – начале XX в.[1]

[1] Обзор Пензенской губернии за 1874 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1875. С. 92; Обзор Пензенской губернии за 1875 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1876. С. 122; Обзор Пензенской губернии за 1876 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1877. С. 83; Обзор Пензенской губернии за 1879 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1880. С. 84; Обзор Пензенской губернии за 1880 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1881. С. 92; Обзор Пензенской губернии за 1881 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1882. С. 91; 23. Обзор Пензенской губернии за 1882 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1883. С. 101; Обзор Пензенской губернии за 1883 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1884. С. 80; Обзор Пензенской губернии за 1884 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1885. С. 87; Обзор Пензенской губернии за 1885 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1886. С. 76; Обзор Пензенской губернии за 1886 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1887. С. 73; Обзор Пензенской губернии за 1887 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1888. С. 61; Обзор Пензенской губернии за 1888 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1889. С. 61; Обзор Пензенской губернии за 1889 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1890. С. 40; Обзор Пензенской губернии за 1890 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1891. С. 51; Обзор Пензенской губернии за 1891 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1892. С. 90; Обзор Пензенской губернии за 1892 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1893. С. 69; Обзор Пензенской губернии за 1893 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1894. С. 35; Обзор Пензенской губернии за 1894 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1895. С. 41; Обзор Пензенской губернии за 1895 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1896. С. 41; Обзор Пензенской губернии за 1896 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1897. С. 41; Обзор Пензенской губернии за 1897 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1898; Обзор Пензенской губернии за 1898 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1899; Обзор Пензенской губернии за 1900 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1901. С. 63; Обзор Пензенской губернии за 1901 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1902. С. 53; Обзор Пензенской губернии за 1902 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1903. С. 61; Обзор Пензенской губернии за 1903 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора.

Год	Количество призреваемых		Количество получавших помощь деньгами и продовольствием
	Мужчин	Женщин	
1874	28	59	152
1875	34	85	137
1876	34	65	150
1879	33	64	252
1880	33	60	203
1881	51	102	114
1882	58	115	91
1883	59	128	72
1884	50	115	84
1885	53	123	67
1886	52	116	35
1887	64	143	85
1888	22	47	–
1889	59	134	204
1890	53	123	76
1891	63	140	87
1892	64	145	119
1893	53	120	121
1894	51	117	–
1895	50	115	19

Пенза, 1904. С. 58; Обзор Пензенской губернии за 1904 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1905. С. 52; Обзор Пензенской губернии за 1905 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1906. С. 43; Обзор Пензенской губернии за 1906 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1907. С. 45; Обзор Пензенской губернии за 1907 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1908. С. 41; Обзор Пензенской губернии за 1908 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1909. С. 40; Обзор Пензенской губернии за 1909 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1910. С. 42; Обзор Пензенской губернии за 1910 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1911. С. 47; Обзор Пензенской губернии за 1912 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1913. С. 47; Обзор Пензенской губернии за 1913 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1914. С. 46; Обзор Пензенской губернии за 1914 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза, 1915. С. 47.

1896	48	112	36
1897	В Обзоре данные о богадельнях отсутствуют		
1898	В Обзоре данные о богадельнях отсутствуют		
1900	53	112	47
1901	61	129	51
1902	53	115	94
1903	50	117	161
1904	51	117	102
1905	52	115	88
1906	57	118	39
1907	57	118	81
1908	50	100	87
1909	60	92	–
1910	54	119	–
1912	69	131	–
1913	47	119	–
1914	48	108	–

Лицам, призреваемым непосредственно в богадельне, предоставлялось помещение в общей палате или отдельной комнате. Спали на железных кроватях, к которым полагался стеллаж, состоящий из матраса и двух подушек, постельного белья, шкапчика-стола, а также отдельного за замком места в рундуке для хранения имущества и вещей.

Полагалась к выдаче и одежда: для мужчин – чулки шерстяные, сапоги, халат, пальто, китайчатая или ситцевая рубашка, шаровары или порты из крашеной парусины, картуз или шапка, а для женщин – чулки зимние шерстяные и летние бумажные, башмаки (полуботинки), платья, головной или шейный ситцевый платок, полотняная рубаха, пальто или шубка.

Грязную одежду стирала в прачечной еженедельно специально нанятая для этого прислуга. Мылись призреваемые через каждые две недели в бане богадельни.

Довольствие составляло: утренний и вечерний чай, обед и ужин. О рационе питания призреваемых можно судить исходя из содержащихся в отчетах ведомостей о расходах, а также отдельных пунктов, описывающих пищу призреваемых. Так, богадельня закупала следующие продукты питания: мука ржаная, пшеничная, гречневая; крупа гречневая и пшенная; горох, солод, картофель, овес, масло: коровье и конопляное, говядина и солонина, рыба, грибы, соль, огурцы[1]. В день Нового года, в дни рождений и именин учредителя и основательницы богадельни и в дни поминовения усопших (родительские субботы) к утреннему чаю вместо ржаного хлеба или сухарей выдавался белый хлеб весом по ¾ фунта или четырехкопеечный французский хлеб, в праздничные же дни скоромного времени, к утреннему чаю предоставлялось цельное молоко[2].

В общем виде данные о питании призреваемых представлены в таблице 13.

Таблица 13

Питание призреваемых Пензенской Киселевской богадельни (по данным Отчетов Пензенской Киселевской богадельни за 1895–1897 гг.)

	Будние дни недели скоромного времени	Воскресные дни, второй и третий день праздников Рождества Христова и Святой Пасхи, дни рождений и именин учредителя и основательницы богадельни, дни поминовения усопших	Первый день праздников Рождества Христова и Св. Пасхи, дни престольных праздников церквей богадельни (27 июля, 16 августа), дни заговенья и разговенья	Четверг, пятница, суббота сырной недели
Завтрак	Чай и ржаной хлеб или сухари	Чай и ржаной хлеб или сухари	Чай и белый хлеб или французский хлеб	Гречневые блины с кислым молоком (варенцом) и с скоромным топленым

[1] РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 29 об.–30.
[2] Составлено автором по: РГИА. Ф. 759. Оп. 34. Д. 611. Л. 6.

				маслом
Обед	Состоит из двух блюд: горячего и каши. Горячее: мясные капустные щи (для не потреблявших мясную пищу заменялись грибными), борщ или суп. Каша: гречневая или пшенная с постным маслом.	Состоит из трех блюд: щи капустные мясные или рыбные, лапша мясная или грибная и жареное из картофеля.	Состоит из трех блюд: щи капустные мясные или рыбные, холодное из студня или свежей рыбы и жареное из баранины или свежей рыбы*. * в первый день праздника Рождества Христова призреваемым предоставлялись пироги из мясного фарша (ливера) или свежее просоленной рыбы.	Состоит из двух блюд: рыбное горячее и жареное из картофеля.
Ужин	Состоит из двух блюд: горячего (бывшего в обед) и гречневой или пшенной каши с молоком, скоромным или постным маслом		Состоит из двух блюд, бывших в обед: горячего и жареного.	Состоит из двух блюд: горячее, бывшее в обед и гречневая молочная каша с скоромным маслом.

Прислуга, приходившие бедные и временно пребывавшие в богадельню богомольцы имели пищевое довольствие из того же состава блюд, что в течение года производилось призреваемых богадельни.

Что касается призреваемых вне богадельни, ежемесячно определенная им месячина в продуктах производилась выдачей натурой на руки. Месячина деньгами производилась на лиц бессемейных – выдачей по 6-ти рублей на каждого и на семейных – по 10-ти рублей[1].

Для более успешного и выгодного ведения хозяйства богадельни при ней имелись три лошади и четыре коровы. Всякого рода инвентарь

[1] РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 14 об.

имущества из хозяйства богадельни, а также всякого вида посуда, мебель и экипажи имелись в надлежащем составе и по своему назначению во всем соответствующем нуждам хозяйства богадельни[1].

В обязанности призреваемых входила уборка своих кроватей, а также дежурство в столовых палатах во время обеда и ужина (по состоянию здоровья). Свободное время было занято рукоделиями, а также по желанию и возможности, работой на себя или на заведение. Некоторые призреваемые помогали прислуге в выполнении обязанностей или вовсе принимали на себя ответственность по самостоятельному исполнению обязанностей, а именно: «церковниц, услуживающих в церквях при отправлении в них богослужения, в помощи у ктитора церквей богадельни, заведывании кладовой пищевых продуктов, содержании обоих дворов и сада богадельни в порядке, в топке и содержании бани в должной исправности и в принятии на себя ухода за коровами богадельни»[2].

Призреваемые, участвовавшие в помощи прислуге у ктитора, а также отправлявшие перечисленные выше обязанности, за их добровольно понесенные на пользу богадельни посильные труды в 1896 г. поощрены были выдачей денежных наград[3].

Особое внимание уделялось духовному воспитанию призреваемых: в церквях при каждом отделении богадельни богослужения совершались не реже четырех раз в неделю, а в постные периоды – ежедневно. В состав причта входили священник и диакон, при богослужениях также привлекался наемный псаломщик. В будние дни службы сопровождались хоровым пением, исполняемым хором, составленным из числа призреваемых. Для торжественных богослужений – в воскресные, табельные, особо праздничные дни, а также в дни поминовения учредителя и основательницы, престольных праздников и великих христианских праздников (Рождества Христова и

[1] РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 17.
[2] РГИА. Ф. 759. Оп. 35. Д. 42. Л. 6 об.
[3] РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 16.

Святой Пасхи) – приглашался частный хор певчих. В период Страстной седмицы и первых трех недель празднования Святой Пасхи к штатному составу духовенства дополнительно привлекался приглашенный священник. Установленной ежегодной практикой было совершение литургии, панихид и молебнов с водоосвящением в памятные даты: в дни рождения, именин и смерти учредителя и основательницы, в день кончины императора Александра III, а также в годовщины открытия отделений богадельни и первого заседания ее Совета. Так, в 1896 г. совершались при всем составе служащих, призреваемых и прислуги в первом случае в одном из храмов богадельни – заупокойная литургия и после панихида и в последних случаях, в главных зданиях богадельни и палаты заседаний Совета богадельни – благодарственный Господу Богу молебен с водоосвящением[1].

После кончины благотворительницы в 1887 г. функционирование богадельни и оказание помощи нуждающимся продолжалось. Согласно духовному завещанию Марии Михайловны были назначены крупные пожертвования[2]. В качестве преемницы незадолго до своей кончины М. М. Киселева назвала А. С. Радищеву, о чем Мария Михайловна написала в письме Константину Петровичу Победоносцеву: «…по 12 параграфу Положения о богадельне после моей смерти должна перейти в заведывание местного Губернского Предводителя Дворянства. Но, к сожалению, Пензенский предводитель дворянства князь А. Д. Оболенский даже не живет в губернском городе, а приезжая изредка на несколько дней едва ли имеет возможность заняться теми делами, которые законом будут возложены на его прямую обязанность… Опасения за дальнейшую участь богадельни и капитала, собранного мною на ея содержание, вынуждает меня обратиться к Августейшей Покровительнице этого заведения Государыне Императрице со

[1] РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 16 об.–17.
[2] Сельский вестник. 1888. № 28. С. 320.

всеподданнейшим прошением об определении после моей смерти вместо меня попечительницею и непосредственно начальницею богадельни племянницу мою Александру Степановну Радищеву, которая 25 лет живет со мною и состоит ближайшею помощницею в деле управления богадельни. По своего уму, деятельности и христианской любви к ближнему она могла бы лучше других управлять этим делом и, не роняя назначения богадельни, не растратила бы капитал, сбереженный мною на нужды страждущего человечества…»[1].

И далее соответствующим прошением обратилась Киселева к императрице Марии Федоровне. Воля благотворительницы была исполнена, с декабря 1887 г. обязанности управления богадельней на себя приняла Александра Степановна[2]. В 1891 г. «в ознаменование 25-летия бракосочетания Императорских Величеств совет богадельни с целью увековечить данное событие, учредил 4 вакансии для бедных и немощных лиц дворянского сословия женского пола, с отнесением расходов на избытки от доходов богадельни»[3].

По собственному признанию Марии Михайловны, хлопоты о богадельне стали главным делом ее жизни. В прошении на имя Марии Федоровны, Августейшей покровительницы всех благотворительных заведений империи, о предстоящей передаче звания и прав попечительницы и начальницы богадельни своей племяннице А. С. Радищевой Мария Михайловна раскрывает свое видение паттернов духовно-нравственного служения, обращая внимание на необходимость воспроизводства и сохранения ценностей православного мировосприятия как основы идентичности и развития самосознания: «Не имея детей и отказавшись от света, я посвятила этому благотворительному учреждению все свои силы, я

[1] РГИА. Ф. 759. Оп. 33. Д. 1803. Л. 6–7 об. Письмо Марии Михайловны Киселевой Константину Петровичу Победоносцеву (Пенза, 22 мая 1885 года)
[2] Головина А. Ф. Указ. соч. Пенза, 2003. С. 59–60.
[3] РГИА. Ф. 759. Оп. 34. Д. 160. Л. 5–6.

предалась ему душою, полюбила его и с божией помощью не только сохранила на пользу страждущего человечества капитал, завещанный моим мужем, но и значительно приумножила его»[1].

Мария Михайловна умерла 6 декабря 1887 года (по старому стилю) в возрасте 89 лет и была похоронена в Спасо-Преображенском монастыре, рядом со своим супругом. За свои духовные подвиги она была награждена при жизни орденом Св. Екатерины малого креста, давшем ей титул Кавалерственной дамы; греческим орденом Спасителя, за большие пожертвования, внесенные ею в период сербско-турецкой войн – сербским командорским орденом Такова 3-й степени[2], Знаком Красного Креста за участие в деятельности Общества попечения о раненых и больных воинах Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

В октябре 1884 года ей был пожалован знак Православного Палестинского общества со званием почетного члена этого общества. За свои заслуги Мария Михайловна в 1881 году была удостоена звания Почетной гражданки города Пензы. Многогранная благотворительная деятельность Марии Михайловны Киселевой выступала средоточием эталонных по своей сути характеристик, опережавших существовавшие нормы и стимулировавших масштабирование социально востребованных практик в пензенском сообществе. Помимо решения весьма прагматичной задачи – компенсации недостатка ресурсов государственной системы социального обеспечения, подвижничество пензенской благотворительницы обеспечивало укрепление православной идентичности, не замыкавшейся в локальных пределах, но объединявшей и национальный, и глобальный уровни восприятия мира.

Поддержка и покровительство благотворительной деятельности традиционно находилась в сфере приоритетов местной администрации. Так,

[1] Головина А. Ф. Указ. соч. С. 58.
[2] ГАПО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.

14 апреля 1896 г. в богадельню с визитом прибыл пензенский губернатор, оставивший запись в книге отзывов гостей: «14-го Апреля 1896 года посетил и осмотрел с большим удовольствием Пензенскую Киселевскую богадельню. Губернатор Князь Святополк-Мирский». 18 сентября того же года в богадельне побывал барон О. Буксгевден в сопровождении господина Пензенского вице-губернатора Перцова, высоко оценивший действия «благотворения памяти покойных учредителя и основательницы Киселевской богадельни»: «Такой образцовой богадельни не приходилось видеть в числе сотни, посещенных мной в городах России»[1].

В годы Первой мировой войны при богадельне функционировал лазарет для раненых и больных воинов. В сентябре 1914 г. попечительница А. С. Радищева сообщала в Собственную Его Императорского Величества канцелярию по учреждениям императрицы Марии: «17-го сего сентября мною при вверенной мне богадельне открыт лазарет для раненых и больных воинов на 10 человек. Лазарет этот № 7 находится в ведении Всероссийского земского союза и содержится на средства богадельни. Пред открытием лазарета отслужен в присутствии г.г. Членов Совета богадельни торжественный молебен с провозглашением многолетия Его Императорского Величества и всему Царствующему Дому. Всей хозяйственной частью лазарета заведует по моему поручению Смотритель богадельни А. Ф. Грязнов, а медицинскую помощь больным и раненым оказывают врач Н. А. Щепетильников и фельдшер Н. А. Орлов»[2]. Лазарет № 7 был закрыт, а вместо него в здании богадельни находился лазарет № 15[3].

В 1910 г. был опубликован краткий обзор полувековой деятельности богадельни. За все время существования в этом учреждении получили приют и призрение 568 мужчин и 759 женщин, а всего 1327 человек. Помимо этого, 264 лица получали денежные пособия, 601 человек получали питание из

[1] РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 18 об.
[2] РГИА. Ф. 759. Оп. 90. Д. 23. Л. 48.
[3] Головина А. Ф. Великая благотворительница. Москва, 2014. С. 53.

средств богадельни, останавливались при богадельне 3 367 богомольцев. За все время существования богадельня израсходовала 693 273 руб ¼ коп.[1].

В церквах при богадельне при совершении каждой Божественной литургии вынимались частички за упокой души учредителя Александра Григорьевича и основательницы этого заведения Марии Михайловны, а в дни рождения, именин и их кончины в присутствии всего состава служащих и призреваемых этого богоугодного заведения совершалась заупокойная Божественная литургия с панихидой[2].

Пензенская Киселевская богадельня просуществовала до февраля 1918 г., после чего попечительство благотворительного учреждения было ликвидировано. В дальнейшем в зданиях богадельни продолжали проживать те, кто когда-то получил приют, позже там разместился инвалидный дом № 1[3]. С 1931 г. после капитального ремонта и переоборудования здание было отдано под детскую инфекционную больницу имени Коммунистического интернационала молодежи (КИМ)[4].

У представителей купеческого сословия благотворительность в интересах женщин, как правило, сочеталась с традиционными формами пожертвований на «помин души». Так, в 1879 г. потомственным почетным гражданином Степаном Степановичем Ненюковым был пожертвован городскому обществу капитал для выдачи процентов с него 5 бедным мещанским девицам при замужестве в 500 рублей, бедным обывателям всех сословий (220 руб.) и причту Смоленской церкви г. Краснослободск за две заупокойные литургии 2 августа и 19 сентября (15 рублей). Средства на эти цели были внесены Ненюковым «на вечное время» в Краснослободский общественный банк[5]. В 1897 г. вдовою потомственного почетного

[1] ПГВ. 1910. № 74. С. 3.
[2] Головина А. Ф. Указ. соч. Москва, 2014. С. 52.
[3] Головина А. Ф. Великая благотворительница. Пенза, 2003. С. 23–24.
[4] Пензенская энциклопедия / Гл. ред. К. Д. Вишневского. Москва, 2001. С. 66, 686, 687.
[5] РГИА. Ф. 1288. Оп. 7. 1899-1917 гг. Д. 47 Б. Л. 30.

гражданина Авдотьей Ивановною Ненюковой был пожертвован городскому обществу непрерывно-доходный 4% билет на сумму 3437 руб. «на предмет выдачи бедным горожанам перед праздником Св. Пасхи». В 1900 и 1902 гг. краснослободский купец Иван Дмитриевич Голов пожертвовал на вечное время для увековечивания памяти супруги его Елены Яковлевны, урожденной Касаткиной, свидетельств на сумму 2100 руб. с целью выдачи бедным горожанам к Рождеству и празднику Светлого Христова Воскресения. В 1907 г. потомственным почетным гражданином Алексеем Андреевичем Соловьевым были завещаны свидетельства на оказание ежегодной помощи двум бедным девицам без различия сословий на приданое, а также пособие бедным обывателям[1].

Статистические данные о числе благотворительных учреждений и призреваемых в губернии были представлены в особом регулярном разделе ежегодных обзоров Пензенской губернии (Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора). Так, в 1872 г. в числе учреждений социального призрения указаны только богадельни: в земской богадельне содержалось 42 человека, в Киселевской – 95 чел. (32 мужчины и 63 женщины), в Александровской городской – 42 человека[2]. В 1880 г. в Пензенской губернии было учтено уже три богадельни в ведении земства и частных лиц: в г. Пензе, а также в г. Саранске и в с. Черкасском Керенского уезда, учрежденной на капитал в 3000 руб., пожертвованный помещицей Охотниковой. К числу благотворительных заведений были отнесены также: Александринский детский приют и школа с мастерской для портних, открытая в 1873 г. Обществом поощрения трудолюбия в Пензе[3]. В отечественной историографии доминанта женщин в деле учреждения

[1] РГИА. Ф. 1288. Оп. 7. 1899-1917 гг. Д. 47 Б. Л. 30–31.
[2] Обзор Пензенской губернии за 1872 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1873. С. 28.
[3] Обзор Пензенской губернии за 1880 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. С. 93.

частных благотворительных обществ в России XIX столетия («по инициативе или при активном участии женщин») сомнений не вызывает[1].

Анастасьевская богадельня, учрежденная в г. Саранске в 1868 г., в начале XX века содержалась на пожертвования попечительницы А. М. Мещеряковой. В 1905 г. в ней содержалось 25 женщин. Пожертвования на их призрения составили 1 718 руб. 38 коп.[2]

В целом к н. XX в. в Российской империи действовало 2013 богаделен, в том числе 696 – в сельских населенных пунктах; общее число благотворительных учреждений составило свыше 14,8 тысяч, в том числе – к ведомству Императрицы Марии относилось 683 учреждения, к РОКК – 518, к Императорскому Человеколюбивому обществу – 212, к Попечительству о домах трудолюбия и работных домах – 274 учреждения[3].

Массовые формы благотворительная деятельность пензенских попечительниц приобретает в голодные 1891–1892 гг. В этот период в целом по губернии в большей степени от недорода пострадали Пензенский, Чембарский, Нижнеломовский и Городищенский уезды, право на получение ссуды из продовольственного капитала имели 50 962 человека[4]. 26 декабря 1891 г. в регионе вновь возрождается дамский кружок (действовал при губернском попечительстве Общества Красного креста) под председательством В. И. Горяйновой, и она же открывает бесплатную столовую на Верхне-Пешей улице в г. Пензе[5]. Устройство столовой взяла на себя супруга директора народных училищ Е. В. Колосовская[6].

---

[1] Пашенцева С. В. Правовой статус и структура женских благотворительных обществ России конца XIX – начала XX века. Москва, 1999. С. 27.

[2] Обзор Пензенской губернии за 1905 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1906. С. 50.

[3] Благотворительные учреждения Российской Империи. Составлено по высочайшему повелению Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям императрицы Марии. Том II. Санкт-Петербург, 1900. С. 1, 4.

[4] ПГВ. 1892. № 10. 14 января. С. 3; № 119. 9 июня. С. 3.

[5] Там же. № 1. 1 января. С. 1.

[6] Там же. № 2. 3 января. С. 3.

В сентябре–ноябре 1891 г. в Мокшанском уезде под эгидой уездного комитета было открыто пять участковых попечительств под председательством: супруги коллежского асессора Н. А. Загоскиной, княгини В. Д. Друцкой-Соколинской, княжны М. А. Шаховской, супруги ротмистра М. А. Колокольцевой, вдовы генерал-майора Ю. А. Левиной («все выдающиеся силы мокшанского края» по оценке Пензенских губернских ведомостей)[1]. «Общество дам города Мокшана составило кружок и открыло бесплатную столовую» 1 декабря 1891 г. Дамский кружок оказывал помощь «сиротам, вдовам с детьми, калекам, старикам и старухам». Средства кружка формировались из двухрублевых взносов от 35 лиц, что позволяло обеспечивать горячим питанием до 50 человек в день[2]. Председательницей кружка была избрана супруга председателя уездной земской управы Е. А. Рошковская. Непосредственно столовой заведовала Л. М. Леонтович[3]. Активное участие в устройстве помещения столовой, приготовлении пищи, снабжения водой и дровами приняли уездный исправник и воинский начальник, и городской голова г. Мокшана. С 1 по 15 декабря здесь было выдано порций с хлебом – 709, без хлеба – 319[4]. В с. Покровские Вазерки княжной М. А. Шаховской в своем имении также открыта столовая на 53 человека. М. А. Шаховская как председательница Вазерского сельского попечительства открыла 13 столовых (в том числе, в с. Петровке на 68 человек, в с. Пыркине – на 65 человек, в с. Сумарокове на 62 человека; в с. Засечном – на 62 человека и т.д.)[5]. В с. Лунино открыта столовая на средства Ю. А. Литвиной и О.Л. Колокольцевой, попечением последней действовали столовые в сс. Родники (на 50 человек) и Шукше (на 36 человек). На средства

[1] ПГВ. 1892. № 18. 23 января. С. 3.
[2] Там же. № 1. 1 января. С. 2.
[3] Там же. № 2. 3 января. С. 3.
[4] Там же. С. 3.
[5] Там же. № 5. 8 января. С. 3.

О. Н. Азаревич были открыты столовые в с. Михайловке и Чиркове и т.д.[1] Как правило, помещения для столовой предоставляли землевладелицы, активное участие в сборе средств принимали представительницы купеческого сословия, в организации питания были задействованы сельские учительницы. Так, в конце декабря 1891 г. была открыта столовая на 33 человека в с. Кучки Пензенского уезда. Помещение для столовой предложила местная землевладелица Пиккеринг, средства на содержание столовой предоставила пензенская купчиха М. А. Кузнецова. Столовой в с. Родники Мокшанского уезда на 50 человек заведовала местная учительница[2].

В январе 1892 г. в с. Фатуевке на собственные средства Н. И. Мартыновой (урожденной Базилевской) была открыта бесплатная столовая на 60 человек. Для сбора средств на помощь голодающим пензенские дамы инициировали проведение благотворительных мероприятий. Так, в целях открытия столовой в с. Беликове-Пютцеве Анна Ивановна Зачинская 14 декабря 1891 г. организовала в Москве концерт, чистая выручка от которого составила 865 руб. Кроме того, по ее просьбе, профессор Московского университета В. О. Ключевский пожертвовал в пользу крестьян с. Беликова 300 рулей. На эти средства Зачинской 18 января 1892 г. в с. Беликове была открыта столовая для 60 нуждающихся[3].

В Пензенском уезде в с. Колтовском в имении Е. А. Вырубовой была открыта столовая на 100 человек («на средства землевладелицы и на частные пожертвования»)[4]. Столовая в с. Максимовке Чембарского уезда содержалась «исключительно» на средства местной землевладелицы Е. И. Немировской, которая, помимо прочего, выдавала еще муку на 100 престарелых человек в своих двух имениях[5]. Местная печать отметила и работу Рамзайского

---

[1] ПГВ. 1892. № 5. 8 января. С. 3.
[2] Там же № 12. 16 января. С. 3.
[3] Там же. № 11. 15 января. С. 2; ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6497. Л. 90–90 об.
[4] ПГВ. 1892. № 5. 8 января. С. 3.
[5] Там же. № 6. 9 января. С. 3.

попечительства под руководством землевладелицы М. Д. Загоскиной, организовавшей столовую для детей в возрасте от 5 до 12 лет в числе до 300 человек (столовая действовала пять месяцев с 25 февраля по 20 июля; бесплатных обедов из щей и каши было роздано 39 813). Кроме того, попечительство выдавало крупу на детей в возрасте до 4 лет, рожь и муку беднейшим жителям волости, дрова на отопления (один вагон), выделило средства на закупку лошадей или оплату обработки земли крестьянам, не имевшим тяглового скота, оказало помощь 12 погорельцам (соломой, хлебом, перевозкой строительного материала)[1].

Женщины выступали амбассадорами правительственной помощи голодающим. Так, Пензенские губернские ведомости 10 января 1892 г. сообщили, что часть транша из 800 пудов хлеба, поступившего из Волынской губернии для Инсарского уезда, «по усмотрению губернского благотворительного комитета» будет передана супруге гофмейстера Н. В. Философовой «для раздачи нуждающимся в окрестных с ее усадьбою селениях»[2]. Женское социальное служение местная печать выделяла особо. Так, в г. Городище «ближайший надзор за внутренними распорядками по столовой приняли на себя некоторые из членов благотворительного комитета и многие дамы, установившие между собой по очереди дежурства»[3].

В целом в губернии для сбора пожертвований и распределения их среди нуждавшихся действовали: епархиальный комитет (во главе с Владыкой); губернский комитет (во главе с губернатором); губернское попечительство общества «Красного Креста»; городской продовольственный комитет; уездные комитеты; уездные епархиальные комитеты, уездные попечительства под председательством уездных предводителей дворянства[4]. И, наконец, в селах действовали волостные и сельские попечительства «в

[1] ПГВ. 1892. № 164. 2 августа. С. 3.
[2] Там же. № 7. 10 января. С. 3.
[3] Там же. № 39. 19 февраля. С. 2.
[4] Там же. № 4. 5 января. С. 3.

ведении земского начальника». Представительство женщин в этих чрезвычайных структурах было незначительным. Вместе с тем к числу благотворительных организаций местная печать отнесла дамский кружок с четко определенными полномочиями: «снабжение неимущих платьем и обувью, устройство столовой с очередным дежурством дам», сбор сведений об имущественном положении нуждающихся семейств. Отдельно была отмечена филантропическая деятельность женских монастырей, особенно Параскево-Вознесенского (обеспечивавшего продовольствием до 100 человек)[1]. Женщины – сельские учительницы по должности входили в состав сельского или волостного попечительства (помимо приходского священника, волостного старшины и сельского старосты и сельский учитель или учительница)[2]. Пензенский дамский кружок возглавила супруга пензенского губернатора В. И. Горяйнова, вошедшая и в состав губернского благотворительного комитета, первое заседание которого состоялось 10 января 1892 г. С этого момента все прочие благотворительные организации были объединены под руководством губернского комитета[3].

К 15 февраля 1892 г. на частные средства в целом по губернии было открыто более 100 столовых, в которых получало пищу 5 тысяч человек. Повсеместно осуществлялась раздача муки, печеного хлеба, топлива и т.д. Образцовыми были признаны 11 столовых Вазерского попечительства (Мокшанский уезд, княжна М. А. Шаховская), где было организовано питание для 880 человек. Лунинские попечительства (Ю. А. Левиной и О. Л. Колокольцевой) содержали столовые в 10 селениях (на 700 человек). Качелаевское попечительство в Наровчатском уезде, созданное по инициативе жены местного станового Е. И. Розова исключительно на

[1] ПГВ. 1892. № 4. 5 января. С. 3.
[2] Там же. № 7. 10 января. С. 3; № 13. 17 января. С. 3. Так, 8 июня 1892 г. по инициативе земского начальника Н.Н. Ермолова была открыта бесплатная столовая для детей в возрасте до 10 лет на 107 человек. Попечительство над столовой приняла на себя учительница Наталья Ивановна Буракова. См.: ПГВ. № 126. 17 июня. С. 3.
[3] ПГВ. 1892. № 9. 12 января. С. 3.

частные пожертвования, оказывало продовольственную помощь 300 детям и старикам. В с. Исса председательницами местных попечительств выступили жены местных земских врачей Н. И. Курова и Е. Н. Стеклова[1]. Землевладелицей Керенского уезда А. А. Козловой были открыты три столовые: в с. Пятницком на 60 человек, в с. Софьевке на 75 человек и в с. Малом Буртасе на 50 человек. Действовали столовые вплоть до нового урожая[2].

В сфере благотворительной деятельности женщины выступали равнозначными акторами, отмечаемыми местной периодикой в общем ряду с мужчинами. Так, при описании «значительнейших пожертвований» по Пензенской епархии за 1900 и 1901 годы «мужские» персоналии упоминаются 65, а «женские» – в 16 случаях. Как правило, речь идет о пожертвованиях вдов на помин души своих мужей, либо дарителями выступали семейные пары и учитывались имена обоих супругов[3]. В частности, потомственная почетная гражданка В. Д. Марецкая пожертвовала в церковь с. Никольского Райского Городищенского уезда две пары полных облачений для священника и диакона и столько же покровов на священные сосуды, стоимостью 150 рублей[4]. Прихожанка церкви с. Бекетовки Инсарского уезда, жена действительного статского советника А. Вишнякова пожертвовала в местную церковь серебряный напрестольный ковчег и стихарь стоимостью 125 руб., а также деньги на ремонт храма в размере 110 руб.[5] Графиня Н. В. Толстая пожертвовала в церковь с. Голицына Нижнеломовского уезда два священнических и одно диаконское облачения, а также облачения на престол и жертвенник в главном алтаре, всего на сумму

[1] ПГВ. 1892. № 120. 10 июня. С. 3.
[2] Там же. № 134. 26 июня. С. 3.
[3] ПЕВ. 1902. № 12. 16 июня. Ч.Н. С. 517–531.
[4] Там же. С. 518.
[5] Там же. С. 520.

1900 рублей[1]. Мещанка г. Кузнецка Саратовской губернии С. Боброва пожертвовала для церкви в с. Озерках Чембарского уезда 20-пудовый колокол стоимостью 500 рублей[2]: вдова крестьянина А. Монтова пожертвовала 155 рублей на переделку иконостаса в храме с. Мелюковки Наровчатского уезда[3] и т.д.

Необходимо отметить, что численность традиционных форм благотворительности в пореформенную эпоху продолжала расти. Так, в 1906 г. только в г. Пензе действовало шесть богаделен и пять детских приютов. Одним из первых благотворительных учреждений в истории Пензы была богадельня при Казанской церкви, основанная купцом Очкиным. После его смерти, последовавшей в 1826 г., богадельня перешла в ведение Епархиального попечительства. Но пожилые призреваемые находились на полном содержании купчихи Т. А. Очкиной[4]. При этом девочки и женщины составляли основной контингент и приютов, и богаделен. Так, в Александринском приюте г. Пензы (открыт в 1845 г.) в 1906 г. содержалось 40 постоянно живущих девочек и 62 – приходящих. Девочки обучались грамоте по программе городских приходских школ, белошвейным работам, вышивке, рисованию, пению, приготовлению кушаний и «другим домашним работам»[5].

Новой формой социального волонтерства в н. XX в. стало открытие детских яслей. Так, в с. Мертовщине Городищенского уезда в имении В. Д. Молочниковой в летнее время открывался приют «Ясли», принимавший на период сельскохозяйственных работ до 100 детей жителей

[1] ПЕВ. 1902. № 12. 16 июня. Ч.Н. С. 523.
[2] Там же. С. 524.
[3] Там же. С. 526.
[4] Обзор Пензенской губернии за 1906 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1907. С. 46.
[5] Там же.

села[1]. Временные ясли, организованные на средства землевладельцев: О. Н. Азаревич, В. И. Рошковского и Ю. О. Левиной, действовали в 1905 г. в сс. Михайловке, Маровке и Большом Левине Мокшанского уезда[2].

Развернутая характеристика системы благотворительных организаций в регионе представлена в Обзоре Пензенской губернии за 1913 г. Преимущественно женскими оставались: в Пензе – два отделения богадельни им. Киселевых; Общество вспомоществования при женской гимназии Сердобольской; Общество поощрения трудолюбия, в введении которого находилась Татищевская школа; а также община сестер милосердия во имя Св. Ольги. Примечательно, что последняя была отнесена по роду своей деятельности к числу «филантропических, но не благотворительных учреждений»[3]. Отчетная документация к благотворительным учреждениям относила (в порядке появления соответствующих практик) богадельни, приюты, общества вспомоществования учащимся. В уездах благотворительные заведения по незначительности своего материального обеспечения и, следовательно, числа призреваемых, действовали без учета гендерного принципа. Тем не менее, отметим женские инициативы в этой сфере. В частности, в Пензенском уезде в д. Колюпановке попечительницей детского приюта, в котором содержалось 8 мальчиков и 12 девочек, выступила М. А. Селиванова (приют основан в 1891 г.). Одна из двух богаделен, действовавших в Городищенском уезде (при Шихано-Покровском женском монастыре, близ с. Базарная Кеньша), была учреждена на средства кн. А. А. Оболенской. Приют-школа, предназначавшаяся, главным образом, для призрения осиротевших девочек, действовала при Пайгармском женском монастыре в Инсарском уезде. В с. Черкасском Керенского уезда на

[1] Обзор Пензенской губернии за 1906 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1907. С. 50.
[2] Обзор Пензенской губернии за 1905 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1906. С. 49.
[3] Обзор Пензенской губернии за 1913 г. Приложение в Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. Пенза, 1914. С. 49.

проценты с пожертвованного землевладелицей Охотниковой капитала в 3000 руб. также содержалась богадельня. Аналогичное заведение «имени Головой» действовало с. Рыбкине Краснослободского уезда[1]. На средства земства и землевладелицы О. Л. Азаревич содержался детский приют в с. Муратовке Мокшанского уезда, в котором «находилось на призрении» 12 детей обоего пола[2]. В 1913 г. Пензенское местное управление российского общества Красного Креста вместо умершего Д. К. Гевлича возглавил губернский предводитель дворянства, камергер Двора Его Императорского Величества, действительный статский советник В. Д. Бибиков. В состав Управления по-прежнему входили княжна А. П. Максутова, М. Н. Щеткина, Л. С. Протасьева и Н. Н. Устинова[3]. Судя по именному списку членов Общества Красного креста, из 29 действительных членов женщины составляли 48 % (14 человек), в составе почетных членов встречаем Варвару Ильиничну Горяйнову и Любовь Сергеевну Протасьеву[4].

Подводя итоги изложенному в главе, пореформенную эпоху провинциальная модель фемининности претерпевает решительные, если не революционные изменения. Под воздействием ускорения модернизационных процессов женщины занимают позицию ответственных проводников эмансипации, одновременно выступая ресурсом адаптации и медиатором, определяющим наиболее эффективный путь соединения традиций и новаций.

Наиболее заметными стали женские инициативы в сфере образования, что во многом объясняется низким стартовым уровнем развития и серьезными диспропорциями в сфере доступности образования для мужчин и женщин в регионе. Первые учреждения среднего образования для девочек появились в Пензе в 1870 г. Начало XX века отмечено созданием частных гимназий, а всего в 1904–1915 гг. в Пензенской губернии было основано 8 женских гимназий (из 11) и не только в губернском, но и в уездных центрах.

---

[1] Обзор Пензенской губернии за 1913 г. С. 50–51.
[2] Там же. С. 52.
[3] ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 890. Л. 14–14 об.
[4] Там же. Л. 17–17 об.

Новой сферой трансформации гендерных ролей в эпоху модерна становится участие провинциалок в патриотическом движении в годы военных конфликтов, выросшем на базисе духовно-нравственного служения (аскезы). Женские инициативы по оказанию помощи раненым и больным воинам и иным категориям граждан, пострадавшим от войн, встречали безоговорочную поддержку и одобрение со стороны общества и государства.

И все же доминирующее положение в дискурсе публичной сферы Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века занимали женские практики социального волонтерства и духовно-нравственного служения, что особенно ярко проявилось в развитии системы общественного призрения и благотворительных учреждений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило установить, что в период перехода российской провинции от традиционного общества к обществу модерна стремительная женская эмансипация и рост гражданской активности отразили один из системных адаптационных ресурсов российской цивилизации. Именно женщины выполнили миссию контркультурной силы, пошатнувшей традиционные устои, в том числе посредством создания и деятельности добровольных ассоциаций, общественных объединений с государственным участием, оформивших движение от сословно-корпоративного к массовому обществу.

В ходе уточнения временных рамок женской эмансипации в Пензенской губернии было аргументировано смещение начального этапа к концу 1860-х гг. и выделение двух периодов: конец 1860-х –1905 г. и 1905–1917 гг. Сделан вывод о следовании движения в общем русле общеимперских процессов в целом, хотя и с некоторым опозданием, и об ускоренной его политизации в условиях революции 1905–1907 гг., что на региональном уровне проявилось в участии воспитанниц пензенских гимназий и епархиального училища в акциях антигражданской и экстремистской направленности.

Анализ корпуса привлеченных источников свидетельствует, что предпосылками роста проявлений фемининности в публичном пространстве российской провинции выступил высокий уровень религиозности и сохранение преемственности практик социального и духовно-нравственного служения. В то же время либеральные инициативы правительства вскрыли многовековой нарыв гендерного неравенства, блокировавшего социокультурное развитие (отсутствие доступа к образованию, ограничения в сфере занятости, тотальная зависимость от власти мужа и т.д.).

В ходе разработки исследовательской проблемы было установлено, что к началу 1870-х гг. в сознании региональной элиты сформировалась установка на необходимость развития женского профессионального образования. Вместе с тем ситуация сдерживания эволюции правового статуса женщин в публичном пространстве губернии сохранялась вплоть до начала Первой мировой войны, а образ «учительницы» в период революции 1905–1907 гг. имел демоническую коннотацию как «террористки». Наиболее ярко трансформация модели фемининности в сознании провинциального социума проявилась в отношении солдаток – нового социокультурного феномена, рожденного введением всеобщей воинской повинности. Призыв новобранцев на действительную службу и длительный отрыв от семьи выступал фактором, дискредитировавшим их жен в глазах сообщества. Ситуация постепенно меняется в первые десятилетия XX века, когда солдатки становятся главами семейств и представляют интересы своего хозяйства на сельском сходе, превращаются в серьезную политическую силу, способную остановить ход аграрной реформы и выделы из общины.

Проведенное исследование позволило определить значение демографического фактора в изменении социального статуса и практик поведения женщин. В 1864 – 1914 гг. численность населения Пензенской губернии выросла в два раза и составила свыше 2 млн чел., что в условиях низких темпов урбанизации и индустриализации региона задавало логику грядущего социального взрыва. Проведенный анализ свидетельствует, что демографическая революция была вызвана сокращением смертности из-за изменения структуры и качества питания, развития земской медицины и санитарно-гигиенической культуры населения, а также ростом социальных ожиданий решения «земельного вопроса». Согласно проведенным подсчетам, смертность населения в Пензенской губернии снижается с 41,5 чел. (в расчете на тысячу населения) до 33,6 в 1875–1910 гг. При этом «демографический бум» был характерным исключительно для пензенской

деревни. Низкий уровень промышленного развития губернского центра сдерживал процессы урбанизации в регионе. В то же время в ходе исследования выявлено, что в сравнении с общероссийскими показателями Пензенская губерния демонстрировала сохранение более высокой брачности даже в преддверии Первой мировой войны. Более чем в два раза число браков в регионе сократилось только в 1914 г.

Установлено, что формирование отдельных элементов публичности как сферы социально-политической коммуникации (и женского присутствия в ней) в Пензенской губернии относится к периоду 1820-х – 1840-х гг., что соответствует общеимперским трендам (учреждение пензенскими «именитыми дамами» попечительства о бедных и пр.). В русле либеральных реформ первые инициативы в сфере женской эмансипации будут реализованы в регионе в конце 1860-х гг. В период второй половины XIX – начала XX вв. женское движение в Пензенской губернии эволюционировало от традиционного формата социального волонтерства (строительство и украшение храмов; создание учреждений социальной защиты; деятельность дамского кружка по инициативе супруги начальника губернии и т.д.) к институционализации сегмента либерального направления, что проявилось в формировании горизонтальной сети ассоциаций (в том числе и религиозных), в индивидуальных инициативах в сфере развития образования, оказания помощи голодающим и т.д. Блокировка возможностей для дальнейшего профессионального роста и социальной мобильности (при высоком уровне религиозности общества) послужила фактором политизации движения в период Первой российской революции 1905–1907 гг.

Первые признаки радикализации настроений отмечены в российской провинции в 1902 г., что связано с началом деятельности на территории Пензенской губернии социалистов-революционеров. В ходе изучения проблемы сделан вывод о значительном представительстве женщин в составе объединений антиправительственной радикальной направленности,

действовавших в регионе (как определенной доминанты и при этом маскулинизации фемининности). В революционные годы рост оппозиционной активности в регионе был отмечен главным образом в учреждениях образования: Духовной семинарии, Художественном и Епархиальном женском училищах. Установлено, что в октябре 1905 г. 139 учениц Епархиального женского училища приняли участие в акции протеста и потребовали расширения программы, права поступления в высшие учебные заведения и свободного посещения увеселительных мест. Основным мотивом участия женщин в революционном движении определена блокировка возможностей для личностного роста и профессиональной самореализации.

Доказан тезис о том, что импульсом к расширению возможностей для участия частных лиц и общественных объединений в деле социального обеспечения стало упразднение Приказов общественного призрения. Анализ материалов региональной периодической печати и делопроизводственной документации органов власти, духовной консистории и общественных ассоциаций показал, что Русская Православная Церковь в российской провинции выступала одним из основных институтов раскрепощения / эмансипации инициативы социального служения, что особенно заметно при изучении генезиса женских общин и монастырей. Формами монастырской благотворительности являлись: открытие школ, содержание богаделен, а с 1890-х гг. – поддержка Православия в Св. Земле и русского паломнического движения.

Первоосновой для масштабирования практик социального служения выступала персонификация подвижничества (реализация личных стратегий), что рассмотрено на примере деятельности М. М. Киселевой и Л. А. Татищевой. В середине XIX столетия признанным лидером этого движения (в общем русле подъема национального самосознания и гражданской активности) становится Мария Михайловна Киселева. В 1830-е гг. семья Киселевых обосновалась в Пензе и вскоре имена Александра

Григорьевича и Марии Михайловны получили широкую известность благодаря инициативам в сфере благотворительности. Анализ практик социального служения Киселевых (основание Александринского приюта, строительство храмов в Пензе и на Святой Земле, пожертвования и попечение о раненых и больных воинах во время Сербско-турецкой войны и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., попечение о духовном образовании, участие в учреждении монастырей, учреждение богадельни и пр.) свидетельствует о воспроизводстве традиционной стратегии социальной защиты и сохранении исторической преемственности. Отмечено, что инициативы М. М. Киселевой и для современников, и для последующих поколений выступают эталонным образцом поведения, что нашло свое отражение в мемориальной культуре регионального сообщества в начале XXI в. Уделяется внимание особо значимым проектам пензенской помещицы. Мария Михайловна была действительным членом Императорского Православного Палестинского Общества, а в 1881 г. Киселеву избрали почетной гражданкой Пензы.

В благотворительной деятельности Лидии Арсеньевны Татищевой, супруги пензенского губернатора А. А. Татищева, прежде всего, в создании Общества для поощрения трудолюбия прослеживается формирование ценностных установок эпохи модерна. Установлено, что первой официально признанной формой женской эмансипации становится развитие профессионального образования и экономической активности женщин (вспомоществование бедным женщинам всех сословий). Лидия Арсеньевна возглавила данную ассоциацию, а ее главное детище, ремесленная школа, в 1888 г., по Высочайшему повелению, стала именной – Татищевской.

В ходе исследования установлено, что новыми формами гражданской активности в пореформенный период становится мобилизация ресурсов на попечение о больных и раненых воинах, а также развитие народного образования.

Выявлены практики социального служения пензенских женщин в годы Сербско-турецкой и Русско-турецкой войн, в числе которых: сбор средств на пособия нуждавшимся семействам нижних чинов, призванных на военную службу, устройство временного госпиталя в г. Пензе, изготовление белья и обеспечение медицинских учреждений всем необходимым, создание дамского кружка и учреждение дежурства в госпиталях и т. д. Председательницей Пензенского управления Общества попечения о больных и раненых воинах, созданного в 1876 г., становится также Л. А. Татищева. Ее примеру последовала Любовь Сергеевна Протасьева, учредившая в 1894 г. в г. Пензе общину сестер милосердия во имя Св. Ольги Российского общества Красного Креста.

Наибольшая активность пензенского сообщества и укрепление гендерной толерантности в деле вспомоществования учащимся и учащим отмечена в конце 1890-х – начале 1900-х гг. Установлено, что рост самосознания провинциалок вплоть до начала XX века происходит вне рамок феминистского движения. Пензенское отделение Всероссийского союза равноправия (равноправности) женщин разворачивает активную деятельность уже после учредительного съезда ассоциации. Выявлено, что делегатки от Пензы приняли активное участие во втором съезде 8–12 октября 1905 г. и получили известность благодаря своей радикальной позиции (поддержка требования бойкота Государственной Думы). После революции деятельность отделения угасает. Вместе с тем участие в революции 1905–1907 гг. определено как практика адаптации к современным формам гражданской активности, что прослеживается на примере деятельности общественных объединений, созданных уже после появления именного указа Правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. Установлено, что в численном составе обществ взаимопомощи доля женщин существенно возрастает (до 40 и более %). Значительно увеличилось представительство женщин в составе ассоциаций в

сфере образования (например, Родительское общество вспомоществования нуждающимся ученицам Пензенской женской гимназии, учрежденной Е. А. Сердобольской, в составе правления которого в 1910 г. численность женщин составила 51 %). В то же время попытка создания в губернии женских объединений националистического характера (Союз русских женщин М. Н. Дитрих) успехом не увенчалась.

На основе изучения региональной периодической печати доказано, что переломным для утверждения новой модели феминности в публичном пространстве Пензенской губернии становится 1913 г. Изменение содержания и коннотации публикаций «Пензенских губернских ведомостей» свидетельствует о том, что тема гендерного равенства, особенно в сфере образования, приобретает характер самой передовой и популярной идеи.

Анализ делопроизводственных документов позволил сделать вывод о том, что накопительный эффект факторам эмансипации женщин обеспечило становление системы женского образования, а также постепенный рост трудовой занятости женщин в сфере промышленного производства, системе здравоохранения и образования, деятельности государственных предприятий и сферы услуг. Массовые формы благотворительная деятельность пензенских попечительниц приобретает в голодные 1891–1892 гг. Пензенские женщины открывали столовые, а также выступали посредниками при организации правительственной помощи голодающим.

Мощнейшим катализатором процессов социокультурного перехода становятся военные конфликты индустриальной эпохи. Установлено, что начало Первой мировой войны способствовало расширению масштабов и демократизации благотворительной деятельности. Отмечено возобновление деятельности дамского комитета под председательством жен губернаторов: сначала Констанции Христиановны Лилиенфельд-Тоаль, а затем Ольги Иосифовны Евреиновой. В состав Пензенского педагогического комитета помощи пострадавшим от войны вошли начальницы женских учебных

заведений: В. А. Николаева, В. В. Беляева, Е. А. Сердобольская, М. Ф. Мансырева, а также многие преподавательницы учебных заведений, что свидетельствует о гендерном паритете в провинциальной системе образования. С другой стороны, в период Первой мировой войны отмечено снижение значения женских ассоциаций оказания помощи раненым и больным воинам на фоне укрепления роли земских и городских органов самоуправления.

Выявлен «женский» фактор роста погромных настроений в российской провинции в 1916 г., рассмотрены формы участия женщин в демократическом движении 1917 г.

Установлено, что одной из характерных особенностей провинциальной фемининности выступает гендерная толерантность, отсутствие стремления к закрытости, обособленности от мужского участия, к преодолению «мужской доминации». Отчасти это объясняется утилитарно-прагматическим подходом к решению проблемы материального обеспечения благотворительной деятельности. Кроме того, провинция оставалась оплотом традиционно-патриархального уклада, блокировавшего противопоставление полов даже на уровне самоидентификации. Маскулинизация фемининности при этом выступала средством, но не самоцелью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

1. Архивные документы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп. 67. Д. 35; Оп. 125. Д. 49; Оп. 202 (7-е делопроизводство 1905 г.). Д. 6606, 7081; Оп. 203. Д. 330, 7084; Оп. 207 (1910 год). Д. 1235.
2. Ф. 516. Союз равноправия женщин. Оп. 1. Д. 5, 8.
3. Ф. 642. Мария Федоровна (урожденная Принцесса Датская Софья-Фридерика-Дагмара), Императрица, жена императора Александра III. Оп. 1. Д. 198, 228.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

4. Ф. 337/2. Российское Императорское Православное Палестинское общество. Оп. 1. Д. 725.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

5. Ф. 759. Собственная Е. И. В. Канцелярия по учреждениям Императрицы Марии. Оп. 21. Д. 23, 160, 951, 1716, 3908; Оп. 33, Д. 1803; Оп. 34. Д. 160, 611; Оп. 35. Д. 42; Оп. 90. Д. 23.
6. Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 146. Д. 1062; Оп. 442. Д. 108.
7. Ф. 799. Хозяйственное управление при Синоде. Оп. 4. Д. 1315.
8. Ф. 958. Киселев Павел Дмитриевич, граф (1788-1872), полномочный председатель диванов княжеств Молдавии и Валахии, министр государственных имуществ, российский посол во Франции. Оп. 1. Д. 264
9. Ф. 1263. Комитет министров (1802–1906). Оп. 4. Д. 49.
10. Ф. 1284. Департамент общих дел МВД. Оп. 185. 1896. Д. 10.

11. Ф. 1287. Хозяйственный Департамент МВД. Оп. 15. Д. 1552.

Государственный архив Пензенской области (ГАПО)

12. Ф. 5. Канцелярия Пензенского губернатора. Оп. 1. Д. 2006, 3298, 5796, 5901, 5903, 6027, 7079, 7246, 7419, 7456, 7494, 7585, 7586, 7728, 7966.

13. Ф. 6. Пензенское губернское правление. Оп. 1. Д. 10380, 10877.

14. Ф. 16. Пензенское губернское по делам об обществах и союзах присутствие. Оп. 1. Д. 8, 11, 12, 14, 28, 75, 89, 117, 890, 910.

15. Ф. 81. Дирекция народных училищ Пензенской губернии. Оп. 1. Д. 681, 895, 1146, 1402.

16. Ф. 84. Пензенское местное управление Российского общества Красного Креста. Оп. 1. Д. 10, 22, 38, 93, 855.

17. Ф. 85. Пензенский лазарет Общества Красного креста в г. Нерчинске. Оп. 1. Д. 1.

18. Ф. 86. Пензенский губернский попечительный совет о раненых и больных воинах. Оп. 1. Д. 1.

19. Ф. 87. Пензенское губернское отделение комитета княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий. Оп. 1. Д. 1.

20. Ф. 88. Богадельня Александра и Марии Киселевых в г. Пензе. Оп. 1. Д. 17.

21. Ф. 89. Пензенское губернское попечительство детских приютов. Оп. 1. Д. 2.

22. Ф. 97. Пензенская община сестер милосердия общества Красного креста. Оп. 1. Д. 1, 2, 3.

23. Ф. 98. Комитет общества поощрения трудолюбия в г. Пензе. Оп. 1. Д. 11, 18, 19.

24. Ф. 102. Пензенское губернское попечительство о бедных. Училище трудолюбия. Оп. 1. Д. 1, 2, 48.

25. Ф. 104. Пензенская вторая женская гимназия. Оп. 1. Д. 425, 494, 519.

26. Ф. 105. Пензенская женская прогимназия. Оп. 1. Д. 11, 12.

27. Ф. 106. Пензенская первая гимназия. Оп. 1. Д. 25, 207, 564, 628, 1211.

28. Фонд 109. Пензенская городская управа. Оп. 1 Д. 382.

29. Ф. 114. Пензенская женская общества преподавателей, учрежденная Е. П. Шор и М. Ф. Мансыревой. Оп. 1. Д. 50.

30. Ф. 116. Общество вспомоществования бедным ученицам Пензенских женских гимназий и прогимназий. Оп. 1. Д. 1а.

31. Ф. 119. Пензенское женское городское начальное училище 8-е. Оп. 1. Д. 1.

32. Ф. 129. Пензенский Спасо-Преображенский мужской монастырь. Оп. 1. Д. 4.

33. Ф. 139. Пензенская женская гимназия Е. А. Сердобольской. Оп. 1. Д. 1.

34. Ф. 143. Пензенская земская повивальная школа 2-го разряда. Оп. 1. Д. 17, 19.

35. Ф. 179. Пензенская земская фельдшерская школа. Оп. 1. Д. 1.

36. Ф. 182. Пензенская духовная консистория. Оп. 1. Д. 2448, 2700.

37. Ф. 190. Пензенское общество содействия внешкольному образованию. Оп. 1. Д. 1.

38. Ф. 196. Пензенское губернское дворянское депутатское собрание. Оп. 2. Д. 272, 1237.

39. Ф. 226. Пензенское епархиальное женское училище. Оп. 1. Д. 10, 27.

40. Ф. 317. Пензенское отделение русского музыкального общества. Оп. 1. Д. 1, 3, 8.

2. Опубликованные документы

2.1. Нормативные правовые акты

41. Именной указ Правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах 4 марта 1906 г. – Текст: электронный. – URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5205/ (дата обращения: 28.05.2025).

42. Канторович, Я. А. Законы о женщинах: (Сб. всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц жен. пола) – Текст: непосредственный / сост. Я. А. Канторович. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. – 272 с.

43. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4356-р. – Текст: электронный. – URL: http://static.government.ru/media/files/ilHtVCkhskBAE9DAflD3Akpd787xAOc4.pdf (дата обращения: 25.04.2025).

44. Нормальный устав общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста: [утвержден 13 мая 1903 года]. – Текст: непосредственный. – Тобольск: Губернская типография, 1903. – 46 с.

45. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. – Текст: электронный // Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1885. – Тип. Т. 55 и Общ. алф. указ. : Гос. тип. Т. 39 : 1864. – 1867. Т. 39 : 1864, отд-ние 1 : от № 40457-41318. – 1867. – 973 с. – URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/393-otd-nie-1-ot-40457-41318-1867 (дата обращения: 08.05.2024).

46. Положение о женских гимназиях и прогимназиях министерства народного просвещения от 24 мая 1870 г. // Полное собрание законов

Российской империи. Т. XXXXV. 48406. – С. 701–705. URL:https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=934&regim=3 (дата обращения: 08.05.2024).

47. Положение о начальных народных училищах от 14 июля 1864 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Царствование императора Александра II. 1855–1864. – Санкт-Петербург: Тип. Императ. акад. наук, 1865. – С. 1226–1282. https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/428535-1864-iyulya-14-polozhenie-o-nachalnyh-narodnyh-uchilischah#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 08.05.2024).

48. Роговин, Л. М. Законы об обществах, союзах и собраниях: с разъяснениями Правительственного Сената и Министерства внутренних дел и Алфавитным предметным указателем. – Текст: электронный. – Санкт-Петербург: Издание юридического книжного магазина И. И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1912. – 104 с. – URL: https://vivaldi.dspl.ru/bx0000593/view/?#page=3 (дата обращения: 11.05.2025).

49. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – Санкт-Петербург, 1889. – Текст: непосредственный.

50. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.». – Текст: электронный. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 11.05.2024).

51. Устав о воинской повинности. – Текст: электронный // Россия. Законы и постановления. Устав о воинской повинности: высочайше утвержденный 1-го января 1874 г. – [Москва: Унив. тип.], 1874. – 78 с. – Прил. к «Моск. Ведомостям», 1874 г. – URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/50770-rossiya-zakony-i-postanovleniya-ustav-o-voinskoy-povinnosti-vysochayshe-utverzhdennyy-1-go-yanvarya-1874-g-m-1874 (дата обращения: 21.04.2025).

52. Устав об общественном призрении. – Текст: электронный // Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1915 года / Россия. Законы и постановления. – Т. 13: Устав об общественном призрении. 1915. – Петроград, 1915. – 243 с. – URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/17825-t-13-ustav-ob-obschestvennom-prizrenii-1915 (дата обращения: 21.04.2025).

2.2 Делопроизводственная документация

53. Доклад Пензенской губернской земской управы об участии Пензенского губернского земства в развитии народного образования в 1901 г. – Текст: непосредственный. – Пенза: Паровая Типо-Литография Н. Н. Молочникова, 1901. – 72 с.

54. Краткий исторический очерк 25-летнего существования Пензенской женской гимназии (1869–1894 г.). – Текст: непосредственный. – Пенза: Тип. Губернского правления, 1895. – 18 с.

55. Обзор Пензенской губернии за 1872 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1873. – 32 с.

56. Обзор Пензенской губернии за 1874 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1875. – 99 с.

57. Обзор Пензенской губернии за 1875 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1876. – 131 с.

58. Обзор Пензенской губернии за 1876 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1877. – 91 с.

59. Обзор Пензенской губернии за 1877 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1878. – 116 с.

60. Обзор Пензенской губернии за 1879 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1880. – 132 с.

61. Обзор Пензенской губернии за 1880 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1881. – 127 с.

62. Обзор Пензенской губернии за 1881 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1882. – 146 с.

63. Обзор Пензенской губернии за 1882 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1883. – 124 с.

64. Обзор Пензенской губернии за 1883 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1884. – 107 с.

65. Обзор Пензенской губернии за 1884 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1885. – 93 с.

66. Обзор Пензенской губернии за 1885 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1886. – 82 с.

67. Обзор Пензенской губернии за 1886 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Типография Губернского правления, 1887. – 78 с.

68. Обзор Пензенской губернии за 1887 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Типография Губернского правления, 1888. – 80 с.

69. Обзор Пензенской губернии за 1888 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Типография Губернского правления, 1889. – 67 с.

70. Обзор Пензенской губернии за 1889 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Типография Губернского правления, 1890. – 49 с.

71. Обзор Пензенской губернии за 1890 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Типография Губернского правления, 1891. – 60 с.

72. Обзор Пензенской губернии за 1891 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Типография Губернского правления, 1892. – 99 с.

73. Обзор Пензенской губернии за 1892 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1893. – 78 с.

74. Обзор Пензенской губернии за 1893 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1894. – 43 с.

75. Обзор Пензенской губернии за 1894 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст:

непосредственный. – Пенза: Типография Губернского правления, 1895. – 50 с.

76. Обзор Пензенской губернии за 1895 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1896. – 50 с.

77. Обзор Пензенской губернии за 1898 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1899. – 65 с.

78. Обзор Пензенской губернии за 1899 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1900. – 69 с.

79. Обзор Пензенской губернии за 1900 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1901. – 88 с.

80. Обзор Пензенской губернии за 1901 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Типография Губернского правления, 1902. – 70 с.

81. Обзор Пензенской губернии за 1902 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Типография Губернского правления, 1903. – 79 с.

82. Обзор Пензенской губернии за 1903 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Типография Губернского правления, 1904. – 76 с.

83. Обзор Пензенской губернии за 1904 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. – Текст:

непосредственный. – Пенза: Типография Губернского правления, 1905. – 72 с.

84. Обзор Пензенской губернии за 1905 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1906. – 59 с.

85. Обзор Пензенской губернии за 1906 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1907. – 59 с.

86. Обзор Пензенской губернии за 1907 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1908. – 57 с.

87. Обзор Пензенской губернии за 1908 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1909. – 59 с.

88. Обзор Пензенской губернии за 1909 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1910. – 61 с.

89. Обзор Пензенской губернии за 1910 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1911. – 67 с.

90. Обзор Пензенской губернии за 1911 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1912. – 63 с.

91. Обзор Пензенской губернии за 1912 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1913. – 66 с.

92. Обзор Пензенской губернии за 1913 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1914. – 54 с.

93. Обзор Пензенской губернии за 1914 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Пензенского губернатора. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1915. – 68 с.

94. Отчет о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Пензенских гимназий и прогимназий за 1894 г. – Текст: непосредственный. – Пенза, 1894. – 25 с.

95. Отчет о деятельности Родительского Общества вспомоществования нуждающимся ученицам 1-й частной женской гимназии в г. Пензе учрежденной Е. А. Сердобольской за 1909–1910 отчетный год. – Текст: непосредственный. – Пенза: Паровая типо-литография Е. М. Грушецкой, 1910. – 8 с.

96. Отчет о деятельности состоящего под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны Общества поощрения трудолюбия в г. Пензе, ведомства Императорского Человеколюбивого Общества, и находящихся в ведении Общества Татищевской женской ремесленной школы и отделения по раздаче работ бедным труженицам за 1909 г. – Текст: непосредственный. – Пенза: Типография И. В. Сивохина, 1910. – 30 с.

97. Отчет о деятельности состоящего под Августейшим покровительством Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны покровительством Союза русских женщин. – Текст: непосредственный. – Санкт-Петербург: Типо-литография С.-Петербургской тюрьмы, 1912. – 8 с.

98. Отчет общества имени А. С. Пушкина взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Пензенской губернии за время с 1 августа 1900 года по 1 августа 1902 года. – Текст: непосредственный. – Пенза, 1902. – 68 с.

99. Отчет общества имени А. С. Пушкина взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Пензенской

губернии за время с 1 августа 1908 года по 1 августа 1909 года. – Текст: непосредственный. – Пенза, 1909. – 51 с.

100. Отчет общества имени А. С. Пушкина взаимного вспомоществования учащимся и учившим в народных училищах Пензенской губернии за время с 1 августа 1905 года по 1 августа 1906 года. – Текст: непосредственный. – Пенза: Паровая Типо-Литография Е. М. Грушецкой, 1906. – 58 с.

101. Отчет Пензенского местного управления и Керенского комитета Российского Общества Красного Креста за 1882 год. Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1883. – 35 с.

102. Отчет Пензенского местного управления Российского общества Красного креста за 1900 год. – Текст: непосредственный. – Пенза: Типография Губернского правления, 1901. – 47 с.

103. Отчет Пензенского местного управления Российского общества Красного Креста за 1909 г. – Текст: непосредственный. – Пенза: Типография И. В. Сивохина, 1910. – 20 с.

104. Отчет Пензенской общины сестер милосердия во имя Св. Ольги, состоящей под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны за 1911 год. – Текст: непосредственный. – Пенза: Губернская типография, 1912. – 33 с.

105. Отчет Православного Палестинского Общества за 1882–1883 год. – Текст: непосредственный. – Санкт-Петербург: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1883. – 123 с.

106. Положение о кружечном сборе Российского Общества защиты женщин. – Текст: непосредственный. – Санкт-Петербург: б/и, 1903. – 10 с.

107. Устав состоящего под Августейшим покровительством Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны покровительством Союза русских женщин. – Текст: непосредственный. – Санкт-Петербург: Типо-литография С.-Петербургской тюрьмы, 1912. – 8 с.

3. Периодическая печать

108. Отечественные записки: ежемесячный литературный журнал. – Санкт-Петербург, 1869, 1870, 1871, 1877. – Текст: непосредственный.

109. Пензенские губернские ведомости: официальная газета Пензенской губернии. – Пенза, 1876–1879, 1887, 1890, 1895, 1904, 1910, 1914. – Текст: непосредственный.

110. Пензенские епархиальные ведомости: официальный печатный орган Пензенской митрополии. – Пенза, 1866, 1868, 1885, 1894, 1898, 1914–1916, 2018–2020, 2022. – Текст: непосредственный.

111. Перестрой: орган пензенской фракции партии конституционалистов-демократов. – Пенза, 1906. – Текст: непосредственный.

112. Сельский вестник: еженедельная народная газета. – Санкт-Петербург, 1888. – Текст: непосредственный.

4. Сборники документов, статистические сборники, справочные издания

113. Благотворительные учреждения Российской Империи. Составлено по высочайшему повелению Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям императрицы Марии. Том II. – Санкт-Петербург, 1900. – 986 с. – Текст: непосредственный.

114. Женские гимназии и прогимназии министерства народного просвещения 1858–1905. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1905. – 140 с. – Текст: непосредственный.

115. История развития женского движения в России. Приложение к журналу «Союз женщин России». Краткий справочник / Сост. Е. Я. Башун. – Москва: «ПТ-Колор принт», 2021. – 36 с. – Текст: непосредственный.

116. Личный состав Комитета ее императорского высочества великой княжны Татианы Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий и его местных отделений : (составлен к 1

мая 1916 г.). – Петроград: издание Особого отдела Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны, 1916. – 84 с. – Текст: непосредственный.

117. Начальное народное образование в России / Императорское вольное экон. о-во; под ред. [и с предисл.] членов Совета бывшаго Санкт-Петербургскаго ком. грамотности Г. Фальборка и В. Чарнолуского. – Санкт-Петербург: Тип. товарищества «Народная польза», 1900-1905. – Т. 1: Статистические таблицы по уездам, городским поселениям и селениям Империи. – 1900. – XX, 407 с. – Текст: непосредственный.

118. Общины сестер милосердия Российской империи в 1844–1917 гг.: Энциклопедический справочник / Под общ. ред. свящ. А. В. Постернака. – Москва: Изд-во ПСТГУ, 2019. – 608 с. – Текст непосредственный.

119. Памятная книжка Пензенской губернии за 1911 г. – Пенза: б/и, 1912. –326 с.

120. Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн.1: 1914–1916 / Отв. сост. В. В. Кондрашин. – Прага, 2014. – 544 с. – Текст: непосредственный.

121. Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн.2: 1917– март 1918 / Отв. сост. В. В. Кондрашин. – Прага, 2014. – 596 с. – Текст: непосредственный.

122. Пензенская епархия. Историко-статистическое описание. С картою Пензенской губернии. – Пенза: Типография губернского правления, 1907. – 321 с. – Текст: непосредственный.

123. Пензенская энциклопедия // Гл. ред. К.Д. Вишневский. – Москва: Большая Рос. Энцикл., 2001. – 756 с. – Текст: непосредственный.

124. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1-89] / под редакцией Н. А. Тройницкого. Текст: непосредственный. – [Санкт-Петербург]: издание Центрального статистического комитета

Министерства внутренних дел, 1899–1905. XXX. Пензенская губерния. – Санкт-Петербург: Типография кн. В. П. Мещерского, 1903. – 257 с.

125. Революционная борьба трудящихся Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Сб. документов. – Пенза: Пензенское кн. изд-во, 1955. – 160 с. – Текст: непосредственный.

126. Россия в Святой Земле: Док. и материалы / Архив внеш. политики Рос. Империи МИД РФ [и др.]; [Сост., подгот. текста, расположение материала, вступ. ст., коммент. и общ. ред. Н. Н. Лисового]. Т. 1. – Москва: Междунар. отношения, 2000. – 741 с. – Текст: непосредственный.

127. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. XXX. Пензенская губерния. По сведениям 1864 г. – Санкт-Петербург: Типография Карла Вульфа, 1869. – XXXIII, 120 с. – Текст: непосредственный.

128. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В. И. – Том 3. П. – Санкт-Петербург: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. – 576 с. – Текст: непосредственный.

129. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – Т. XL а. – Санкт-Петербург: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1904. – С. 469–954. – Текст: непосредственный.

130. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – Т. XXV. – Санкт-Петербург: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898. – 958 с. – Текст: непосредственный.

131. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XI а. – Санкт-Петербург: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1894. – С. 467–958. – Текст: непосредственный.

132. Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882-2022 гг. 140-летию ИППО посвящается / Составление,

редакция и предисловие С. Ю. Житенева. – Москва: Изд-во «Индрик», 2022. – 956 с. – ISBN 978-5-91674-671-6. – Текст: непосредственный.

5. Источники личного происхождения

133. Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1881. – Москва: «Индрик», 2011. – 384 с. – Текст: непосредственный.

134. Архимандрит Антонин (Капустин). Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции 1866–1891. – Москва: «Индрик», 2010. – 512 с. – Текст: непосредственный.

135. Кошко, И. Ф. Воспоминания губернатора. (1905–1914 г.). Новгород – Самара – Пенза. – Петроград: Типография «Содружество», 1916. – 259 с. – Текст: непосредственный.

136. Мишнин, В. А. «Такое ведь счастье остаться в этой гигантской войне живым». Дневник солдата, 1 октября 1915 г. – 29 января 1918 г. Из личного архива Б. В. Мишнина. Публикация Е. В. Мануйловой и В. И Мануйлова // Земство. Архив провинциальной истории России. – 1995. – № 2. – С. 84–158. – Текст: непосредственный.

137. Финогеева, Н. А. «Когда я пишу в дневнике все, что у меня на душе, я как-то успокаиваюсь…». Из дневника гимназистки, 22 февраля 1915 г. – 6 мая 1921 г. / Публикация Е. В. Мануйловой и В. И. Мануйлова // Земство: Архив провинциальной истории России. – Пенза, 1995. – № 3 (7). – С. 43–66. – Текст: непосредственный.

6. Электронные ресурсы

138. Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина: официальный сайт. – URL: https://www.prlib.ru (дата обращения: 11.06.2023). – Текст: электронный.

II. СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Монографии и статьи

1. XVIII век: интимное и публичное в литературе и культуре эпохи XVIII в. / под ред. Н. Т. Пахсарьян. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. – 587 с. – Текст: непосредственный.

2. Адам & Ева: Альманах гендерной истории / Под ред. Л. П. Репиной. – Москва: ИВИ РАН; Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. – 472 с. – ISBN 5-94067-042-3; ISBN 5-89329-530-7. – Текст: непосредственный.

3. Айвазова, С. Г. Женщины и лозунг «Свобода! равенство! братство!» / С. Г. Айвазова. – Текст непосредственный // Рабочий класс и современный мир. – 1988. – № 6. – С. 174–183. – Текст: непосредственный.

4. Айвазова, С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия: очерки политической теории и истории. Документальные материалы / С. Г. Айвазова. – Москва: РИК Русанова, 1998. – 405 с. – ISBN 5-87414-124-3. – Текст: непосредственный.

5. Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение: монография / Отв. ред. И. В. Побережников. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 316 с. – ISBN 978-5-9907691-7-5. – Текст: непосредственный.

6. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология [Текст] / пер. с англ. Г. К. Ольховикова; под ред. Д. Ю. Куракина. – Москва: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. – 640 с. – ISBN 978-5-901574-96-6. – Текст: непосредственный.

7. Алферова, И. В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма: монография / И. В. Алферова. – Брянск: «Курсив», 2011. – 352 с. – ISBN 978-5-89592-127-2. – Текст: непосредственный.

8. Ануфриев, Н. П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. Кн. 1 / под

ред. А. И. Елистратова. – Москва: Соц. музей им. А. В. Погожевой и Кабинет админ. права при Моск. ун-те, 1916. – С. 15–44. – Текст: непосредственный.

9. Анфимов, А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917) / А.М. Анфимов. – Москва: Соцэкгиз, 1962. – 384 с. – Текст: непосредственный.

10. Арендт Х. VitaActiva, или О деятельной жизни / перевод с немецкого и английского В. В. Бибихина; под ред. Д. М. Носова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 437 с. – ISBN 5-89329-230-8 (в пер.). – Текст: непосредственный.

11. Аронсон, М. И. Литературные кружки и салоны / М. Аронсон, С. Рейсер; ред. и предисл. Б. М. Эйхенбаума. – Ленинград: Прибой, 1929. – 310 с. – Текст: непосредственный.

12. Арсений (Стадницкий Авксентий Георгиевич; митр. Ташкентский и Туркестанский; 1862–1936). Встречи с Великой княгиней Елизаветой Феодоровной: дневниковые записи, 1897–1918 / митрополит Арсений (Стадницкий). – Москва: ПСТГУ, 2019. – 264 с. – ISBN 978-5-7429-1207-1. – Текст: непосредственный.

13. Атнашев, Т. М. Двести лет опыта от буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности / Т. Атнашев, М. Велижев, Т. Вайзер // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. Сб. статей. – Москва: Новое литературное обозрение, 2021. – С. 5–81. – ISBN 978-5-4448-1587-8. – Текст: непосредственный.

14. Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века): монография / В. Б. Безгин. – Москва–Тамбов: Изд-во МПГУ, ТГТУ, 2004. – 304 с. – ISBN 5-8265-0311-4. – Текст: непосредственный.

15. Безгин, В. Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи / В. Б. Безгин. – Москва: Ломоносов, 2024. – 208 с. – ISBN 978-5-91678-735-1. – Текст: непосредственный.

16. Белова, А. В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. / А. В. Белова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2010. – 478 с. – ISBN 978-5-91419-305-5. – Текст: непосредственный.

17. Белова, Е. Е. Сестры милосердия в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. / Е. Е. Белова // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 2. – С. 33–37. – Текст: непосредственный.

18. Белякова, Е. В. Женщина в православии: церковное право и российская практика / Е. В. Белякова, Н. А. Белякова, Е. Б. Емченко. – Москва: Кучково поле, 2011. – 702 с. – ISBN 978-5-9950-0165-2. – Текст: непосредственный.

19. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. Пер. Е. Д. Руткевич. – Москва: Медиум, 1995. – 323 с. – Текст: непосредственный.

20. Беркевич, А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. / А. Б. Беркевич // Исторические записки. – Москва: Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 23. – С. 3–43. – Текст: непосредственный.

21. Бильшай, В. Л. Решение женского вопроса в СССР / В. Л. Бильшай. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Гос. изд-во полит. и науч. лит., 1959. – 264 с. – Текст: непосредственный.

22. Брайсон, В. Политическая теория феминизма / В. Брайсон; пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской; Под общ. ред. Т. Гурко. – Москва: Идея-Пресс, 2001. – 304 с. – ISBN 5-7333-0026-4. – Текст: непосредственный.

23. Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. статей / Под ред. и с предисл. А. Г. Вишневского. – Москва: Статистика, 1977. – 247 с. – Текст: непосредственный.

24. Бредли, Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России / Дж. Бредли //

Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 77–89. – Текст: непосредственный.

25. Бутова, Р. Б. Формирование сакрального пространства Русской Палестины (по материалам дневника Архимандрита Антонина Капустина) / Р. Б. Бутова, Н. Н. Лисовой // Религии мира. История и современность. – 2012. – Т. 2010. – С. 518-550. – Текст: непосредственный.

26. Бутова, Р. Б. Храмостроительница и благотворительница. К 220-летию со дня рождения Марии Михайловны Киселевой / Р. Б. Бутова // Православный Палестинский сборник. – 2018. – № 115. – С. 159–172. – Текст: непосредственный.

27. Вайзер, Т. Другой Хабермас? / Т. Вайзер // Хамбермас, Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Пер. с нем. Т. Атнашева. – Москва: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 13–20. – ISBN 978-5-4448-2197-8 (в пер.). – Текст: непосредственный.

28. Вахромеева, О. Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). Со вступительным очерком «Границы женской эмансипации в дореволюционной России»: К 140-летию Бестужевских курсов. – (Ubiuniversitas, ibiEuropa) / О.Б. Вахромеева. – Москва: РОССПЭН, 2018. – 903 с. – ISBN 978-5-8243-2247-7. – Текст: непосредственный.

29. Вербилович, О. Е. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал / О. Е. Вербилович // Публичная сфера: теория, методология, кейс стадии. – Москва: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2013. – С. 35–52. – Текст: непосредственный.

30. Власов, В. А. Народное образование и наука / В. А. Власов, В. Н. Паршина. // История Пензенского края: в 3 т. / под общей ред. О. В. Мельниченко. – Т. 2. – История Пензенского края XIX века. – Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2023. – С. 447–475. – Текст: непосредственный.

31. Власов, П. В. Благотворительность и милосердие в России / П. В. Власов. – Москва: Центрполиграф, 2001. – 445 с. – ISBN 5-227-00995-3. – Текст: непосредственный.

32. Власть и общество Пензенского края в XIII – XXI вв.: исторические аспекты территориальной интеграции и формирование региональной идентичности / под общ. ред. О.А. Суховой: монография. – Пенза: ПГУ, 2024. – 684 с. – ISBN 978-5-907934-07-8. – Текст: непосредственный.

33. Вольфсон, С. Я. Семья и брак в их историческом развитии / С. Я. Вольфсон. – Москва: Соцэкгиз, 1937. – 244 с. – Текст: непосредственный.

34. Воробец, К. Одержимые. Женщины, ведьмы и демоны в царской России / К. Воробец; пер. А. Фоменко. – Москва: Новое литературное обозрение, 2023. – 344 с. – ISBN 978-5-4448-1906-7. – Текст: непосредственный.

35. Воронина, О. А. Феминизм и гендерное равенство / О. А. Воронина. – Москва: Эдиториал УРСС, 2003. – 320 с. – ISBN 978-5-354-00696-0. – Текст: непосредственный.

36. Воронина, О. А. Гендерная культура в России: традиции и новации / О. А. Воронина. – Москва: ИФ РАН, 2018. – 111 с. – ISBN 978-5-9540-0344-4. – Текст: непосредственный.

37. Ворошилова, С. В. Эволюция правового положения женщин в России в XIX – начале XX вв. / С. В. Ворошилова; под ред. О. Ю. Рыбакова. – Саратов: Саратовский источник, 2011. – 362 с. – ISBN 978-5-91879-094-6. – Текст: непосредственный.

38. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель; пер. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. – Санкт-Петербург: Питер, 2007. – 355 с. – ISBN 5-469-00033-8. – Текст: непосредственный.

39. Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова и Е. В. Кочкина. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. – 992 с. – ISBN 5-89329-613-3. – Текст: непосредственный.

40. Головина, А. Ф. Великая благотворительница / А. Ф. Головина. – Пенза: б. и., 2003. – 120 с. – ISBN 5-93434-062. – Текст: непосредственный.

41. Головина, А. Ф. Великая благотворительница / А. Ф. Головина. – Москва: ООО «Издательство ПЕНАТЫ», 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-87902-275-9. – Текст: непосредственный.

42. Голубинский, И. Историческая записка о Жабской церковно-приходской школе Краснослободского уезда / И. Голубинский // Пензенские епархиальные ведомости. – 1902. – № 11. – 1 июля. – Ч.Н. – С. 453–467. – Текст: непосредственный.

43. Горайко, А. В. История Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского Общества: 1893 год, предоткрытие. К 130-летию создания Пензенского отдела ИППО / А. В. Горайко // Православный палестинский сборник. – 2023. – С. 179–197. – Текст: непосредственный.

44. Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., ввод. ст. и коммент. Н. В. Козловой // Труды исторического факультета МГУ: Вып. 23. Сер. 1. Исторические источники. – Москва: Изд-во Моск. Ун-та, 2002. – 608 с. – ISBN 5–211–04410–X. – Текст: непосредственный.

45. Гошуляк, В. В. Российская дворянская геральдика / В. В. Гошуляк, И. К. Калмакан, М. В. Емельянов. – Пенза, 1998. – 115 с. – Текст: непосредственный.

46. Гошуляк, Л. Д. Губернский образовательный комплекс России второй половины XIX – начало XX веков / Л. Д. Гошуляк. – Москва: Янус-К, 2001. – 384 с. – Текст: непосредственный.

47. Гришина, З. В. Союз равноправности женщин (1905–1908) / З. В. Гришина // Проблемы истории СССР. – Вып. VI. – Москва, 1977. – С. 255–272. – Текст: непосредственный.

48. Гусева, Т. М. Женские монастыри как центры духовной культуры Мордовского края / Т. М. Гусева // Центр и периферия: культура российской провинции / отв. ред. и сост. Т.М. Гусева. – Саранск: Труды НИИГН. – Т. 7 (124). – 2008. – С. 83–86. – Текст: непосредственный.

49. Дворжанский, А. И. История Пензенской епархии: Исторический очерк. Кн. 1 / А. И. Дворжанский. – Пенза: б. и., 1999. – 509 с. – Текст: непосредственный.

50. Денисенко, Н. В. Замужняя женщина в Российской империи: регламентация личных прав и обязанностей (XIX – начало XX вв.) / Н. В. Денисенко // Женщина в российском обществе. – 2022. – Специальный выпуск. – С. 121–132. – Текст: непосредственный.

51. Денисова, Л. Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт / Л. Н. Денисова. – Москва: «Памятники исторической мысли»; «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – 480 с. – ISBN 5-88451-199-X; ISBN 4-8243-0760-1. – Текст: непосредственный.

52. Добровольский, В. И. Брак и развод: Очерк по русскому брачному праву / В. И. Добровольский. – Санкт-Петербург: Тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1903. – 247 с. – Текст: непосредственный.

53. Догаева, В. П. Буржуазно-либеральные реформы 1860–1870-х гг. в Пензенской губернии / В. П. Догаева // Пензенский край в истории и культуре России / под ред. О. А. Суховой. – Пенза: изд-во ПГУ, 2014. – С. 121–149. – Текст: непосредственный.

54. Дорофеева, Т. Г. Мария Михайловна Киселева. Подвиг беззаветного служения / Т. Г. Дорофеева // Annalid’Italia. – 2022. – № 31. – С. 90–92. – Текст: непосредственный.

55. Есипов, Г. В. Амазонская рота при Екатерине II / Г. В. Есипов // Исторический вестник. – 1886. – Т. XXIII. – Январь. – С. 71–75. – Текст: непосредственный.

56. Женщина в гражданском обществе: история, философия, социология // Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества и Фонда Конрада Аденауэра, 2002. – 307 с. – Текст: непосредственный.

57. Земцов, Л. И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х гг. XIX века: по материалам Центрального Черноземья / Л. И. Земцов. – Воронеж: Изд-во воронежского государственного университета, 2002. – 447 с. – Текст: непосредственный.

58. Зинченко, Н. Е. Женское образование в России. Исторический очерк / Н.Е. Зинченко. – Санкт-Петербург: Коммерч. скоропеч., 1901. – 46 с. – Текст: непосредственный.

59. Зырянов, П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг./ П. Н. Зырянов. – Москва: Наука, 1992. – 256 с. – Текст: непосредственный.

60. Иванов, В. А. Высшая школа России в конце XIX – начала XX веков / В. А. Иванов. – Москва: АН СССР. Институт истории СССР, 1991. – 392 с. – Текст: непосредственный.

61. Илинский, П. А. Русская женщина в войну 1877–1878 г.: Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшериц и женщин-врачей / Сост. П. А. Илинский. – Санкт-Петербург: типо-лит. П.И. Шмидта, 1879. – IV, 280 с. – Текст: непосредственный.

62. Ильина, И. П. Влияние войн на брачность советских женщин / И. П. Ильина // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. статей / Под ред. и с предисл. А.Г. Вишневского. – Москва: Статистика, 1977. – С. 50–82. – Текст: непосредственный.

63. Исторический очерк Совета Императорского человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений / Сост. В. Троицкий. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1898. – 465 с. – Текст: непосредственный.

64. Кабытова, Н. Н. Общественно-политические организации Поволжья в 1914 – 1917 гг. / Н. Н. Кабытова // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 11 (133). – С. 193–200. – Текст: непосредственный.

65. Казакова-Апкаримова, Е. Ю. Горожане и общественные организации на Урале во второй половине XIX – начале XX в.: граждане или «стрюцкие»? / Е. Ю. Казакова-Апкаримова // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 1 (38). – С. 40–45. – Текст: непосредственный.

66. Казакова-Апкаримова, Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. / Е. Ю. Казакова-Апкаримова. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 289 с. – ISBN 5-7691-1670-5 (в пер.). – Текст: непосредственный.

67. Кальманович, А. А. Женское движение и отношение партий к нему / А. А. Кальманович. – Санкт-Петербург: Тип. Б. М. Вольфа, 1908. – 15 с. – Текст: непосредственный.

68. Карнишина, Н. Г. Периодическая печать Российской империи пореформенного периода второй половины XIX в. в контексте проблемы взаимодействия власти и общества / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2022. – № 2. – С. 3–9. – Текст: непосредственный.

69. Карнишина, Н. Г. Столица и провинция. Российская политическая культура 1860-х – 1890-х гг./ Н. Г. Карнишина. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. университета, 1999. – 202 с. – Текст: непосредственный.

70. Карнишина, Н. Г. Центр и регион: исторические модели взаимодействии / Н. Г. Карнишина. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. университета, 2003. – 244 с. – ISBN 5-94170-022-9. – Текст: непосредственный.

71. Карнишина, Н. Г. Информационная среда провинциальной России конца XIX – начала XX в.: методология исследования / Н. Г. Карнишина, В. Ю. Карнишин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (49). – С. 15–22. – Текст: непосредственный.

72. Касимов, А. С. Революция 1905 – 1907 гг. в Пензенской губернии // Пензенский край в истории и культуре России / Под общ. ред. О. А. Суховой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – С. 239–246. – Текст: непосредственный.

73. Ключко, О. И. Концепция гендерной ментальности как методологическое основание гендерного подхода в социально-психологическом исследовании / О. И. Ключко // Социальная психология и общество. – 2022. – Том 13. – № 4. – С. 13–29. – Текст: непосредственный.

74. Коблова, Н. А. Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XX вв.: на примере деятельности М. М. Киселевой / Н. А. Коблова, О. В. Колпакова, О. А. Сухова // Былые годы. – 2023. – № 18 (4). – С. 1809–1817. – Текст: непосредственный.

75. Кобозева, З. М. Мещанка и паспорт: как женщины мещанского сословия преодолевали и использовали «паспортную зависимость» / З. М. Кобозева // Женщина в российском обществе. – 2018. – № 4. – С. 132–139. – Текст: непосредственный.

76. Кобозева, З. М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или рассказ о «душе с повинностями»: монография/ З. М. Кобозева. – Самара: Изд-во СамГУ, 2013. – 615 с. – ISBN 978-5-86465-584-9. – Текст: непосредственный.

77. Ковалев К. Н. Историческое развитие быта женщины, брака и семьи. Хрестоматия / Под ред. Проф. С. Я. Вольфсона. – Москва: Прометей, 1931. – 184 с. – Текст: непосредственный.

78. Ковригина, В. А. Здравоохранение / В. А. Ковригина // Очерки русской культуры XIX в. – Т. 2: Власть и культура. – Москва, 2000. – С. 395–471. – Текст: непосредственный.

79. Козловцева, Е. Н. Московские общины сестер милосердия в XIX – начале XX века / Е. Н. Козловцева. – Москва: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2010. – 208 с. – ISBN 978-5-7429-0592-9. – Текст: непосредственный.

80. Коллонтай, А. М. Социальные основы женского вопроса / А. М. Коллонтай. – Санкт-Петербург: Изд-во тов-ва «Знание», 1909. – 431 с. – Текст: непосредственный.

81. Конохова, А. С. Сестры милосердия в годы революции и Гражданской войны / А. С. Конохова // Новейшая история России. – 2012. – № 1. – С. 91–99. – Текст: непосредственный.

82. Косетченкова, Е. А. Аспекты женского медицинского профессионального образования в России в конце XIX – начале XX в. / Е. А. Косетченкова // Фундаментальные исследования (Пенза). – 2014. – № 11-5. – С. 1184–1187. – Текст: непосредственный.

83. Кошелева, А. И. Гласность и церковь: православное духовенство Пензенской и Самарской епархий пореформенного периода / А. И. Кошелева. – Москва; Старая Потловка Пенз. обл.: Издательство «Спасское дело», 2024. – 288 с. – ISBN 978-5-6047870-9-0. – Текст: непосредственный.

84. Кузьмин, А. З. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. / А. З. Кузьмин. – Пенза: Пензенское книжное издательство, 1955. – 248 с. – Текст: непосредственный.

85. Кукленко, О. М. Социально-правовой статус и семейное положение женщин духовного сословия Российской империи во второй

половине XIX века / О. М. Кукленко // Научный альманах стран Причерноморья. – 2023. – № 9(3). – С. 53−59. – Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pravovoy-status-i-semeynoe-polozhenie-zhenschin-duhovnogo-sosloviya-rossiyskoy-imperii-vo-vtoroy-polovine-xix-veka/viewer (дата обращения: 15.05.2025).

86. Кулишер, М. И. Очерки сравнительной этнографии и культуры / М. И. Кулишер. – Москва: URSS, 2010. – 290 с. – ISBN 978-5-397-01585-1. – Текст: непосредственный.

87. Кулишер, М. И. Развод и положение женщины: зависимость семейных отношений от общественного строя / М. И. Кулишер. – Изд-е 2-е репр. – Москва: URSS, сор. 2011. – 288 с. – ISBN 978-5-397-02742-7. – Текст: непосредственный.

88. Курская, А. С. Участие женотделов в проведении кампании по ликвидации неграмотности / А. С. Курская // Коммунистка. – Москва, 1923. – № 8. – С. 10–11. – Текст: непосредственный.

89. Латыпова, Д. Ф. Генезис института правового положения женщин: от римского права к современности / Д. Ф. Латыпова. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 125 с. – ISBN 5-7477-0858-9. – Текст: непосредственный.

90. Лашманов, Ф. Ф. Надежда Андреевна Дурова / Ф. Ф. Лашманов // Русская старина. – 1890. – Т. 67. – Вып. 9. – С. 657–663. – Текст: непосредственный.

91. Лейкина-Свирская, В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. / В. Р. Лейкина-Свирская. – Москва: Мысль, 1971. – 368 с. – Текст: непосредственный.

92. Лейкина-Свирская, В. Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах / В. Р. Лейкина-Свирская. – Москва: Мысль, 1981. – 283 с. – Текст: непосредственный.

93. Леонов, М. И. Эсеры и крестьянство Среднего Поволжья в революции 1905–1907 гг. / М. И. Леонов // Классовая борьба в Поволжье в

революции 1905–1907 гг. – Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1985. – С. 56–66. – Текст: непосредственный.

94. Леонов, М. И. Самарские женщины в феминистском движении начала XX века / М. И. Леонов, Ю. А. Зиновьева // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2022. – Т. 12. – № 5 (86). – С. 1552–1561. – Текст: электронный. – DOI: 10.35775/PSI.2022.86.5.001 (дата обращения: 14.05.2025).

95. Лесков, Н. С. Русские женщины и эмансипация / Н. С. Лесков // Русская речь. – 1861. – № 44. – С. 89–106; № 8. – С. 335–350. – Текст: непосредственный.

96. Летова, К. К. «Женский вопрос» и женское движение в России в дореволюционной отечественной историографии / К. К. Летова, Е. А. Куренкова // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2024. – № 1. – С. 133–140. – Текст: непосредственный.

97. Линденмайер, А. Добровольные благотворительные общества в эпоху великих реформ / А. Линденмайер // Великие реформы в России 1856–1874 гг. – Москва: Изд-во Моск. Ун-та, 1992. – С. 283–300. – Текст: непосредственный.

98. Лисовой, Н. Н. Киселева Мария Михайловна / Н. Н. Лисовой, Р. Б. Бутова // Энциклопедия ИППО. 1882–2022. – Москва: «Индрик», 2022. – С. 366–367. – Текст: непосредственный.

99. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.) / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство СПБ., 1994. – 400 с. – Текст: непосредственный.

100. Лысак, И. В. Общество как саморазвивающаяся система: возможности применения системного и синергетического подходов к исследованию социальной реальности / И. В. Лысак, Н. И. Басина // Вестник

Донского государственного технического университета. – 2011. – Т. 11. – № 10 (61). – С. 1896–1903. – Текст: непосредственный.

101. Любичанковский, С. В. Гражданское общество в русской провинции? Просветительская инициатива в Оренбургской губернии в последние десятилетия империи / С. В. Любичанковский // Родина. – 2010. – № 6. – С. 6–9. – Текст: непосредственный.

102. Макаркина, О., Полосин, Н. И. Из истории женского образования в Пензенской губернии / О. Макаркина, Н. И. Полосин // Краеведение. – 1998. – № 3–4. – С. 66–68. – Текст: непосредственный.

103. Мельников, М. В. Женское предпринимательство в период социально-экономических трансформаций: опыт второй половины XIX – начало XX вв. / М. В. Мельников // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – Нижний Новгород: НГТУ, 2012. – № 3. – С. 46-51. – Текст: непосредственный.

104. Меньшикова, Е. Н. Конструирование репрезентативного образа женщины «нового типа» конца XIX – начала XX века / Е. Н. Меньшикова, М. Ю. Семенов // Историческая психология и социология истории. – 2014. – № 2. – С. 117–131. – Текст: непосредственный.

105. Мижуев, П. Г. Влияние народного образования на народные богатство, здоровье и нравственность, и другие стороны общественной жизни / П. Г. Мижуев. – Санкт-Петербург: типография И.Н. Скороходова, 1901. – 148 с. – Текст: непосредственный.

106. Мижуев, П. Г. Женский вопрос и женское движение / П. Г. Мижуев. – Санкт-Петербург: Тип Альтшулера, 1906. – 72 с. – Текст: непосредственный.

107. Миловидова, Э. Женский вопрос и женское движение: хрестоматия / под ред. и с введ. Клары Цеткин. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1929. – 507 с. – Текст: непосредственный.

108. Миронов, Б. Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России / Б. Н. Миронов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. XL. – № 3. – С. 164–176. – Текст: непосредственный.

109. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. / Б. Н. Миронов. – 3-е изд., испр., доп. – Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2003. – Т. 1. – 548 с.; Т. 2. – 583 с. – ISBN 5-86007-395-X; ISBN 5-86007-396-8. – Текст: непосредственный.

110. Миронов, Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. / Б. Н. Миронов // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. статей / Под ред. и с предисл. А. Г. Вишневского. – Москва: Статистика, 1977. – С. 83–104. – Текст: непосредственный.

111. Михайлов, М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе / М. Л. Михайлов // Современник. – 1860. – № 4. – С. 473–500; № 5. – С. 89–106; № 8. – С. 335–350. – Текст: непосредственный.

112. Михайлова, В. Русские законы о женщинах / В. Михайлова. – Москва: тип. АО «Моск. изд-во», 1913. – 118 с. – Текст: непосредственный.

113. Мицюк, Н. А. Женщины российской провинции XIX – начала XX века: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии) / Н. А. Мицюк. – Смоленск: Свиток, 2013. – 415 с. – Текст: непосредственный.

114. Мордовцев Д. Л. Собрание сочинений: В 14 т. Т. 11. Москва, 1996. 543 с. – Текст: непосредственный.

115. Морозов, С. Д. Центральная Россия в 1897–1917 гг.: проблемы социальной структуры / С. Д. Морозов. – Москва: ИРИ РАН; Пенза, ПГУАС, 2009. – 294 с. – Текст: непосредственный.

116. Морозова, О. М. Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин / О. М. Морозова,

Т. И. Трошина // Новейшая история России. – 2016. – № 2. – С. 8–30. – Текст: непосредственный.

117. Муравьева, О. С. Как воспитывали русского дворянина / О. С. Муравьева. – Москва: LINKA-РГЕSS, 1995. – 270 с. – Текст: непосредственный.

118. Некрасова, Е. С. Надежда Андреевна Дурова (псевдонимы: Девица-кавалерист, Александров). 1783–1866 / Е. С. Некрасова // Исторический вестник. – 1890. – Т. XLI. – Июль. – С. 585–612. – Текст: непосредственный.

119. Немирович-Данченко, В. И. Боевая Голгофа / В. И. Немирович-Данченко. – Санкт-Петербург: Товарищество «Просвещение», 1911. – 410 с. – Текст: непосредственный.

120. Овцын, В. Развитие женского образования (исторический очерк) / В. Овцын. – Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1887. – 42 с. – Текст: непосредственный.

121. Оглоблин, Н. «Женский вопрос» в Сибири в XVII в. / Н. Оглоблин // Исторический вестник. – 1890. – Т. XLI. – Июль. – С. 195–207. – Текст: непосредственный.

122. Ососков, А. В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917) / А. В. Ососков. – Москва: Просвещение, 1982. – 208 с. – Текст: непосредственный.

123. Павлюченко, Э. А. Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер / Э. А. Павлюченко. – Москва: Мысль, 1988. – 269 с. – Текст: непосредственный.

124. Патрикеева, О. А. Женские организации России начала XX в.: борьба за политическое равноправие / О. А. Патрикеева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2013. – № – С. 18–28. – Текст: непосредственный.

125. Пашенцева, С. В. Правовой статус и структура женских благотворительных обществ России конца XIX – начала XX века / С. В. Пашенцева. – Москва: Союз, 1999. – 48 с. – Текст: непосредственный.

126. Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны: монография / С. В. Белоусов, О. А. Сухова, С. О. Юдин; под общ. ред. О. А. Суховой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. – 464 с. – ISBN 978-5-94170-952-6. – Текст: непосредственный.

127. Петайкина, М. В. Женское движение в Среднем Поволжье в период революции 1905–1907 гг. / М. В. Петайкина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 11. – № 2. – 2009. – С. 95–100. – Текст: непосредственный.

128. Петайкина, М. В. Поволжские губернии: характеристика феминистского движения в период революции 1905–1907 гг. / М. В. Петайкина, А. Н. Лялина // Власть. – 2011. – № 4. – С. 120–123. – Текст: непосредственный.

129. Петражицкий, Л. И. О пользе политических прав женщин / Л. И. Петражицкий. – Санкт-Петербург: Тип. Б. М. Вольфа, 1907. – 15 с. – Текст: непосредственный.

130. Петров-Эннкер, Б. Женщины наступают: об истоках женской эмансипации в России / Б. Петров-Энкер // Отечественная история. – 1993. – № 5. – С. 173–182. – Текст: непосредственный.

131. Пиетров-Эннкер, Б. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / Б. Пиетро-Эннкер; пер. с нем. Ю. П. Шаттона. – Москва: Изд. центр Рос. гуманитар. ун-та, 2005. – 441 с. – ISBN 5-7281-0629-3. – Текст: непосредственный.

132. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации: монография / И. В. Побережников. – Москва: РОССПЭН, 2006. – 240 с. – ISBN 5-8243-0712-1 (в пер.). – Текст: непосредственный.

133. Полутина, Е. В. Становление и развитие женского гимназического образования в городах мордовского края в конце XIX – начале XX в. / Е. В. Полутина // Интеграция образования. – 2006. – № 2. – С. 60 – 65. – Текст: непосредственный.

134. Попов, А. Е. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии / А. Е. Попов. – Пенза: Типография Пензенского губернского правления, 1896. – 272 с. – Текст: непосредственный.

135. Провинциальный город Российской империи последней четверти XIX – начала XX вв.: Опыт исторического моделирования: монография / Карнишина Н. Г., Карнишин В. Ю., Шевнина О. Е. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2022. – 120 с. – ISBN 978-5-8356-1798-2. – Текст: непосредственный.

136. Профессиональные группы и общества как акторы российской позднеимперской модернизации (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.) / С. Я. Бугаева, Л. А. Дашкевич, И. В. Побережников (руководитель проекта) [и др.]; ответственный редактор И. В. Побережников. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 148 с. – ISBN 978-5-9907691-6-8. – Текст: непосредственный.

137. Пушкарева, Н. Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801–1905 гг.: формы социальной активности) / Н. Л. Пушкарева // Отечественная история. – 2002. – № 6. – С. 52–67. – Текст: непосредственный.

138. Пушкарева, Н. Л. Гендерная история и историческое знание / Н. Л. Пушкарева. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 495 с. – ISBN 978-5-91419-007-8 (в пер.). – Текст: непосредственный.

139. Пушкарева, Н. Л. Гендерное измерение повседневности и его отражение в социокультурной памяти / Н. Л. Пушкарева // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности: Материалы XV-ой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН в двух частях. –

Том 1. – Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2022. – С. 12–19. – Текст: непосредственный.

140. Пушкарева, Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы / Н. Л. Пушкарева // Вопросы истории. – 1998. – № 6. – С. 76–86. – Текст: непосредственный.

141. Пушкарева, Н. Л. Российское женское движение 1812–2020 г. (социальный состав, цели, достижения) / Н. Л. Пушкарева // Женская активность: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью "АЛЕФ", 2021. – С. 16–25. – Текст: непосредственный.

142. Пушкарева, Н. Л. Русская женщина: История и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы к библиографии / Н. Л. Пушкарева. – Москва: Ладомир, 2002. – 526 с. – ISBN 5-86218-397-3. – Текст: непосредственный.

143. Пушкарева, Н. Л. Социально-культурное и семейно-бытовое пространство двух поволжских городов 1950–1960-х гг. в женской социальной памяти / Н. Л. Пушкарева, А. В. Жидченко // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30. – № 1. – С. 114–126. – Текст: непосредственный.

144. Пушкарева, Н. Л. Два века женского движения в России и его современное состояние / Н. Л. Пушкарева, И. М. Пушкарева // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 2. – С. 17–27. – Текст: непосредственный.

145. Пушкарева, Н. Л. Женское движение в общественно-политической жизни России 1914–1917 гг. (некоторые итоги изучения проблемы в отечественной историографии) / Н. Л. Пушкарева, И. М. Пушкарева // Российская история. – 2017. – № 5. – С. 73–96. – Текст: непосредственный.

146. Пушкарева, Н. Л. Женщины в российском рабочем движении 1890–1917 гг.: вопросы и историографические обобщения / Н. Л. Пушкарева, И. М. Пушкарева // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 4. – С. 109–125. – Текст: непосредственный.

147. Рабжаева, М. В. Женская эмансипация в России: эксперименты по гендерному конструированию // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2001 г.) / составитель Г.А. Тишкин. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 26–29. – Текст: непосредственный.

148. Рассказова, Л. В. Беспрерывный подвиг. Биографический очерк – исследование о М. В. Захарченко / Л. В. Рассказова. – Москва: Издательский дом «Журналист», 2008. – 120 с. – ISBN 5-91318-005-4. – Текст: непосредственный.

149. Рашин, А. Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. / А. Г. Рашин // Исторические записки. – Т. 37. – Москва, 1973. – С. 28 – 81. – Текст: непосредственный.

150. Рашин, А. Г. Женский труд в СССР / А. Г. Рашин. – Москва: Вопросы труда, 1928. – Вып. 1. – 64 с. – Текст: непосредственный.

151. Российское общество защиты женщин. Положение о кружечном сборе Российского общества защиты женщин. – Санкт-Петербург: тип-лит. А. Ф. Маркова, 1903. – 10 с. – Текст: непосредственный.

152. Рюзен, Й. Кризис, травма и идентичность / Й. Рюзен; ред. Л. П. Репина // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. – Москва: ИВИ РАН, 2005. – С. 38–62. – Текст: непосредственный.

153. Рябов, О. В. «Матушка-Русь». Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии / О. В. Рябов. – Москва: Ладомир, 2001. – 202 с. – Текст: непосредственный.

154. Рябов, О. В. Русская философия женственности (XI – XX века) / О. В. Рябов. – Иваново: Юнона, Ивановский государственный университет, 1999. – 359 с. – Текст: непосредственный.

155. Савелова, М. А. Маскулинность и фемининность как ключевые категории гендерной теории / М. А. Савелова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2011. – № 5–6. – С. 43–47. – Текст: непосредственный.

156. Сенявская, Е. С. «Без бабы и без вина и война не нужна»: проблемы фронтовой морали в период Первой мировой войны / Е. С. Сенявская // Историческая психология и социология истории. – 2013. – № 1. – С. 32–48. – Текст: непосредственный.

157. Сенявская, Е. С. Военная антропология в новых исторических условиях / Е. С. Сенявская // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Т. 45. – № 8. – С. 46–54. – Текст: непосредственный.

158. Сердитова, С. Н. Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 г. – февраль 1917 г.) / С. Н. Сердитова. – Москва: Госполитиздат, 1959. – 135 с. – Текст: непосредственный.

159. Скойтен, М. С. Воспитание женщины / М. С. Скойтен; пер. с франц. Е. М. Басовой. с предисл. для рус. изд. авт. и А. П. Нечаева. – Санкт-Петербург: типография П. П. Сойкина, 1911. – 288 с. – Текст: непосредственный.

160. Соколов, А. Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества / А. Р. Соколов. – Санкт-Петербург: Изд-во «Лики России», 2005. – 256 с. – ISBN 5-87417-214-9. – Текст: непосредственный.

161. Соколов, А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX века) / А. Р. Соколов. – Санкт-Петербург: Лики России, 2006. – 648 с. – ISBN 5-87417-226-2. – Текст: непосредственный.

162. Солоусов, А. С. К вопросу об участии русских женщин в Сербско-турецкой войне 1876–1877 гг. / А. С. Солоусов. – Текст: непосредственный // Женщина в гражданском обществе: Материалы VI конференции, посвященной теории и истории женского вопроса и женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского философского общества и Фонда Конрада Аденауэра, 2002. – С. 102–108.

163. Стайтс, Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Р. Стайтс; пер. с англ. И. А. Школьникова, О. В. Шныровой. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 614 с. – Текст: непосредственный.

164. Стайтс, Р. Феминистское движение и большевики: Февральская и Октябрьская революции 1917 г. / Р. Стайтс // Гендерная реконструкция политических систем. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. – С. 300–328. – Текст: непосредственный.

165. Степанский, А. Д. Первые исторические общества в России / А. Д. Степанский // Вопросы истории. – 1973. – № 12. – С. 204–209. – Текст: непосредственный.

166. Степанский, А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX – XX вв./ А. Д. Степанский. – Москва: б/и, 1980. – 96 с. – Текст: непосредственный.

167. Стоюнин, В. Я. Образование русской женщины (По поводу двадцатипятилетия русских женских гимназий) / В. Я. Стоюнин // Исторический вестник. – 1883. – Т. XII. – № 4. – С. 125 – 153. – Текст: непосредственный.

168. Строкова, И. Х. Женщины Самарской губернии в Первой русской революции / И. Х. Строкова // Большевистские организации Поволжья в революции 1905–1907 гг. – Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1977. – С. 85–94. – Текст: непосредственный.

169. Сухова, О. А. Женское начало имперской модерности: благотворительность и социальное волонтерство в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. (на материалах Пензенской губернии) / О. А. Сухова, В. Н. Паршина. – Текст: непосредственный // «Женское наследие в культурах народов России и мира». Материалы XVII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Махачкала, 26–29 сентября 2024 г. / отв. ред. проф. Н. Л. Пушкарева; ред. проф. О. С. Мутиева, проф. Н. Н. Гарунова; сост. А. И. Громова, А. В. Жидченко: в 2-х ч. – Москва: ИЭА РАН, 2024. – Ч. 2. – С. 358–359.

170. Сухова, О. А. «Общинная революция в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья) / О. А. Сухова. – Пенза: ПГПУ, 2007. – 374 с. – ISBN 5-94321-066-0. – Текст: непосредственный.

171. Сухова, О. А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья / О. А. Сухова. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 679 с. – ISBN 978-5-8243-1006-1. – Текст: непосредственный.

172. Сухова, О. А. Революционный терроризм в России конца XIX – начала XX века: историография, методология, факты / О. А. Сухова // Исторический вестник. – Т. 2 (149). – 2012. – С. 136–173. – Текст: непосредственный.

173. Тард, Г. Общественное мнение и толпа / Г. Тард. – Москва: Тип. Мамонтова, 1902. – 200 с. – Текст: непосредственный.

174. Терновая, Л. О. Гендерная социология: женское движение. В ответах на «женский вопрос» / Л. О. Терновая. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 197 с. – ISBN 978-5-16-015198-4. – Текст: непосредственный.

175. Тишкин Г. А. Женский вопрос в России, 50-60-е гг. XIX в. / Г. А. Тишкин. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1984. – 239 с. – Текст: непосредственный.

176. Томан, И. Россия и Красный Крест (1917-1945) = LaRussieetlaCroix-Rouge (1917-1945): LaRussieetlaCroix-Rouge (1917-1945): Красный Крест в революционном государстве. Деятельность МККК в России после Октябрьской революции 1917 г. / И. Томан. – 2. изд. – Москва: Междунар. ком. Красного Креста, 2002 (ГУП Чехов. полигр. комб.). – 104 с. – Текст: непосредственный.

177. Троицкий, В. Д. Исторический очерк Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений / В. Д. Троицкий. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1898. – 468 с. – Текст: непосредственный.

178. Трубина, Е. Публика: краткий очерк понятия / Е. Трубина. – Текст: непосредственный // Публичная сфера: теория, методология, кейс стадии. – Москва: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2013. – С. 25–34.

179. Туманова, А. С. Благотворительные организации и формирование публичной сферы в Российской империи в XIX в. / А. С. Туманова // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – № 5 (127). – Статья 4. – Текст: электронный. – URL: https://publications.hse.ru/articles/826485005 (дата обращения: 16.05.2025).

180. Туманова, А. С. Благотворительные организации и формирование публичной сферы в Российской империи в XIX в. / А. С. Туманова // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 5 (127). – Текст: электронный. – URL: https://history.jes.su/s207987840026980-7-1/. (дата обращения: 16.05.2025).

181. Туманова, А. С. Общественные организации и русская публика / А. С. Туманова. – Москва: Новый хронограф, 2008. – 326 с. – ISBN 978-5-94881-042-3. – Текст: непосредственный.

182. Туманова, А. С. Публичное пространство России в 1906–1916 гг.: направления эволюции и формы коммуникации: монография / А. С. Туманова. – Текст: непосредственный // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / под редакцией А. И. Миллера, К. А. Соловьева. – Москва: Квадрига, 2021. – С. 203–236.

183. Туманова, А. С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы / А. С. Туманова. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – 488 с. – ISBN 5-89016-065-6. – Текст: непосредственный.

184. Туманова, А. С. Современная западная историография гражданского общества позднеимперской России / А. С. Туманова // Российская история. – 2011. – № 2. – С. 160–167. – Текст: непосредственный.

185. Тыркова, А. В. Освобождение женщины / А. В. Тыркова. – Петроград: Партия народной свободы; Тип. Т-ва п.ф. «Эл.-Тип. Н. Я. Стойновой», 1917. – 16 с. – Текст: непосредственный.

186. Тюстин, А. В., Шишкин И. С. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие. Т. 2. (М–Т). / А. В. Тюстин, И. С. Шишкин. – Москва: Локус Станди, 2012. – 216 с. – Текст: непосредственный.

187. Ушакова, В. Г. Женщины в современной российской политике и государственном управлении / В. Г. Ушакова, С. Д. Савин // Женщина в российском обществе. – 2023. – № 1. – С. 20–31. – Текст: непосредственный.

188. Фальборк, Г. Учительские общества, кассы, курсы и съезды / Г. Фальборк, В. Чарнолусский. – Санкт-Петербург, 1901. – 50 с. – Текст: непосредственный.

189. Федосова, Э. П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918) / Э. П. Федосова. – Москва: Педагогика, 1980. – 144 с. – Текст: непосредственный.

190. Федотова, А. Ю. «Нигилистки», «феминистки», «радикалки»: проблема идентификации самореализации женщин в начале XX в. (на

примере Е. Н. Ошаниной) / А. Ю. Федотова // Гасырлар авазы – Эхо веков Echoofcenturies.». – 2023. – № 2. – С. 164–172. – Текст: непосредственный.

191. Федотова, А. Ю. Женская общественная деятельность: терминология и методология изучения женского движения в России во второй половине XIX – начале XX в. / А. Ю. Федотова // Historia Provinciae – журнал региональной истории. – 2024. – Т. 8. – № 1. – С. 177–208. – Текст: непосредственный.

192. Федотова, А. Ю. Женщина «нового типа» в Казанской губернии на рубеже XIX–XX вв. / А. Ю. Федотова. – Текст: непосредственный // Женщина и государство. Историко-политические и социально-правовые измерения взаимоотношений (проблемный подход). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. – С. 217–230.

193. Филимонова, О. Ф. Публичное пространство города / О. Ф. Филимонова. – Саратов: Саратовский источник, 2017. – 185 с. – ISBN 978-5-91879-774-7. – Текст: непосредственный.

194. Хабермас, Ю. Социокультурная трансформация публичной сферы / Ю. Хабермас; Реферативн. перевод Т. Тягуновой // Публичная сфера: теория, методология, кейс стадии. – Москва: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2013. – С. 226–265. – Текст: непосредственный.

195. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас; пер. с нем. В. В. Иванова. – Москва: Весь мир, 2016. – 344 с. – ISBN 978-5-7777-0627-0. – Текст: непосредственный.

196. Хамбермас, Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Ю. Хабермас; пер. с нем. Т. Атнашева. – Москва: Новое литературное обозрение, 2023. – 104 с. – ISBN 978-5-4448-2197-8 (в пер.). – Текст: непосредственный.

197. Хасбулатова, О. А. Женское движение в России (Вторая половина XIX – начало XX в.) / О. А. Хасбулатова, Н. Б. Гафизова. –

Иваново, 2003. – 255 с. – ISBN 5-85229-147-1 (в пер.). – Текст: непосредственный.

198. Хасбулатова, О. А. Женское движение в России как фактор социального прогресса (1900–1917 гг.) / О. А. Хасбулатова // Женщина в российском обществе. – 2017. – № 2 (83). – С. 5–14. – Текст: непосредственный.

199. Хасбулатова, О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917) / О. А. Хасбулатова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. – 372 с. – Текст: непосредственный.

200. Хвостов, В. М. Женщина накануне новой эпохи: Два этюда по женскому вопросу / В. М. Хвостов. – Москва: Издание П. Д. Путиловой, 1905. – 101 с. – Текст: непосредственный.

201. Хвостова, И. А. Начальное образование пореформенной России: законоположения 1864, 1869 и 1874 гг. / И. А. Хвостова // Культура. Духовность. Общество. – 2014. – № 13. – С. 26–31. – Текст: непосредственный.

202. Хобсбаум, Э. Век Империи. 1875–1914 / Э. Хобсбаум. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1999. – 512 с. – ISBN 5-222-00616-6. – Текст: непосредственный.

203. Хренов, Н. А. Публика в истории культуры / Н. А. Хренов. – Москва: Гос. ин-т искусствознания, 2002. – 495 с. – Текст: непосредственный.

204. Хэфнер, Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860–1914 гг.) / Л. Хэфнер. – Текст: непосредственный // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А. Н. Зорин (руководитель проекта). – Ульяновск, 2000. – С. 468–526.

205. Хэфнер, Л. CivilSociety, Bürgertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной

модернизации в позднеимперской России / Л. Хэфнер // AbImperio. – 2002. – №3. – С. 161–208. – Текст: непосредственный.

206. Цедербаум, С. О. Женщина в русском революционном движении (1870–1905) / С. О. Цедербаум. – Ленинград: Рабочее издательство «Прибой», 1927. – 196 с. – Текст: электронный. – URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/32150-tsederbaum-s-o-v-ezhov-zhenschina-v-russkom-revolyutsionnom-dvizhenii-1870-1905-l-1927 (дата обращения: 13.04.2025).

207. Чарнолусский, В. И. Список учительских обществ, собраний и клубов, учрежденных до 1907 г. / В. И. Чарнолусский // Русский учитель. – 1912. – № 4. С. 411–416; № 5. С. 503–509; № 6–9. С. 599–606; № 10. С. 702–725. – Текст: непосредственный.

208. Чирков, П. М. Решение женского вопроса в СССР. (1917-1937 гг.) / П. М. Чирков. – Москва: Мысль, 1978. – 255 с. – Текст: непосредственный.

209. Шабанова, А. Н. Очерк женского движения в России / А. Н. Шабанова. – Санкт-Петербург: Книгоиздат. т-во «Просвещение», 1912. – 34 с. – Текст: непосредственный.

210. Шадрина, А. Не замужем: секс, любовь и семья за пределами брака / А. Шадрина. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 240 с. – ISBN 978-5-4448-0135-2. – Текст: непосредственный.

211. Шангина, И. И. Русские девушки / И. И. Шангина. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2007. – 352 с. – ISBN 978-5-395-00027-9. – Текст: непосредственный.

212. Шевченко, Л. А. История российского женского движения в трудах отечественных ученых XIX – XX вв. / Л. А. Шевченко, В. А. Кудашкин // Проблемы социально-экономического развития Сибири : научный журнал. – Братск: БрГУ. – 2018. № 3. – С. 153–158. – Текст: непосредственный.

213. Шнирельман, В. А. Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации / В. А. Шнирельман // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 2. – С. 6–29. – Текст: непосредственный.

214. Щепкина, Е. Н. Из истории женской личности в России. – Санкт-Петербург: Типография Б. М. Вольфа, 1914. – 307 с. – Текст: непосредственный.

215. Щербинин, П. П. «Военный фактор» в формировании гражданственности россиянок в 19 – начале 20 вв. / П. П. Щербинин. – Текст: непосредственный // Женщина в гражданском обществе: Материалы VI конференции, посвященной теории и истории женского вопроса и женского движения / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского философского общества и Фонда Конрада Аденауэра, 2002. – С. 98–100. – Текст: непосредственный.

216. Щербинин, П. П. Баба с газетой: Как жила черноземная провинция во время войны с Японией / П. П. Щербинин // Родина. – 2004. – № 4. – С. 95–97. – Текст: непосредственный.

217. Щербинин, П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. / П. П. Щербинин. – Тамбов: Юлис, 2004. – 510 с. – ISBN 5-98407-008-1. – Текст: непосредственный.

218. Щербинин, П. П. Женщины в русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. / П. П. Щербинин // Вестник ТГУ. – Вып. 3 (35). – 2004. – С. 42–49. – Текст: непосредственный.

219. Щербинин, П. П. Жизнь российской солдатки в XVIII–XIX веках / П. П. Щербинин // Вопросы истории. – 2005. – № 1. – С. 79–92. – Текст: непосредственный.

220. Щербинин, П. П. Повседневная жизнь русской солдатки по документам Госархива Тамбовской области. XIX – начало XX в. / П. П. Щербинин // Отечественные архивы. – 2004. – № 6. – С. 56-66. – Текст: непосредственный.

221. Щербинин, П. П. Повседневная жизнь сестер милосердия в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. / П. П. Щербинин // Вестник Костромского государственного университета. – 2004. – № 5. – С. 81–91. – Текст: непосредственный.

222. Шорина, М. М. Духовно-нравственные предпосылки становления благотворительной деятельности четы Киселевых в сфере отечественного просвещения в XIX в / М. М. Шорина, С. В. Сергеева // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2007. – № 3. – С. 84–92. – Текст: непосредственный.

223. Шумигорский, Е. С. (1857-1920). Императорское женское патриотическое общество (1812-1912) / Е. С. Шумигорский. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1912. – 226 с. – Текст: непосредственный.

224. Юкина, И. И. Всероссийские женские съезды как точки роста феминистского движения в России / И. И. Юкина // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 4. – С. 46–53. – Текст: непосредственный.

225. Юкина, И. И. Женское движение в России, ценз пола и суфражизм / И. И. Юкина. – Текст: непосредственный // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост.: Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. – С. 279–300. – ISBN 5-89329-613-3.

226. Юкина, И. И. История женщин в России. Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы. Материалы к библиографии / И. И. Юкина. – Санкт-Петербург: Алейтейя, 2003. – 232 с. – ISBN 5-89329-615-X. – Текст: непосредственный.

227. Юкина, И. И. От дам-патронесс до женотделовок: История женского движения России / И. И. Юкина. – Москва: Новое литературное обозрение, 2024. – 680 с. – ISBN 978-5-4448-2238-8. – Текст: непосредственный.

228. Юкина, И. И. Русский феминизм как вызов современности / И. И. Юкина. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 544 с. – ISBN 978-5-903354-21-4. – Текст: непосредственный.

229. Ярская-Смирнова, Е. Публичная сфера: программа исследования / Е. Ярская-Смирнова, П. Романов // Публичная сфера: теория, методология, кейс стадии. – Москва: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2013. – С. 7–22. – Текст: непосредственный.

230. Alexander, J. C. Cultural Trauma and Collective Identity / J. C. Alexander, R. Eyerman, G. Bernhard. – University of California Press Berkeley, California, 2004. – 314 p. – Text: direct.

231. Bernstein, L. Women on the Verge of a New Language: Russian Salon Hostesses in the First Half of the Nineteenth Century / L. Bernstein // Goscilo H., Holmgren B. (eds.). Russia – Women – Culture. – Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1996. – P. 209–224. – Text: direct.

232. Bradley, J. Russia's Parliament of Public Opinion: Association, Assembly, and the Autocracy, 1906–1917 / J. Bradley // Taranovski Th. with McInerny P. (eds.) Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle? – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – P. 212–236. – Text: direct.

233. Bradley, J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Sciences, Patriotism and Civil Society / J. Bradley. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2009. – 366 p. – Text: direct.

234. Bradley, J. Voluntary Associations, Civil Culture, and Obshchestvennost' in Moscow / J. Bradley. – Text: direct // Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / E. W. Clowes, S. D. Kassow, J. L. West. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. – P. 131–148. – Text: direct.

235. Clements, B. E. Bolshevik Women / B. E. Clements. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 356 p. – Text: direct.

236. Damousi, J. Writing Gender into History and History in Gender: Creating A Nation and Australian Historiography / J. Damousi // Gender & History. – 1999. – Vol. 11. – N 3. – P. 612–624. – Text: direct.

237. Enderlein, E. Yesterday was tomorrow: reflections on the First All-Russian Women's Congress of 1908 / E. Enderlein. – Text: direct // New Sources and New Methodologies in Women's Studies Research / ed. By G. Leduc. – Paris: L'Harmattan, 2004. – P. 129–143. – Text: direct.

238. Engel, B. A. Between the fields and the city: Women, work, a family in Russia, 1861–1914 / B. A. Engel. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1994. – 254 p. – Text: direct.

239. Engel, B. A. Women in Revolutionary Russia, 1861–1926 / B. A. Engel // Political and Historical Encyclopedia of Women. – N. Y.: Routledge, 2003. – 564 p. – Text: direct.

240. Frank, S. P. Women and Crime in Imperial Russia, 1834–1913: representing realities / S. P. Frank. – Text: direct // Gender and Crime in Modern Europe / M. L. Arnot, C. Usborne. – London: Routledge UCL PRESS, 1999. – P. 93–118.

241. Friedan, N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1865–1905 / N. M. Friedan. – Princeton: Princeton University Press, 1982. – 398 p. – Text: direct.

242. Habermas, J. The Theory of Communicative Action / J. Habermas. – Boston: Beacon Press. 1984. – 465 p. – Text: direct.

243. Hinterhuber, E. M. The fight for power: historical women's movements of Russia and Great Britain in comparison / E. M. Hinterhuber, J. Günther // Frontiers in Sociology. – 2023. – Text: electronic. – URL: https://www.researchgate.net/publication/375910356_The_fight_for_power_historical_women's_movements_of_Russia_and_Great_Britain_in_comparison.

244. Halbwachs, M. On Collective Memory / M. Halbwachs. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – 254 p. – Text: direct.

245. Holmgren, B. Stepping Out / B. Holmgren. – Text: direct // Going Under: Women in Russia' Twentieth-Century Salons / Goscilo H., Holmgren B. (eds.). – Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1996. – P. 225–246. – Text: direct.

246. Lindenmeyr, A. Poverty is not a Vice: Charity Society and the State in Imperial Russia / A. Lindenmeyr. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. – 335 p. – Text: direct.

247. Lindenmeyr, A. Voluntary Associations and Russian Autocracy: The Case of Private Charity/ A. Lindenmeyr. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1990. – 64 p. – Text: direct.

248. Money, J. Man & Woman, Boy & Girl: the Differentiation and Dimorphism of Gender Identity from Conception to Maturity / J. Money, A. Ehrhardt. – Baltimore, 1972. – 332 p. – Text: direct.

249. McDermid, J. Women and work in Russia, 1880-1930: a study in continuity through change / J. McDermid, A. Hillyar. – London; New York: Longman, 1998. – 236 p. – Text: direct.

250. Ruane, Ch. Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers: 1860–1914 / Ch. Ruane. – Pittsburgh, Penn; London: University of Pittsburgh Press, 1994. – 66 p. – Text: direct.

251. Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation / Ed. by B. Clements, B. Engel, C. Worobec. – Berkley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991. – 330 p. – Text: direct.

252. Ruthchild, Rochelle Goldberg. Equality & Revolution: Women's Rights in the Russian Empire, 1905–1917. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010. – xviii, 356 pp. – Text: direct.

253. Sandler, St. Pleasure, Danger, and Dance: Nineteenth-Century Russian Variations / St. Sandler. – Text: direct // Russia – Women – Culture / H. Goscilo, B. Holmgren. – Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1996. – Pp. 247–272.

254. Stoff, L. S. They Fought for the Motherland: Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution / L. S. Stoff. – Lawrence: University Press of Kansas, 2006. – 304 p. – Text: direct.

255. Stoller, R. Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity / R. Stoller. – New York: Science House, 1968. – 383 p. – Text: direct.

256. Swain, G. R. Freedom of Association and the Trade Unions, 1906–1914 / G. R. Swain. – Text: direct // Civil Rights in Imperial Russia / O. Crisp, L. Edmondson (eds.). – Oxford: Clarendon Press, 1989. – P. 171–190.

257. Wagner, W. G. Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia / W. G. Wagner. – N.Y.: Oxford University Press, 1994. – 428 p. – Text: direct.

258. Wood, E. A. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia / E. A. Wood. – Bloomington: Indiana University Press, 1997. – 318 p. – Text: direct.

2. Диссертации и авторефераты диссертаций

259. Васильева, С. П. Женское образование в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века: диссертация ... кандидата исторических наук / С. П. Васильева. – Тамбов, 2011. – 210 с. – Текст: непосредственный.

260. Временко, В. А. Высшее совместное образование мужчин и женщин в России в начале XX в.: диссертация … кандидата исторических наук / В. А. Временко. – Санкт-Петербург, 1996. – 269 с. – Текст: непосредственный.

261. Верхотурова, В. В. Общественная деятельность городской женщины Западной Сибири во второй половине XIX в.: на материалах Томской губернии: диссертация … кандидата исторических наук / В. В. Верхотурова. – Кемерово, 2007. – 177 с. – Текст: непосредственный.

262. Волков, В. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской империи: автореферат диссертации …

кандидата социологических наук / В. Волков. – Кембридж (Великобритания), 1995. – 28 с. – Текст: непосредственный.

263. Ворошилова, С. В. Правовое положение женщин в России в XIX – н. XX вв.: автореферат диссертации … доктора юридических наук / С. В. Ворошилова. – Саратов, 2011. – 62 с. – Текст: непосредственный.

264. Галиуллина, Г. Р. Женский вопрос в России: региональный аспект (1900-1917 гг.): автореферат диссертации … кандидата исторических наук / Г. Р. Галиуллина. – Казань, 1995. – 23 с. – Текст: непосредственный.

265. Гафизова, Н. Б. Исторический опыт взаимодействия российского и международного женских движений в конце XIX – начале XX века: диссертация … кандидата исторических наук / Н. Б. Гафизова. – Иваново, 2000. – 232 с. – Текст: непосредственный.

266. Горбунова, Е. Ю. Благотворительность в России и ее роль в общественно-культурной жизни на рубеже XIX – нач. XX в.: диссертация … кандидата исторических наук / Е. Ю. Горбунова. – Москва, 1996. – 175 с. – Текст: непосредственный.

267. Губанова, Т. С. «Женский вопрос» и стереотипы феминности в общественно-политическом дискурсе СССР конца 1960-х – начала 1980-х гг.: диссертация … кандидата исторических наук / Т. С. Губанова. – Самара, 2024. – 250 с. – Текст: непосредственный.

268. Доброва, О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века: диссертация … кандидата исторических наук / О. В. Доброва. – Пенза, 2007. – 270 с. – Текст: непосредственный.

269. Долидович, О. М. Женское движение в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: диссертация … кандидата исторических наук. – Красноярск, 2006. – 288 с. – Текст: непосредственный.

270. Долинникова, О. В. Повседневность работниц промышленных предприятий Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в.:

диссертация ... кандидата исторических наук / О. В. Долинникова. – Санкт-Петербург, 2022. – 195 с. – Текст: непосредственный.

271. Елисеева, Е. А. Женские монастыри в социокультурном пространстве российской провинции второй половины XIX – начала XX века (по материалам Симбирской епархии): диссертация ... кандидата исторических наук / Е. А. Елисеева. – Самара, 2021. – 210 с. – Текст: непосредственный.

272. Ельникова, Г. А. Духовные и социокультурные основания российского феминизма: диссертация … доктора социологических наук / Г. А. Ельникова. – Белгород, 2004. – 431 с. – Текст: непосредственный.

273. Ефимов, А. Л. Становление и развитие женского образования в Чувашии во второй половине XIX – начале XX века: диссертация ... кандидата исторических наук / А. Л. Ефимов. – Чебоксары, 2012. – 239 с. – Текст: непосредственный.

274. Зотова, Е. Б. Развитие и становление женского профессионального образования в Центральном регионе России в середине XIX – начале XX века: диссертация ... кандидата исторических наук / Е. Б. Зотова. – Иваново, 2009. – 237 с. – Текст: непосредственный.

275. Кабытова, Н. Н. Власть и общественные организации Поволжья в 1917 году: диссертация … доктора ист. наук / Н. Н. Кабытова. – Самара, 1999. – 462 с. – Текст: непосредственный.

276. Казанцева, С. Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX – начале XX века: диссертация ... кандидата исторических наук / С. Г. Казанцева. – Самара, 2000. – 237 с. – Текст: непосредственный.

277. Карченко, Т. А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века: диссертация ... кандидата исторических наук / Т. А. Карченко. – Омск, 2004. – 237 с. – Текст: непосредственный.

278. Кирьянова, О. Б. Развитие женского низшего профессионального образования в России конца XIX – начала XX века: диссертация … кандидата педагогических наук / О. Б. Кирьянова. – Саранск, 1996. – 170 с. – Текст: непосредственный.

279. Кобозева, З. М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX – начале XX в.: диссертация ... доктора исторических наук / З. М. Кобозева. – Самара, 2015. – 738 с. – Текст: непосредственный.

280. Ковальская, Е. Ю. Благотворительные организации великой княгини Елизаветы Федоровны: руководство, структура источники финансирования, жертвователи (1884–1918): диссертация ... кандидата исторических наук / Е. Ю. Ковальская. – Москва, 2023. – 457 с. – Текст: непосредственный.

281. Колесникова, В. Л. Женщина духовного сословия второй половины XIX – начала XX столетия : исторический портрет: на примере Курской и Тамбовской губерний: диссертация ... кандидата исторических наук / В. Л. Колесникова. – Воронеж, 2007. – 189 с. – Текст: непосредственный.

282. Косетченкова, Е. А. Становление и развитие женского профессионального образования в России в конце XIX – начале XX века: диссертация ... кандидата исторических наук / Е. А. Косетченкова. – Курск, 2005. – 233 с. – Текст: непосредственный.

283. Котлова, Т. Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX-XX вв. 1890–1914 : На материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний: диссертация ... доктора исторических наук / Т. Б. Котлова. – Иваново, 2003. – 411 с. – Текст: непосредственный.

284. Куприна, И. В. Феминистское движение в России во второй половине XIX – начале XX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук / И. В. Куприна. – Москва, 2000. – 148 с. – Текст: непосредственный.

285. Львов, К. И. Женское образование в СССР в прошлом и настоящем (в связи с проблемой совместного и раздельного обучения девочек народов СССР): диссертация ... доктора педагогических наук / К. И. Львов. – Москва, 1946. – 324 с. – Текст: непосредственный.

286. Малышева, Н. В. Общественно-политическое движение учащейся молодежи провинциальной России в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Среднего Поволжья): диссертация ... кандидата исторических наук / Н. В. Малышева. – Пенза, 1998. – 249 с. – Текст: непосредственный.

287. Мартыненко, Н. К. Женское движение в России во второй половине XIX – начале XX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук / Н. К. Мартыненко. – Воронеж, 2002. – 244 с. – Текст: непосредственный.

288. Меньшикова, Е. Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья в 60-90-е годы XIX века: исторический портрет: на примере Воронежской и Курской губерний: диссертация ... кандидата исторических наук / Е. Н. Меньшикова. – Белгород, 2008. – 258 с. – Текст: непосредственный.

289. Митрофанов, А. В. Общественные организации конфессионального характера в Саратовской и Пензенской губерниях в 1860-1890-е гг.: диссертация ... кандидата исторических наук / А. В. Митрофанов. – Пенза, 2019. – 176 с. – Текст: непосредственный.

290. Мохова, В. О. Основные предпосылки формирования психологии пола и гендерной проблематики (с XVIII по начало XX века): диссертация ... кандидата психологических наук / В. О. Мохова. – Москва, 2016. – 181 с. – Текст: непосредственный.

291. Нагорная, Ю. В. Российские женщины в благотворительном процессе второй половины XIX – начала XX веков: На материалах Терской области и Ставропольской губернии: диссертация ... кандидата исторических наук / Ю. В. Нагорная. – Ставрополь, 2006. – 277 с. – Текст: непосредственный.

292. Никитина, Т. Б. Женщины в русском освободительном движении 60–70-х гг. XIX века.: диссертация ... кандидата исторических наук / Т. Б. Никитина. – Ростов-на-Дону, 1971. – 319 с. – Текст: непосредственный.

293. Овечкина, С. Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии: Вторая половина XIX – начало XX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук / С. Ю. Овечкина. – Архангельск, 2005. – 235 с. – Текст: непосредственный.

294. Паршина, В. Н. Становление системы женского образования в России во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Пензенской губернии): диссертация ... кандидата исторических наук / В. Н. Паршина. – Пенза, 2007. – 272 с. – Текст: непосредственный.

295. Петайкина, М. В. Становление женских социальных и политических движений в Саратовской, Самарской и Симбирской губерниях в начале XX века: 1900-1907 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук / М. В. Петайкина. – Ульяновск, 2009. – 246 с. – Текст: непосредственный.

296. Пустарнакова, Д. А. Отечественные общественно-политические женские журналы второй половины XIX – начала XX веков: диссертация … кандидата филологических наук / Д. А. Пустарнакова. – Краснодар, 2013. – 181 с. – Текст: непосредственный.

297. Пушкарева, Н. Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социокультурных изменений: диссертация ... доктора исторических наук / Н. Л. Пушкарева. – Москва, 1997. – 357 с. – Текст: непосредственный.

298. Разуваева, Н. А. История российской благотворительности во второй половине XIX – начале XX вв.: По материалам Пензенской губернии: диссертация ... кандидата исторических наук / Н. А. Разуваева. – Пенза, 2006. – 220 с. – Текст: непосредственный.

299. Селиванова, О. С. Гендерные стереотипы как способ репрезентации патриархатной культуры: социально-философский анализ:

автореферат диссертации … кандидата философских наук / О. С. Селиванова. – Екатеринбург, 2006. – 21 с. – Текст: непосредственный.

300. Смирнова, В. Н. Женский вопрос на демократическом и социалистическом этапах революции: женщины Татарии в революции и гражданской войне: диссертация ... доктора исторических наук / В. Н. Смирнова. – Воронеж, 1971. – 691 с. – Текст: непосредственный.

301. Туманова, А. С. Неполитические общественные организации г. Тамбова в нач. XX в. (1900–1917): диссертация ... кандидата исторических наук / А. С. Туманова. – Воронеж, 1996. – 265 с. – Текст: непосредственный.

302. Фалько, Е. И. Русское Женское Взаимно-Благотворительное общество, 1895 – 1918 гг.: Реконструкция документального комплекса: диссертация ... кандидата исторических наук / Е. И. Фалько. – Москва, 2003. – 186 с. – Текст: непосредственный.

303. Хасбулатова, О. А. Социально-исторический опыт и традиции женского движения в России (1860–1917): диссертация ... доктора исторических наук / О. А. Хасбулатова. – Москва, 1995.– 365 с. – Текст: непосредственный.

304. Шатохина, С. Б. Эволюция образования женщин в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века в контексте повседневности: по материалам Воронежской и Курской губерний: диссертация ... кандидата исторических наук / С. Б. Шатохина. – Белгород, 2011. – 208 с. – Текст: непосредственный.

305. Шафранова, О. И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в.: диссертация ... кандидата исторических наук / О. И. Шафранова. – Ставрополь, 2004. – 327 с. – Текст: непосредственный.

306. Шилина, Т. А. Эволюция женского образования в России: государственная политика и общественная инициатива (конец XVIII – начало

XX вв.): диссертация ... кандидата исторических наук / Т. А. Шилина. – Саратов, 2010. – 242 с. – Текст: непосредственный.

307. Щербинин, П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в.: диссертация ... доктора исторических наук. – Москва, 2005. – 489 с. – Текст: непосредственный.

308. Юкина, И. И. Историко-социологический анализ женского движения России середины XIX – начала XX веков: диссертация ... кандидата социологических наук / И. И. Юкина. – Санкт-Петербург, 2000. – 210 с. – Текст: непосредственный.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Фотография. Группа пензенских сестёр милосердия во время Русско-турецкой войны. В 1-м ряду 1-я слева жена пензенского губернатора Л. А. Татищева. 1877 г.

Пензенский государственный краеведческий музей (далее – ПГКМ). КП-15898.

Приложение 2

Фотография. Монахиня Хвостова Анна Ивановна[1].

[1] Взято с: «Открытый список» – база данных жертв политических репрессий в СССР: сайт. URL: https://ru.openlist.wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%90%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%81%D0%B8%D1%8F_(%D0%A5%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%90%D0%BD%D0%BD%D0%B0_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0)-2.jpg?utm_medium=organic&utm_source=yasmartcamera (дата обращения: 20.07.2025).

Приложение 3

Фотография. Сестры милосердия. 2-я слева – жена пензенского губернатора Констанция Христиановна фон Лилиенфельд-Тоаль.

ПГКМ. КП-11388/11.

.

Приложение 4

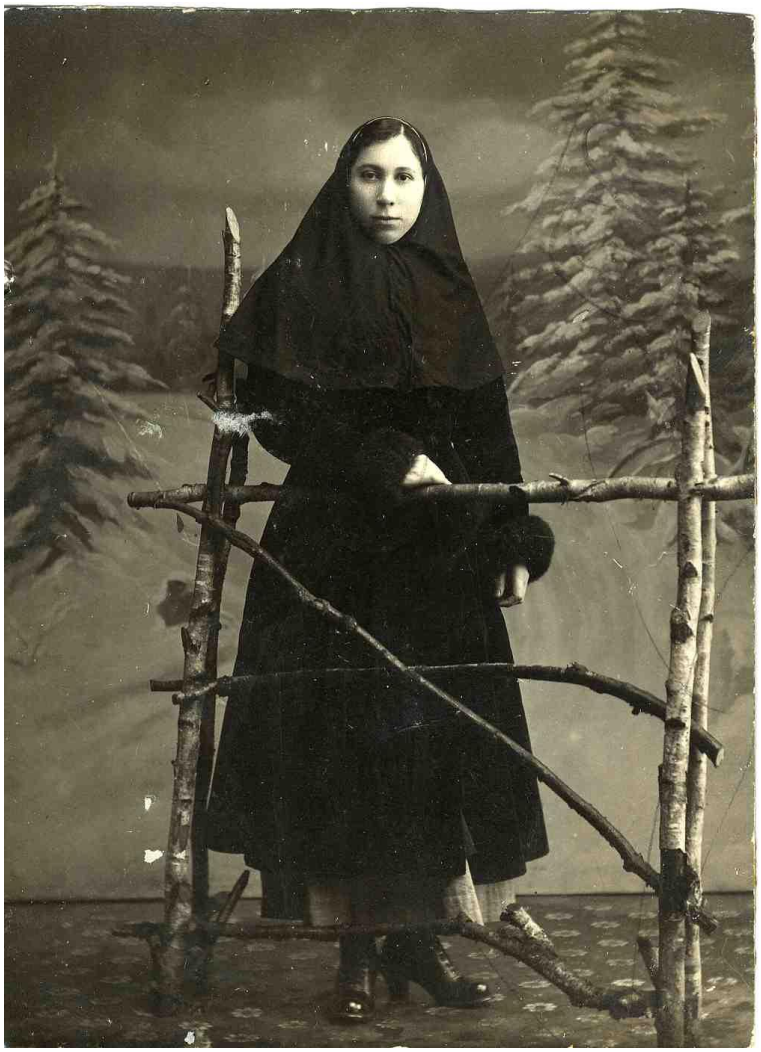
Фотография. Смелова Клавдия Афанасьевна (урождённая Мосолова) (1893-1963). Сестра милосердия тылового лазарета в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг.

ПГКМ. КП-21272/1.

Приложение 5

Фотография. Зинаида Радзинтковская. Сестра милосердия лазарета № 5 Пензенского комитета союза городов. Подруга К. А. Смеловой.

ПГКМ КП-21272/4



Приложение 6

Фотография. Е. Д. Чуйкевич. Сестра милосердия в годы Первой Мировой войны с ранеными солдатами.

ПГКМ. КП-11388-10/1.

Приложение 7

Фотография. Сестра милосердия К. А. Мозжухина.

ПГКМ. КП-11348/10.

Приложение 8

Фотография. Сестра милосердия Е. Тонитрова.

ПГКМ. КП-9247-4/1

Приложение 9

Фотография. Курсы сестер милосердия в г. Никольске на стекольном заводе. Сидит 2-я справа Калагина А. Т.

ПГКМ. КП-10120/7.